

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2021 – № 4 (13)

Ярославль
2021

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – № 4 (13). – 147 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2021-4-13

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Л. Г. Батракова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Т. Н. Гушина, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗиУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Д. С. Вахрушев, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Вейди Чжоу, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Волкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; В. А. Гордеев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Ярославского государственного технического университета; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; С. Е. Дубова, доктор экономических наук, профессор департамента финансовых рынков и банков Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; А. Е. Кальсин, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; П. Л. Карабушенко, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; В. А. Кваша, кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, директор Ярославского филиала; Р. В. Колесов, кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора Ярославского филиала; Збигнев Крушевский, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковича, г. Плоцк, Польша; Д. М. Мадиярова, доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; В. И. Пефтиев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; А. П. Опальский, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва; Д. Г. Сельер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ирина Упенице, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдыня, г. Рига, Латвия; В. А. Фокин, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; А. П. Чернявская, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Я. Ю. Шашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; Г. А. Шмарловская, доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь; В. А. Ясвин, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021
© Авторы статей, 2021

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2021. – № 4 (13). – 147 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2021-4-13

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, associate professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. G. Batrakova**, doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **D. S. Vakhrushev**, doctor of economical sciences, professor of the department of finance and credit of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor, head of the department of social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **V. A. Gordeev**, doctor of economical sciences, professor of the department of economics and management of Yaroslavl state technical university; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **S. E. Dubova**, doctor of economical sciences, professor of the department of financial markets and banks of the Financial university under the government of the Russian Federation, Moscow; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **A. E. Kalsin**, doctor of economical sciences, professor of the professor of the department of management and entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **V. A. Kvasha**, candidate of economical sciences, associate professor, Financial university under the Government of Russian Federation, director of Yaroslavl branch; **R. V. Kolesov**, candidate of economical sciences, associate professor, Financial university under the Government of the Russian Federation, deputy director of Yaroslavl branch; **Zbigniew Krushevsky**, doctor of pedagogical sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **D. M. Madiyarova**, doctor of economical sciences, professor of department of economical and entrepreneurship of the Eurasian national university named after L. N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **V. I. Pefüev**, doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. P. Opalsky**, doctor of economical sciences, professor, chief researcher of the all-Russian research institute of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor of the department of additional and technological education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2021
© Authors of articles, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

*Политические институты,
процессы и технологии*

Таланов С. Л. Социальная политика Российской Федерации и ее роль в повышении уровня жизни населения _____ 5

Никовская Л. И. Позитивно-функциональный потенциал общественных организаций в формирующемся сетевом обществе (конфликтологический аспект) _____ 35

Сельцер Д. Г. «Партийный исход» как антитеза кадровой политике КПСС _____ 50

Региональная экономика

Батракова Л. Г. Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России _____ 61

Булавко О. А., Ковенцева К. А. Развитие пространственно-экономической организации хозяйствования в регионах России _____ 85

Патрушева Е. Г., Райхлина А. В. Современный маркетинг региона: цели, инструменты, организация _____ 97

*Теория, методика и организация
социально-культурной деятельности*

Лаврентьева З. И. Цифровая платформа как технология семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей _____ 110

Фришман И. И. Особенности процесса профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования _____ 121

Зауторова Э. В. Ретроспективный анализ проблемы приобщения осужденных к ценностям искусства _____ 133

THE CONTENT

Political institutions, processes and technologies

Talanov L. S. Social policy of the Russian Federation and its role in raising the standard of living of the population _____ 6

Nikovskaya L. I. Positive-functional potential of public organizations in the emerging network society (a conflictological aspect) _____ 36

Seltzer D. G. “Party outcome” as the antithesis of the personnel policy of the CPSU _____ 51

Regional economics

Batrakova L. G. Regional inequality in the socio-economic development of Russia _____ 62

Bulavko O. A., Koventseva K. A. Development of spatial and economic organization of economic management in the regions of Russia _____ 86

Patrusheva E. G., Rajkhina A. V. Modern marketing of the region: goals, tools, organization _____ 98

*Theory, methods and organization
of socio-cultural activities*

Lavrentieva Z. I. Digital platform as a technology for the family placement of orphans and children left without parental care _____ 111

Frishman I. I. Features of the process of professional and personal development of additional education teachers _____ 122

Zautorova E. V. Retrospective analysis of the problem of introducing convicts to the values of art _____ 134

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

УДК 332

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-5-34

Социальная политика Российской Федерации и ее роль в повышении уровня жизни населения

Таланов Сергей Львович

Кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва.
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Аннотация. В рамках представленного в статье исследования анализируется удовлетворенность домохозяйств основными составляющими качества жизни. В рамках исследования проведен анализ документов (внешний и внутренний), в частности распоряжений Правительства РФ, Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ, а также осуществлен анализ статей расхода в федеральном бюджете на образование, медицину и т. п. Проведена оценка развития социальной сферы региона, изучены основные направления финансирования социальной сферы в регионе. Установлено, что представители из домохозяйств, которые относятся к слабо ресурсным группам в большей степени не поддерживают социальную политику, проводимую Правительством РФ, чем представители из домохозяйств, которые относятся к сильно и средне ресурсным группам. Большая часть опрошенных, независимо от материального благосостояния винят в ухудшении социально-экономической ситуации Правительство РФ. Выявлено, что мужчины в большей степени, чем женщины считают, что на качество жизни в регионе влияет политика, проводимая Центральным банком России. Выявили, что чем более состоятельные респонденты, тем больше они готовы принимать участие в различных видах деятельности по снижению бедности. Кроме того, установили, что, по мнению значительной части респондентов, основные социально-экономические проблемы в Ярославской области связаны с работой системы здравоохранения. Так, не зависимо от уровня материального благополучия и гендерных особенностей большинство опрошенных отметили, что очень сложно попасть на прием к врачу, так как все борются с коронавирусом-

ной инфекцией. У абсолютно всех домохозяйств, которые относятся к слабо ресурсным группам нет возможностей делать сбережения. Примерно у одной четвертой части респондентов домохозяйств, которые относятся к средне ресурсным группам также отсутствует возможность делать накопления. Значительная часть опрошенных оставшихся без работы не доверяет сервисам hh.ru, Superjob. При поиске работы рассчитывают на помощь родственников и друзей. Респонденты пояснили, что очень сложно рассчитывать на помощь службы центра занятости населения, так как пособия платят небольшие, что не позволяет, удовлетворят минимальные потребности. Предлагаются мероприятия по сокращению абсолютной и относительной бедности, снижению дифференциации населения по уровню доходов, по снижению социальной напряженности на рынке труда инвалидов.

Ключевые слова: социальная политика, качество жизни, уровень жизни, человеческий капитал, безработица, социальные пособия, пенсии

Для цитирования: Таланов С. Л. Социальная политика Российской Федерации и ее роль в повышении уровня жизни населения // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 5-34. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-5-34>

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Social policy of the Russian Federation and its role in raising the standard of living of the population

Sergey L. Talanov

Candidate of sociological sciences, associate professor, senior researcher of the Federal research sociological center of the Russian academy of sciences, Moscow.
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Abstract. Within the framework of the research presented in the article, the satisfaction of households with the main components of the quality of life is analyzed. As part of the study, an analysis of documents (external and internal) was carried out, in particular, orders of the Government of the Russian Federation, the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation, as well as an analysis of expenditure items in the federal budget for education, medicine, etc. The development of the social sphere of the region was assessed, studied the main directions of financing the social sphere in the region. It was found that representatives from households that belong to low resource groups do not support the social policy pursued by the Government of the Russian Federation to a greater extent than representatives from households that belong to high and medium resource groups. Most of the

respondents, regardless of their material well-being, blame the Government of the Russian Federation for the worsening socio-economic situation. It was revealed that men, to a greater extent than women, believe that the policy pursued by the Central Bank of Russia affects the quality of life in the region. They found that the richer the respondents, the more they are ready to take part in various activities to reduce poverty. In addition, they found that, in the opinion of a significant part of the respondents, the main socio-economic problems in the Yaroslavl region are associated with the work of the health care system. So, regardless of the level of material well-being and gender characteristics, most of the respondents noted that it is very difficult to get an appointment with a doctor, since everyone is struggling with coronavirus infection. Absolutely all households that belong to poorly resource groups do not have the opportunity to make savings. Approximately one fourth of the respondents of households who belong to the middle resource groups also lack the ability to make savings. A significant part of the respondents who were unemployed do not trust the services hh.ru, Superjob. When looking for a job, they count on the help of relatives and friends. The respondents explained that it is very difficult to rely on the help of the employment center service, since the allowances are paid small, which does not allow them to meet the minimum needs. Measures are proposed to reduce absolute and relative poverty, to reduce the differentiation of the population by income level, to reduce social tension in the labor market of disabled people.

Keywords: social policy, quality of life, standard of living, human capital, unemployment, social benefits, pensions.

For citation: Talanov L. S. Social policy of the Russian Federation and its role in raising the standard of living of the population. *Social and political researches*. 2021;4(13):5-34. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-5-34>

Актуальность исследования

После 2014 года у большинства групп населения в РФ стали падать реальные доходы. Центральный банк РФ пытается сдерживать рост инфляции, которая только по официальным данным в 2021 году составила 5,8 %. По данным позиционных экспертов уровень инфляции в стране составляет 15 %. Инфляция съедает доходы населения, осо-

бенно той категории граждан, которые традиционно считаются наиболее уязвимой группой в силу не высоких или не стабильных доходов (пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи, прекариат и т. д.). Уровень пенсии за последние 5 лет растет незначительно и не позволяет обеспечивать достойный уровень и качество жизни большинства населения (см. табл. 1). В стране предусмотрена адресная поддержка

наиболее уязвимых групп, но выделяемые Правительством РФ и субъектами федерации социальные пособия растут медленно и, по большей части своей они не высокие (см. табл. 2). Медленными темпами идет обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами нуждающихся и малоимущих граждан. Из-за очередной третьей волны Covid-19 наблюдаются сбои по предоставлению плановой помощи медицинскими организациями. В школах, колледжах (техникумах) и вузах периодически вводится дистанционное обучение, что в силу различных факторов в ряде случаев ведет

к ухудшению качества образования. Кроме того, по данным Федеральной службы государственной статистики РФ в стране из-за пандемии коронавируса более 3,5 млн безработных, что составляет около 4,3 % от числа трудоспособного населения страны.

Учитывая все вышеизложенное, мы предприняли попытку проанализировать реализацию социальной политики Российской Федерации и ее роль в повышении уровня жизни населения. В частности, проанализировать качество и уровень жизни домохозяйств в условиях постковидной реальности.

Таблица 1.
Назначенные пенсии по субъектам Российской Федерации
(по состоянию на 1 января*)

	Субъект федерации	Средний размер назначенных пенсий, руб.				
		2017 г. с учетом ЕВ	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
1	Белгородская область	17 034,2	12 983,7	13 842,2	14 696,5	15 548,6
2	Брянская область	16 629,4	12 477,3	13 207,2	13 929,8	14 712,5
3	Владимирская обл.	17 207,2	13 093,2	13 865,4	14 702,7	15 554,8
4	Воронежская область	16 483,7	12 370,8	13 137,3	13 906,3	14 669,8
5	Ивановская область	16 802,7	12 685,9	13 437,6	14 222,5	15 023,9
6	Калужская область	17 406,0	13 286,2	14 034,3	14 829,6	15 642,2
7	Костромская область	16 722,9	12 622,6	13 371,3	14 163,9	14 997,5
8	Курская область	16 295,5	12 165,0	12 930,8	13 699,0	14 487,9
9	Липецкая область	16 712,2	12 604,5	13 425,5	14 244,8	15 059,6
10	Московская область	18 401,3	14 307,7	15 124,4	15 951,5	16 805,3
11	Орловская область	17 020,1	12 883,5	13 642,8	14 424,2	15 239,5
12	Рязанская область	16 818,5	12 715,6	13 489,5	14 277,9	15 097,7
13	Смоленская область	16 700,8	12 553,9	13 293,7	14 054,5	14 839,1
14	Тамбовская область	16 020,8	11 880,0	12 632,8	13 390,4	14 136,5
15	Тверская область	17 039,4	12 930,7	13 701,4	14 519,9	15 352,8
16	Тульская область	17 247,8	13 152,7	13 922,8	14 714,6	15 558,2
17	Ярославская область	17 535,3	13 484,9	14 300,6	15 169,9	16 064,3
18	Город Москва	18 450,4	14 409,7	15 204,2	16 039,4	16 935,3

*Федеральная служба государственной статистики РФ

Таблица 2.

**Размер ежемесячного пособия на ребенка,
установленный в Субъектах Федерации**

(на конец года, рублей в месяц*)

		Базовый			На детей одиноких матерей		
		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1	Белгородская область	290	302	311	580	605	623
2	Брянская область	296	308	335	592	616	670
3	Владимирская область	433	455	473	866	910	946
4	Воронежская область	266	291	302	531	581	603
5	Ивановская область	248	259	270	496	518	540
6	Калужская область	200	200	200	400-5000	400-5000	400-5000
7	Костромская область	115	115	115	230	230	230
8	Курская область	161	168	175	322	336	349
9	Липецкая область	242	252	285-652	484	504	575-904
10	Московская область	564-4290	570-4333	576-4376	1125-6541	1136-6606	1147-6672
11	Орловская область	280	280	280	560-700	560-700	560-700
12	Рязанская область	180-324	287-338	193-349	370 - 1224	377-1238	383-1249
13	Смоленская область	700	700	700	1400	1400	1400
14	Тамбовская область	190	198	204	356	371	382
15	Тверская область	211	217	228	422	434	456
16	Тульская область	379	396	407	758	791	815
17	Ярославская область	407-571	423-594	423-594	520-770	541-801	541-801
18	Город Москва	4000-10000	4000-10000	4224	6000-15000	6000-15000	6336

*Федеральная служба государственной статистики РФ

Постановка проблемы

Проблемы осуществления социальной политики по разрешению социостратификационных противо-

речий в обществе активно изучают политологи, социологи, экономисты, социальные работники и т. д. То есть, данная проблема является междисциплинарной.

Основные тенденции оформления новой социальной политики в XXI веке активно изучают, прежде всего, зарубежные исследователи [Beckfielda, 2016; Harles, 2017; Johnson, 2019].

В настоящее время политологи активно изучают политику в сфере социального развития и социального обеспечения передовых стран мира, прежде всего США, Канады, Германии, Японии, Великобритании, Франции. В данных странах целенаправленно и систематически повышается финансирование систем образования, здравоохранения, выделяются средства на различные социальные выплаты наиболее уязвимым слоям населения. Тратятся деньги и на исследование эффективности социальной политики [Taylor-Gooby, 2017; Farris, 2017; Halásková, 2017].

Ученые из Канады при изучении социальной политики в США анализируют взаимосвязь образа жизни и здравоохранения. Изучив основные показатели по уровню страхования от безработицы, пенсий и страхования по болезни исследователи пришли к выводу, что Соединенные Штаты имеют меньший уровень смертности по сравнению с другими странами [Waddan, 2019; Tuohy, 2019].

Исследователи из Канады и Великобритании продолжают целенаправленно изучать последние изменения в социальной политике в Канаде и Соединенных Штатах, так как эти страны считаются одними из передовых в мире по уров-

ню и качеству жизни. Кэрлайн Хьюз Туохи установил, что за последние 10 лет значительно увеличились пенсионные пособия в данных странах [Tuohy, 2019]. Группа исследователей во главе с Дэниелом Беландом пришла к выводу, что в данных странах правительство придерживается либерального режима социального обеспечения (значительное увеличение пенсионных пособий) [Beland, 2019; Reibling, 2019; Prentice, 2019].

Ученые из США также активно изучают системы социального обеспечения в передовых странах мира, при этом опираются несколько на данные конкретных социологических исследований, сколько на данные статистики. Прежде всего, исследователи анализируют программы медицинского страхования, пенсионного обеспечения, систему социальной защиты безработных.

Отечественные политологи тоже систематически изучают методы современной социальной политики (административно-распорядительные, экономические, идеологические, законодательные). Основной упор делают на изучение мер социальной поддержки в РФ [Соколов, 2020; Изгияева, 2016].

Изучают субъекты проведения социальной политики. При этом уделяют пристальное внимание не только государству, но и отдельным административным образованиям, то есть анализируют местную или региональную социальную политику [Павлов, 2020; Макарова, 2021; Татуев, 2021].

Модели социальной политики, сложившиеся в развитых зарубежных странах и в России, анализирует главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований института социологии ФНИСЦ РАН Н. Е. Тихонова [Тихонова, 2019].

Учитывая появление и широкое распространение коронавирусной инфекции и ее негативного влияния на уровень и качество жизни населения всех без исключения стран, большинство современных политологов активно включились в изучение социальной политики в постковидной реальности. [Квашнин, 2021; Халикова, 2021; Май, 2020]

В условиях мирового кризиса обострились и без того сложные проблемы связанные с обеспечением жильем социальных сирот. В этих условиях ключевые проблемы обеспечения жильем детей-сирот изучают российские ученые. [Васильева, 2021; Зелинская, 2020; Сучкова, 2020]

Большое значение для выяснения существенных моментов в реализации социальной политики в РФ имеют регулярно выпускаемые ведущими социологическими центрами информационно-аналитические материалы и монографии ведущих политологов, социологов и экономистов [Елисеева, 2015].

В настоящее время ведущими специалистами в сфере социальной политики являются Е. Е. Кабанова, Е. А. Ветрова, А. С. Заворуева [Кабанова, 2021; Лепешкин, 2021; Батаев, 2020].

Однако, несмотря на важный вклад, который вносят эти работы в исследование интересующей нас проблемы, следует отметить недостаточную на данный момент разработанность значимых аспектов реализации социальной политики в условиях постковидной реальности с учетом региональной специфики.

При решении указанной задачи мы опирались на научные труды [Дегтярева, 2020; Коряковцевой, 2009; Самофатовой, 2011; Громова, 2014].

Эмпирическая база исследования

В рамках данного исследования проводился онлайн анкетный опрос по квотной выборке, выровненной по районам г. Ярославля, а также по полу и возрасту.

Объем выборки составил 1 200 человек в возрасте 18 лет и старше.

Отбор респондентов для количественного исследования в г. Ярославле происходил методом систематического отбора, по телефонной книге, $k=10$.

Доверительный интервал при 68,0%, $t=1$.

Доля мужчин (p) = 44,0%, доля женщин (q) = 56,0 %.

Сначала пользователи социальных сетей Вконтакте, Facebook, Instagram, увидев рекламу на веб-сайте, регистрировались на сайте панели. Затем респондент оставлял базовую социально-демографическую информацию о себе (свою профильную анкету) и только после этого становится

участником панели. Если респонденты соглашались принять участие, то переходили по ссылке на анкету и самостоятельно заполняли её. Специальная программа позволяла контролировать, чтобы каждый респондент мог отдать свой голос только один раз.

Проведена серия глубинных интервью с представителями домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам, $n=10$.

Проведена серия глубинных интервью с представителями домохозяйства, которые относятся к среднее ресурсным группам, $n=10$.

Проведена серия глубинных интервью с представителями домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам, $n=10$.

Был проведен вторичный анализ данных:

- Федеральной службы государственной статистики России;

- результатов социологических исследований, проведенных сотрудниками федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ РАН).

Проведен анализ документов, в частности распоряжений Правительства РФ, Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ и т. д.

Проанализированы документы на портале (официальном сайте) органов государственной власти Ярославской области. Это позволило дать оценку развития социальной сферы региона, изучить основные направления финансирования социальной сферы в регионе.

Авторские гипотезы

Социальная политика будет более эффективной в сравнении с имеющейся практикой при соблюдении следующих условий:

1. сохранение и развитие «человеческого потенциала»;

2. федеральные и региональные органы власти будут направлять свои усилия на поддержку социальных групп, способных создавать необходимые структуры социального страхования, взаимопомощи и защиты;

3. при построении моделей социальной политики, оптимизации управленческих решений, выработке критериев и индикаторов обеспечения социальной безопасности граждан опираться на данные ежегодных всероссийских социологических исследований;

4. будет происходить муниципализация социальной сферы, то есть перемещения ее основной нагрузки на муниципальный, местный уровень. Для этого необходимо внести поправки в Налоговый и Бюджетный кодексы, чтобы передать часть федеральных налогов муниципалитетам, чтобы местные бюджеты перестали быть дефицитными;

5. будет и дальше происходить децентрализация социальной сферы и ее инфраструктуры. Так, многие вопросы социальной защиты решаются на региональном и местном уровнях. Разрабатываются и уже действуют региональные и городские программы социальной защиты, учреждаются региональные и местные (городские,

районные, сельские) фонды социальной защиты населения.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, знают ли наши респонденты, что включает в себя социальная политика и какие у нее основные направления? (см. табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Основные направления социальной политики»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к среднее ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Сокращение социальной и экономической бедности	100	100	100	100	100	100
Качественная медицина	42	47	57	64	84	95
Улучшение пенсионного обеспечения	41	59	58	72	85	91
Повышение уровня жизни населения	39	48	52	67	65	73
Усиление адресности социальной поддержки населения	34	56	45	67	87	92
Снижение социального неравенства	28	37	43	51	100	100
Качественное социальное обслуживание	27	31	32	36	64	69
Обеспечение всеобщей доступности основных социальных благ	19	26	38	47	63	78
Качественное образование	18	19	31	33	12	11
Увеличение средней продолжительности жизни	10	12	17	18	23	28
Снижение смертности	9	14	15	19	30	37
Комфортное жилье	8	9	24	31	57	83
Повышение рождаемости	7	13	7	8	18	32
Благоприятная окружающая среда	6	7	13	16	5	6
Обеспечение занятости населения	6	5	7	8	61	48
Другое	5	5	6	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, значительная часть респондентов считает, что основное направление (задача) социальной политики – это сокращение социальной и экономической бедности. При этом, те кто относится к слабо ресурсным группам, в отличие от тех кто относится к средне и сильно ресурсным группам, считают, что основная задача социальной политики в стране заключается в снижении социального неравенства. Респонденты могли пояснить свои

ответы, для этого в анкете были предусмотрены открытые вопросы. Так, большинство представителей третьего возраста (пенсионеры) независимо от гендерных особенностей указали, что социальная политика – это, прежде всего усилия, предпринимаемые государством для обеспечения достойного уровня жизни в пожилом возрасте.

Далее мы изучали, как наши респонденты относятся к социальной политике, проводимой Правительством РФ? (см. табл. 4)

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к социальной политике, проводимой Правительством РФ?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Поддерживаю полностью	20	42	24	24	25	25
Мне безразлично	33	27	30	30	12	—
Кое-что считаю правильным	20	22	29	27	16	36
Не поддерживаю совсем	27	9	17	19	47	39

Как видно из ответов опрошенных, представители из домохозяйств, которые относятся к слабо ресурсным группам в большей степени не поддерживают социальную политику, проводимую Правительством РФ, чем представители из домохозяйств, которые относятся к

сильно и средне ресурсным группам.

Далее мы изучали, как в условиях пандемии коронавируса изменилась социально-экономическая ситуация домохозяйств в г. Ярославле (см. табл. 4).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: Изменилась ли социально-экономическая ситуация за последний год?
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
В лучшую сторону	20	42	24	24	25	25
В худшую сторону	27	9	17	19	47	39
Ничего не изменилось	53	49	59	57	28	36

Как видно из полученных ответов, примерно 1/4 опрошенных из средне и слабо ресурсных групп независимо от гендерных особенностей считают, что социально-экономическая ситуация за послед-

ний год изменилась в лучшую сторону.

Далее мы изучали, мнение населения о причинах ухудшения социально-экономической ситуации (см. табл. 6).

Таблица 6.

Мнение населения о причинах ухудшения социально-экономической ситуации*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Непродуманная политика Правительства	32	38	42	45	47	15
Некомпетентное руководство города	27	13	17	19	18	39
Политика Центрального банка РФ	25	12	41	21	63	23
Влияние мирового экономического кризиса	20	38	24	24	25	25
Некомпетентное руководство области	15	6	17	12	10	21
Другое	6	5	—	—	—	—

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Большая часть опрошенных, независимо от материального благосостояния винят в ухудшении социально-экономической ситуации Правительство РФ. Выявлено, что мужчины в большей степени, чем женщины считают, что на качество

жизни в регионе влияет политика, проводимая Центральным банком России.

Далее мы изучали, с какими жизненными трудностями сталкивались респонденты за последний год? (см. табл. 7)

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «С какими жизненными трудностями Вы сталкивались за последний год?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Не хватает средств в срок и в полном объеме заплатить за жилье и коммунальные услуги	—	—	7	9	98	92
Не хватает средств на продукты питания	—	—	—	—	95	93
Не хватает средств на покупку лекарств и медицинских приборов	—	—	5	7	93	94
Не хватает средств на оплату медицинских услуг, в случае отсутствия бесплатных услуг (прием у платного врача, проведение платных анализов)	—	—	6	8	92	91
Из-за отсутствия средств в семье дети после окончания средней школы (11 классов) не могут продолжать учиться дальше (в институте, техникуме)	—	—	15	14	91	98
Не хватает средств для посещения родственников и друзей, живущих в другом населенном пункте	—	—	9	14	90	98
Не хватает средств оплачивать дополнительные занятия детей-школьников	—	—	12	13	87	92

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Не хватает средств на покупку билетов в кино (театр, концерт) раз в несколько месяцев	—	—	—	—	69	73
Не хватает средств на обновление верхней одежды и обуви раз в 3 года	—	-	—	—	61	63
Не хватает средств полностью обеспечить школьников учебниками и школьно-письменными принадлежностями	—	—	—	—	36	41
Семья живет в крайней тесноте	—	—	—	—	11	13
Другое	—	—	—	—	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из опроса респондентов, наибольшие трудности испытывают представители домохозяйств, которые относятся к слабо ресурсным группам.

Далее мы изучали, готовность жителей Ярославской области принимать участие в различных видах деятельности по снижению бедности (см. табл. 8).

Таблица 8.
Готовность жителей Ярославской области принимать участие в различных видах деятельности по снижению бедности*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Передавать в соответствующие общественные организации ненужные вещи, игрушки	100	100	100	100	—	—
Помогать советом, связями	69	52	51	60	31	24
Поддерживать на выборах кандидатов,	68	79	78	89	89	97

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
программы которых ориентированы на борьбу с бедностью						
Высказываться в поддержку проектов против бедности	65	77	75	85	85	93
Участвовать в мероприятиях, средства от которых направляются на борьбу с бедностью	45	58	57	65	12	17
Жертвовать доступные для вас суммы на борьбу с бедностью	34	48	54	86	—	—
Принимать участие в мероприятиях, направленных на органы государственной власти с целью повысить их активность в борьбе с бедностью	24	41	43	59	65	43
Вступать в общественные организации, помогающие бедным	11	19	34	52	43	21
Другое	5	5	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Мы видим, что чем более состоятельнее респонденты, тем больше они готовы принимать участие в различных видах деятельности по снижению бедности.

Далее мы изучали, проблемы в работе органов местного самоуправления (см. табл. 9).

Таблица 9.

Проблемы в работе органов местного самоуправления*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Плохая работа медицинских учреждений	100	100	92	94	89	90

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Коррупция	97	83	67	43	78	57
Плохие дороги	95	91	100	90	85	83
Плохое состояние экономики города	87	65	89	76	86	81
Плохая работа ЖКХ	86	92	90	83	90	92
Проблемы в системе дошкольных учреждений	45	57	68	73	79	82
Проблемы в системе среднего образования	42	51	54	62	75	71
Плохая экология	41	67	57	69	32	41
Неудовлетворительная работа общественного транспорта	35	47	46	51	78	89
Отсутствие информации	34	21	46	27	11	6
Безработица	32	40	77	67	87	75
Другое	5	5	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, не зависимо от гендерных особенностей и материального благополучия граждан местные (муниципальные) власти плохо органи-

зуют работу медицинских учреждений.

Далее мы изучали, основные социально-экономические проблемы в регионе (см. табл. 10).

Таблица 10.

Основные социально-экономические проблемы в Ярославской области*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Проблемы здравоохранения	100	100	92	94	89	90
Коррупция	97	83	67	43	78	57
Плохие дороги между населенными пунктами	95	91	100	90	85	83
Проблемы в ЖКХ	86	92	90	83	90	92
Преступность	56	74	81	94	92	94
Проблемы в системе образования	45	57	68	73	79	82

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Плохая работа учреждений культуры	40	42	46	42	41	37
Рост цен	34	69	72	91	100	100
Безработица	32	40	77	67	87	75
Угроза терактов	24	39	41	58	67	78
Нарушение прав и свобод	21	15	11	6	5	—
Плохие жилищные условия	8	9	24	31	57	83
Плохое материальное положение	—	—	32	49	89	92
Плохая соцзащита	—	—	43	51	87	90
Несвоевременная выплата зарплаты	—	—	61	79	90	92
Отсутствие возможностей заниматься спортом	—	—	23	41	56	68
Другое	5	5	5	6	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно по результатам опроса, значительную часть респондентов основные социально-экономические проблемы в Ярославской области связаны с работой системы здравоохранения. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы. Так, не зависимо от уровня материально-

го благополучия и гендерных особенностей большинство опрошенных отметили, что очень сложно попасть на прием к врачу, так как все борются с коронавирусной инфекцией.

Далее мы изучали, удовлетворенность населения материальным положением семьи (см. табл. 11).

Таблица 11.
Удовлетворенность населения материальным положением семьи
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Да	20	30	24	24	—	—
Нет	27	21	17	19	72	64
Затрудняюсь ответить	53	49	59	57	28	36

Как видно из ответов, в последний год сократились доходы у всех видов домохозяйств. Около 1/4 респондентов из сильно и средне ресурсных групп удовлетворены своим материальным благосостоянием.

Далее мы изучали, изменение материального положения семьи по сравнению с прошлым годом (см. табл. 12).

Таблица 12.

Изменение материального положения семьи по сравнению с прошлым годом (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Улучшилось	42	42	25	24	26	26
Ухудшилось	6	11	58	66	57	69
Примерно такое же	52	47	17	10	17	5

Мы видим, что у большинства представителей домохозяйств, которые относятся к средне и слабо ресурсным группам, серьезно ухудшилось материальное положение семьи по сравнению с прошлым годом, что

связано с очередной волной коронавирусной инфекции.

Далее мы изучали, соотношение доходов на одного члена семьи с размером прожиточного минимума (см. табл. 13).

Таблица 13.

Соотношение доходов на одного члена семьи с размером прожиточного минимума (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Меньше	—	—	—	—	73	65
Примерно столько же	—	—	10	12	27	35
Больше	100	100	90	88	—	—

Мы видим, что у большинства домохозяйств, которые относятся к слабо ресурсным группам соотно-

шение доходов на одного члена семьи меньше размера прожиточного минимума.

Далее мы изучали, возможности респондентов делать сбережения (см. табл. 14).

Таблица 14.

Возможности респондентов делать сбережения
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Да	100	100	75	77	—	—
Нет	—	—	25	23	100	100

К сожалению, мы видим, что у абсолютно всех домохозяйств, которые относятся к слабо ресурсным группам нет возможностей делать сбережения. Примерно у 1/4 респондентов домохозяйств, которые относятся к средне ресурсным

группам также отсутствует возможность делать накопления.

Далее мы анализировали, как по сравнению с прошлым годом изменились возможности респондентов делать сбережения (см. табл. 15).

Таблица 15.

По сравнению с прошлым годом возможности респондентов делать сбережения (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Меньше	5	8	22	20	100	100
Примерно столько же	57	50	58	61	—	—
Больше	38	42	20	19	—	—

Мы видим, что по сравнению с прошлым годом возможности делать сбережения абсолютно у всех представителей домохозяйств, которые относятся к слаборесурсным группам сократились.

Далее мы изучали, способы решения проблемы безработицы ре-

спондентами (см. табл. 16). Выборочная совокупность отличается от первоначальной, поскольку представлены данные только тех, кто в условиях пандемии коронавирусной инфекции потерял работу.

Таблица 16.

Способы решения проблемы безработицы респондентами*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=540					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Через родственников и знакомых	—	—	98	100	78	100
Самостоятельно ищу работу	—	—	57	75	79	92
Встал на учет на бирже труда	—	—	25	37	56	62
Искал(а) работу на сайте hh.ru	—	—	21	43	12	8
Искал(а) работу на сайте Superjob	—	—	17	56	15	10
В нашем городе невозможно найти достойную высокооплачиваемую работу	—	—	100	89	23	57
Другое	—	—	5	5	6	5

*Количество процентов по вертикали больше 100,

так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Как видно значительная часть опрошенных оставшихся без работы не доверяет сервисам hh.ru, Superjob. При поиске работы рассчитывают на помощь родственников и друзей. Респонденты пояснили, что очень сложно рассчитывать на помощь

службы центра занятости населения, так как пособия платят небольшие, что не позволяет, удовлетворят минимальные потребности.

Далее мы анализировали жилищные условия респондентов (см. табл. 17).

Таблица 17.

Жилищные условия респондентов (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
В благоустроенной квартире многоквартирного дома	55	53	89	87	49	53
В частном доме	45	47	6	7	—	—
В съемной квартире	—	—	5	6	16	17
В общежитии	—	—	—	—	17	13

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
В коммунальной квартире	—	—	—	—	12	11
У родственников	—	—	—	—	6	6
Другое	—	—	—	—	—	—

Как видно из ответов респондентов, около 50 % представителей домохозяйств, которые относятся к слабо ресурсным группам имеют свою квартиру в многоквартирном доме. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы. Так, респонденты из домохозяйств, которые относятся к слабо ресурсным

группам имеющие свои квартиры пояснили, что данное жилье им осталось с советских времен либо от родителей, дедушек, бабушек.

Далее мы изучали, какая управляющая компания, осуществляет оперативное управление домом, где проживает респондент (см. табл. 18).

Таблица 18.

Управляющая компания, осуществляющая оперативное управление домом, где проживает респондент (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
ЖЭУ	45	47	11	13	51	47
ТСЖ	55	53	89	87	49	53

Далее мы изучали, как респонденты оценивают работу управля-

ющей компании (ЖЭУ, ТСЖ). (см. табл. 19)

Таблица 19.

Оценка респондентами качества работы управляющей компании (ЖЭУ, ТСЖ) (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Удовлетворительно	—	—	13	14	34	19
Хорошо	10	12	42	30	10	16

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Отлично	90	88	—	—	—	—
Плохо	—	—	34	29	19	24
Очень плохо	—	—	11	27	32	41
Другое	—	—	—	—	5	—

Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам в большей своей массе оценивают работу управляющих компании на «отлично». Хорошо оценку качеству работы управляющей компа-

нии (ЖЭУ, ТСЖ) дают в основном представители из средне ресурсных групп.

Далее мы изучали, когда делали в доме капитальный ремонт (см. табл. 20).

Таблица 20.

Проведение капитального ремонта дома за последний год
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов						
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Да	—	—	55	44	44	35
Нет	—	—	45	56	56	65

У большей части респондентов из сильно и средне ресурсных групп не проводилось капитального ремонта за последний год. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы. Так, 75 % респондентов отмети-

ли, что живут в домах, построенных в СССР, и у многих респондентов дому более 40 лет.

Далее мы изучали, как респонденты оценивают качество услуг ЖКХ (см. табл. 21).

Таблица 21.

Оценка качества услуг ЖКХ (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Плохое качество	—	—	45	56	56	65
Хорошее качество	90	88	42	30	10	16
Удовлетворительное качество	10	12	13	14	34	19

Большая часть из опрошенных, которые относятся к средне и слабо ресурсным группам негативно оценивает качество услуг ЖКХ.

Далее мы изучали, с какими проблемами медицинского обслуживания в поликлиниках сталкивались респонденты (см. табл. 22).

Таблица 22.

Проблемы медицинского обслуживания населения в поликлиниках (больницах)* (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Нареканий нет	5	9	—	—	—	—
Очереди к участковому врачу	—	—	100	100	100	100
Невозможно попасть на прием к «узким» специалистам	—	—	100	100	100	100
Тесные, непригодные помещения	—	—	92	97	87	90
Отсутствие необходимого оборудования	—	—	82	99	27	41
Практически все услуги платные	85	91	76	87	81	92
Невнимательное отношение персонала	—	—	76	89	84	95
Недостаточная квалификация персонала	—	—	45	64	13	19
Другое	—	—	5	5	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов, абсолютно все опрошенные из домохозяйств, которые относятся к средне и слабо ресурсным группам критикуют работу медицинских учреждений.

Далее мы изучали что, по мнению респондентов необходимо делать Правительству РФ, чтобы повысить эффективность социальной политики в стране (см. табл. 23).

Таблица 23.

Распределение ответов на вопрос: «Что необходимо делать Правительству РФ, чтобы повысить эффективность социальной политики в стране?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	n=1200					
	Домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к средне ресурсным группам		Домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Качественное образование	98	94	67	81	13	7
Увеличение средней продолжительности жизни	89	91	94	98	65	88
Качественное социальное обслуживание	72	87	100	100	100	100
Качественная медицина	69	92	67	76	72	89
Улучшение пенсионного обеспечения	67	47	89	99	73	82
Снижение социального неравенства	60	83	67	79	100	100
Повышение уровня жизни населения	59	82	53	62	89	94
Обеспечение всеобщей доступности основных социальных благ	37	41	63	68	75	82
Усиление адресности социальной поддержки населения	32	69	72	93	100	100
Повышение рождаемости	31	25	27	32	12	77
Снижение смертности	29	43	68	82	89	95
Обеспечение занятости населения	21	38	42	58	86	98
Комфортное жилье	12	15	52	79	95	100
Сокращение социальной и экономической бедности	9	14	100	100	100	100
Другое	5	5	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

В рамках исследования мы провели серию глубинных интервью с представителями домохозяйства, которые относятся к сильно ресурсным группам, n=10. Далее при-

водим некоторые типичные высказывания респондентов.

Александр Владимирович, 42 года.
«Государство недостаточно поддерживает малый бизнес. В

условиях четвертой волны коронавирусной инфекции важно оказывать помощь малому и среднему бизнесу, именно от нас зависит создание новых рабочих мест и ряд социальных проектов. Хорошо, что в свое время я сумел открыть бизнес, а так бы, кто заботился о моих родителях пенсионерах? Мать всю жизнь работала в поликлинике медсестрой, отец всю жизнь на заводе и какая у них пенсия? Смешная. Правительству надо срочно решить проблему с бедностью и с поддержкой малого и среднего бизнеса».

Анна Владимировна, 42 года

«Я живу в собственном доме с мужем, детьми и мамой. Я когда-то работала юристом, сейчас в нашей семье работает только мой муж. Пандемия коронавирусной инфекции на достатке нашей семьи никак не сказалась, но это благодаря успешному бизнесу моего мужа. Мы много ездим по миру, особенно по Европе, и видим, как там живут. Считаю, что государство не все возможное делает для повышения качества и уровня жизни, в нашей стране много, к сожалению, бедных».

Как видно из интервью респондентов, они очень обеспокоены насколько своим материальным благополучием, сколько тем, что есть много бедных.

В рамках исследования проведена серия глубинных интервью с представителями домохозяйства, которые относятся к среднее ресурсным группам, n=10.

Ольга Вадимовна, 47 лет.

«Из всех СМИ говорится, что социальная политика направлена на борьбу с бедностью, но реально пока все меры, принимаемые Правительством – это попытка хотя бы сохранить тот уровень жизни, который есть у наиболее уязвимых групп населения. То есть, идет борьба с инфляцией, а надо не только сдерживать инфляцию, но и существенно увеличить адресную поддержку, возможно, ввести продуктовые карты. А пока власти ищут только новые способы подсчета уровня бедности. Я работаю 24 года, а чего достигла? Зарплата 40 тыс. рублей, а мои родители? Пенсия около 16 тыс. рублей. Как на эти деньги жить?»

Владимир Константинович, 54 года.

«Всю свою жизнь связал с армией. Жизнь сейчас так дорожает, что приходится во многом себе отказывать. Рост цен. Еще буквально лет 7-8 я мог на те же деньги многое позволить. Моей пенсии не хватает на достойную жизнь. Вынужден подрабатывать. Но у меня, то пенсия 35 тыс. рублей, что делают те у кого она в два раза меньше? Хорошо, что во времена СССР получил квартиру. В фонде национального благосостояния 14 трлн рублей. Пора их тратить на увеличение пенсии и другие социальные выплаты»

Как видно, респонденты обеспокоены своим материальным благополучием и высказывают критику в

адрес проводимой правительством социальной политики.

Проведена серия глубинных интервью с представителями домохозяйства, которые относятся к слабо ресурсным группам, n=10.

Олег Леонидович, 50 лет

«Я потерял работу и встал на учет в областной центр занятости населения. Я никогда не думал, что пособие по безработице такое маленькое. У меня двое детей и жена, которая зарабатывает всего 16 тыс. рублей. Мы уже задумываемся продать свою трехкомнатную квартиру и купить двухкомнатную, а на вырученные с продажи деньги решить свои финансовые проблемы. По телевизору все время говорят о борьбе с безработицей, бедностью, а главное, что золотые запасы растут, фонд национального благосостояния пополняется. То есть в государстве полно денег, а пособия по безработице мизерные. Как жить?»

Оксана Сергеевна, 47 лет.

«Я живу с дочкой, мужа нет. Денег все время не хватает. Иногда удается найти временную подработку. Мама получает небольшую пенсию, и даже с этой мизерной пенсии вынуждена выделять деньги для меня. Цены в магазинах растут, а по телевизору говорят о 5-6 % инфляции, да она это инфляция давно выше 30 %. А индексация идет исходя из заложенной в бюджете инфляции. Социальная политика на данный момент не решает поставленные задачи. Надо кардинально ее совершенствовать. В частности, для наиболее уязвимых групп населения

вести безусловный базовый доход и продовольственные карты».

Мы видим, что все опрошенные, считают социальная политика осуществляется не эффективно.

Заключение

В рамках исследования нашли подтверждение основная и рабочие гипотезы.

Для сокращения абсолютной и относительной бедности, снижения дифференциации населения по уровню доходов необходимо:

- усиливать адресность поддержки слаботзащищенных слоев населения (бедных и льготных слоев населения);
- укреплять основные социальные гарантии населению;
- развивать социальную инфраструктуру жизнедеятельности общества;
- за счет федерального бюджета обеспечить детей дошкольного возраста услугами дошкольного содержания и воспитания;
- учеников всех классов, а не только начальных классов обеспечить горячим питанием не реже одного раза в день;
- для снижения социальной напряженности на рынке труда инвалидов, создания им дополнительных возможностей трудоустройства, ежегодно в субъектах федерации сроком на один год определять размер квоты предприятиям региона (не менее 5 % от среднесписочной численности работников с учетом инвалидов, ранее принятых на работу);

- увеличить среднюю заработную плату врачам и учителям, для этого в первую очередь увеличить базовый оклад;
- увеличить уровень охвата детей в возрасте от 5 до 18 лет программами дополнительного образования за счет средств федерального бюджета;
- с целью полного удовлетворения потребности в постоянном по-

стороннем уходе пожилых лиц увеличить финансирование социальных служб;

- часть федеральных налогов передать субъектам федерации (регионам) и муниципалитетам, для этого внести соответствующие поправки в бюджетный и налоговый кодексы.

Библиографический список

- Батаев В. В. Практика банкротства пенсионных фондов и ликвидации корпоративных пенсионных программ / В. В. Батаев, Н. Б. Починок // Социальная политика и социология. Т. 19. 2020. № 4 (137). С. 6–14. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-4-6-14
- Васильева Е. Ю. Обеспечение жильем детей-сирот: ключевые проблемы и социальные риски / Е. Ю. Васильева, Е. В. Фролова // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1 (138). С. 65-73. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-65-73.
- Громова А. А. Социальная политика и социальная защита как стратегия преодоления бедности / А. А. Громова, С. Л. Таланов // Инновационный потенциал молодежи - 2017. Сборник статей открытого университетского конкурсного отбора инновационных проектов молодых ученых по приоритетным направлениям науки и техники. 2017. С. 46-48.
- Дегтярев Г. П. Технологии и стандарты долговременного ухода за пожилыми людьми: международная и российская практика / Г. П. Дегтярев, А. Г. Дегтярев, О. А. Нагибин // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2020. № 5-6. С. 37-32.
- Елисеева Е. А. Социальная политика в странах Западной Европы: монография. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2015. 244 с.
- Зелинская М. В. Совершенствование государственного регулирования механизма предоставления жилья детям-сиротам в Краснодарском крае / М. В. Зелинская, Е. Н. Ключко // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 1 (27). С. 114–122. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-00021.
- Изгияева М. Д. Социальная политика в современной России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. Том 6. № 10А. С. 74-82.
- Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. 109 с.
- Кабанова Е. Е. Использование зарубежных практик маркетинга территории в управлении российскими регионами / Е. Е. Кабанова, Е. А. Ветрова, А. С. Запорожская // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1 (138). С. 99–106. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-99-106.
- Квашнин Ю. Д. Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 94-104. DOI 10.31857/S086904990013993-4.
- Коряковцева О. А. Социальный менеджмент : учебно-методическое пособие / О. А. Коряковцева, М. Зайцева, Т. И. Тарабарина, А. В. Давыдов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 104 с.

Лепешкин А. О. Комфортная городская среда как ресурс общественного развития // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1 (138). С. 125-138. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-125-138.

Макарова Г. Ю. Основные понятия теории управления: от истоков до реалий современности // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1 (138). С. 14-21. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-14-21.

Мау В. А. Экономика и политика 2019-2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5-27.

Павлов А. Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория // Социологическое обозрение. Т. 19. 2020. № 2. С. 198-224.

Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. N 1710. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

Самофатова К. А. Алгоритм функционирования системы долгосрочного ухода за гражданами пожилого возраста в рамках государственно-частного партнерства // Социальная политика и социология. Т. 19. 2020. № 4 (137). С. 50-58. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-4-50-58

Соколов В. В. Проблемы и перспективы формирования социальной политики государства в современной России / В. В. Соколов, Д. Л. Цыбаков // Власть. 2020. Том 28. № 5. С. 47-53. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7569>

Сучкова Т. Е. Проблемы обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социальным жильем / Т. Е. Сучкова, А. В. Борисова // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 2. С. 34-40.

Татуев А. А. Сфера услуг: грядущие системные вызовы / А. А. Татуев, Н. Б. Починок // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 1 (138). С. 22-34. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-22-34.

Тихонова Н. Е. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 5-18.

Халикова Д. А. Современные подходы к развитию самостоятельности личности в век глобализации // Социальная политика и социальное партнерство. №11. 2021. С. 842-850.

Waddan, A. President Obama, poverty and the scope and limits of social policy change // Journal of International and Comparative Social Policy. 2019. Volume 35, Issue 1. Pp. 96-111.

Beckfield J., Bambrab C. Shorter lives in stingier states: Social policy shortcomings help explain the US mortality disadvantage // Social Science & Medicine. Volume 171, December 2016, P. 30-38.

Harles J. Seeking equality: The political economy of the common good in the United States and Canada. Toronto: University of Toronto Press. 2017. 304 p.

Tuohy C. H. Icon and taboo: Single-payer politics in Canada and the US // Journal of International and Comparative Social Policy. 2019. Volume 35, Issue 1. P. 5-24.

Johnson R., & King D. Race was a motivating factor: Re-segregated schools in the American States // Journal of International and Comparative Social Policy. 2019. Volume 35, Issue 1. P. 75-95.

Taylor-Gooby P., Leruth B., & Chung H. (Eds.). After austerity: Welfare state transformation in Europe after the great recession. Oxford: Oxford University Press. 2017. P. 256.

Farris SR, Marchetti S. From the commodification to the corporatization of care: european perspectives and debates. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society* 2017; 24 (2):109-31, <http://dx.doi.org/10.1093/sp/jxx003>.

Halásková R, Bednár P, Halásková M. Forms of providing and financing long-term care in OECD countries. *Review of Economic Perspectives*. 2017; 17(2):159-78, <http://dx.doi.org/10.1515/revecp-2017-0008>.

Beland D., Waddan A. Unidentical twins: recent social policy developments in Canada and the United States // *Journal of International and Comparative Social Policy*. Volume 35, 2019. P. 1-4 <https://doi.org/10.1080/21699763.2019.1568280>

Reibling N, Ariaans M, Wendt C. Worlds of healthcare: a healthcare system typology of OECD countries. *Health Policy*. 2019; 123(7): Pp. 611-20, <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.05.001>.

Prentice S., & White L. Childcare deserts and distributional disadvantages: The legacies of split childcare policies and programs in Canada. *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2019. Volume 35, Issue 1. P. 59-74.

Reference list

Bataev V. V. Praktika bankrotstva pensionnyh fondov i likvidacii korporativnyh pensionnyh programm = The practice of bankruptcy of pension funds and liquidation of corporate pension programs / V. V. Bataev, N. B. Pochinok // *Social'naja politika i sociologija*. T. 19. 2020. № 4 (137). S. 6–14. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-4-6-14

Vasil'eva E. Ju. Obespechenie zhil'em detej sirot: ključevye problemy i social'nye riski = Providing housing for orphans: key problems and social risks / E. Ju. Vasil'eva, E. V. Frolova // *Social'naja politika i sociologija*. 2021. T. 20. № 1 (138). S. 65-73. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-65-73.

Gromova A. A. Social'naja politika i social'naja zashhita kak strategija preodolenija bednosti = Social policy and social protection as a strategy for overcoming poverty / A. A. Gromova, S. L. Talanov // *Innovacionnyj potencial molodjozhi - 2017. Sbornik statej otkrytogo universitetskogo konkursnogo otbora innovacionnyh proektov molodyh uchjonyh po prioritetnym napravlenijam nauki i teh-niki*. 2017. S. 46-48.

Degtjarev G. P. Tehnologii i standarty dolgovremennogo uhoda za pozhilymi ljud'mi: mezhdunarodnaja i rossijskaja praktika = Technologies and standards for longterm care for the elderly: international and Russian practice/ G. P. Degtjarev, A. G. Degtjarev, O. A. Nagibin // *Problemy standartizacii v zdravoohranении*. 2020. № 5-6. S. 37-32.

Eliseeva E. A. Social'naja politika v stranah Zapadnoj Evropy = Social policy in Western Europe : monografija. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta upravlenija i jekonomiki, 2015. 244 s.

Zelinskaja M. V. Sovershenstvovanie gosudarstvennogo regulirovanija mehanizma predostavlenija zhil'ja detjamsirotam v Krasnodarskom krae = Improving state regulation of the mechanism for providing housing to orphans in the Krasnodar Territory/ M. V. Zelinskaja, E. N. Klochko // *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 2020. № 1 (27). S. 114–122. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-00021.

Izgijaeva M. D. Social'naja politika v sovremennoj Rossii = Social policy in modern Russia // *Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra*. 2016. Tom 6. № 10A. S. 74-82.

Informacionno-analiticheskij bjulleten' (INAB). Rossijskoe obshhestvo v uslovijah pandemii: god spustja (opyt sociologicheskoi diagnostiki) = Information and analytical

bulletin (INAB). Russian society in a pandemic: a year later (experience of sociological diagnostics). 2021. № 2. 109 s.

Kabanova E. E. Ispol'zovanie zarubezhnyh praktik marketinga territorii v upravlenii rossijskimi regionami = The use of foreign practices of territory marketing in the management of Russian regions / E. E. Kabanova, E. A. Vetrova, A. S. Zavorueva // Social'naja politika i sociologija. 2021. T. 20. № 1 (138). S. 99–106. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-99-106.

Kvashnin Ju. D. Pandemija koronavirusa i razvorot v evropejskoj social'noj politike = Coronavirus pandemic and a turnaround in European social policy // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2021. № 1. S. 94–104. DOI 10.31857/S086904990013993-4.

Korjakovceva O. A. Social'nyj menedzhment = Social management : uchebno-metodicheskoe posobie / O. A. Korjakovceva, M. Zajceva, T. I. Tarabarina, A. V. Davydov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 104 s.

Lepeshkin A. O. Komfortnaja gorodskaja sreda kak resurs obshhestvennogo razvitiya = Comfortable urban environment as a resource for social development // Social'naja politika i sociologija. 2021. T. 20. № 1 (138). S. 125–138. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-125-138.

Makarova G. Ju. Osnovnye ponjatija teorii upravlenija: ot istokov do realij sovremenности = Basic concepts of management theory: from the origins to the realities of the present // Social'naja politika i sociologija. 2021. T. 20. № 1 (138). S. 14–21. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-14-21.

Mau V. A. Jekonomika i politika 2019-2020 gg.: global'nye vyzovy i nacional'nye otvety = Economy and Politics 2019-2020: Global Challenges and National Responses // Voprosy jekonomiki. 2020. № 3. S. 5–27.

Pavlov A. Besplatnye den'gi v myshelovke nadzornogo kapitalizma: bazovyj dohod i social'naja teorija = Free money in the mousetrap of surveillance capitalism: basic income and social theory // Sociologicheskoe obozrenie. T. 19. 2020. № 2. S. 198–224.

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 dekabrya 2017 g. N 1710. «Ob utver-zhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Obespechenie dostupnym i komfortnym zhil'em i kommunal'nymi uslugami grazhdan Rossijskoj Federacii» = Resolution of the Government of the Russian Federation of December 30, 2017 N 1710. “On approval of the state program of the Russian Federation “Provision of affordable and comfortable housing and utilities for citizens of the Russian Federation”.

Samofatova K. A. Algoritm funkcionirovanija sistemy dolgovremennogo uhoda za grazhdanami pozhilogo vozrasta v ramkah gosudarstvenno-chastnogo partnerstva = Algorithm of the functioning of the system of longterm care for elderly citizens in the framework of public-private partnership // Social'naja politika i sociologija. T. 19. 2020. № 4 (137). S. 50–58. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-4-50-58

Sokolov V. V. Problemy i perspektivy formirovanija social'noj politiki gosudarstva v sovremennoj Rossii = Problems and prospects for the formation of social policy of the state in modern Russia / V. V. Sokolov, D. L. Cybakov // Vlast'. 2020. Tom 28. № 5. S. 47–53. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7569>

Suchkova T. E. Problemy obespechenija detej-sirot i detej, ostavshihsja bez po-pechenija roditel'ej, social'nym zhil'em = Problems of providing orphans and children left without parental care with social housing / T. E. Suchkova, A. V. Borisova // Problemy pravoohranitel'noj dejatel'nosti. 2020. № 2. S. 34–40.

Tatuev A. A. Sfera uslug: grjadushhie sistemnye vyzovy = Service industry: upcoming system calls / A. A. Tatuev, N. B. Pochinok // Social'naja politika i so-ciologija. 2021. T. 20. № 1 (138). S. 22–34. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-22-34.

Tihonova N. E. Social'naja politika v sovremennoj Rossii: novye sistemnye vyzovy = Social policy in modern Russia: new systemic challenges // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2019. № 2. S. 5-18.

Halikova D. A. Sovremennye podhody k razvitiyu samostojatel'nosti lichnosti v vek globalizacii = Modern approaches to the development of individual independence in the age of globalization // Social'naja politika i social'noe partnerstvo. №11. 2021. S. 842-850.

Waddan A. President Obama, poverty and the scope and limits of social policy change // Journal of International and Comparative Social Policy. 2019. Volume 35, Issue 1. Pp. 96-111.

Beckfield J., Bambrab C. Shorter lives in stingier states: Social policy shortcomings help explain the US mortality disadvantage // Social Science & Medicine. Volume 171, December 2016, Pages 30-38.

Harles J. Seeking equality: The political economy of the common good in the United States and Canada. Toronto: University of Toronto Press. 2017. Pages: 304.

Tuohy C.H. Icon and taboo: Single-payer politics in Canada and the US // Journal of International and Comparative Social Policy. 2019. Volume 35, Issue 1. Pp. 5-24.

Johnson R., & King D. Race was a motivating factor: Re-segregated schools in the American States // Journal of International and Comparative Social Policy. 2019. Volume 35, Issue 1. Pp. 75-95.

Taylor-Gooby, P., Leruth, B., & Chung, H. (Eds.). After austerity: Welfare state transformation in Europe after the great recession. Oxford: Oxford University Press. 2017. Pp. 256.

Farris SR, Marchetti S. From the commodification to the corporatization of care: european perspectives and debates. Social Politics: International Studies in Gender, State & Society 2017; 24 (2):109-31, <http://dx.doi.org/10.1093/sp/jxx003>.

Halásková R, Bednár P, Halásková M. Forms of providing and financing long-term care in OECD countries. Review of Economic Perspectives. 2017; 17(2):159-78, <http://dx.doi.org/10.1515/revecp-2017-0008>.

Beland D., Waddan A. Unidentical twins: recent social policy developments in Canada and the United States // Journal of International and Comparative Social Policy. Volume 35, 2019. Pp. 1-4 <https://doi.org/10.1080/21699763.2019.1568280>

Reibling N, Ariaans M, Wendt C. Worlds of healthcare: a healthcare system typology of OECD countries. Health Policy. 2019; 123(7): P. 611-20, <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2019.05.001>.

Prentice S., & White L. Childcare deserts and distributional disadvantages: The legacies of split childcare policies and programs in Canada. Journal of International and Comparative Social Policy. 2019. Volume 35, Issue 1. P. 59-74.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 09.10.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication on 30.11.2021.

Научная статья

УДК 323.2

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-35-49

**Позитивно-функциональный потенциал общественных организаций
в формирующемся сетевом обществе (конфликтологический аспект)**

Лариса Игоревна Никовская

Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН, профессор ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва.
nikovsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

Аннотация. В статье показано, что в условиях формирования цифро-сетевого общества нарастает феномен полисубъектности, который обуславливает переход к модели публичного управления через сообщества, основанные на управленческой дилемме «руководство-принятие», которая ограничивает возможности иерархически-бюрократического властвования и оказывается более эффективной. Все эти причины обусловлены качественными преобразованиями в системе гражданского общества: резко возрастающей эмансипацией личности от государства, сокращением пространства прямого командного воздействия последнего, энергичным развитием и усложнением горизонтальных социальных связей и сплетением многообразных гражданских институтов и движений в целостную сеть. Для публичной политики важным становится задача оптимизации взаимодействия власти и представителей гражданских объединений, усиленных цифро-сетевыми возможностями, позволяющими формировать центры социальной силы через консолидацию групп интересов и общественного мнения. Поиск «зон согласия», основанного на выстраивании и создании баланса публичных интересов вызывает к конфликтологическому инструментарию диагностики и урегулированию проблемных точек взаимодействия. Для удовлетворительного и полномасштабного решения проблемы требуется широкий спектр конфликтных действий – от переговорных усилий и посредничества, законодательных инициатив и публичных слушаний, экспертизы и мониторинга, до судебных исков и разбирательства, а иногда и акций гражданского неповиновения. Во всех этих действиях требуется конфликтологическая компетентность, которая приучает представителей общественного сектора к большему профессионализму, культуре взаимодействия с государственными органами, предоставляя

© Никовская Л. И., 2021

инструментарий всесторонней диагностики конфликтной ситуации и широкий набор технологий воздействия на ее решение, а представителей государства ориентирует на признание альтернативных позиций, на уважительный диалог с общественностью и выработку соответствующей правовой базы для длительного партнерства с некоммерческим сектором. Данные тенденции изменения в стилистике публичной политики продемонстрированы на стратегии поведения женской общественной организации «Петербургская Эгида» при решении конфликтной ситуации, связанной с невыплатами декретных средств для беременных женщин, а также средств по уходу за малолетними детьми.

Ключевые слова: публичная политика, управление через сообщества, социальная сеть, сетевые сообщества, социальный конфликт, общественные интересы, доверие, институционализация конфликта

Для цитирования: Никовская Л. И. Позитивно-функциональный потенциал общественных организаций в формирующемся сетевом обществе (конфликтологический аспект) // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 35-49. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-35-49>

Original article

Positive-functional potential of public organizations in the emerging network society (a conflictological aspect)

Larisa I. Nikovskaya

Doctor of sociological sciences, chief researcher at the institute of sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, professor of FSBEI HE “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation”, Moscow.
nikovsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

Abstract. The article shows that in the context of the formation of a digital-network society, the phenomenon of polysubject is growing, which leads to the transition to the model of public administration through communities based on the management dilemma “leadership-acceptance”, which limits the possibilities of the hierarchical-bureaucratic rule and turns out to be more effective. All these reasons are due to qualitative changes in the system of civil society: the sharply increasing emancipation of the individual from the state, the reduction of the space of direct command influence of the latter, the vigorous development and complication of horizontal social ties and the plexus of diverse civil institutions and movements into a holistic network. For public policy, the task of optimizing the interaction of the authorities and representatives of civil associations, strengthened by digital network capabilities that allow the formation of centers of social force through the consolidation of interest groups

and public opinion, becomes important. The search for “consent zones”, based on building and creating a balance of public interests, calls for conflictual diagnostic tools and the resolution of problematic points of interaction. A satisfactory and comprehensive solution to the problem requires a wide range of conflict actions – from negotiation and mediation, legislative initiatives and public hearings, expertise and monitoring, to lawsuits and proceedings, and sometimes acts of civil disobedience. All these actions require a conflictological competence, which accustoms representatives of the public sector to greater professionalism, culture of interaction with state bodies, providing a comprehensive diagnosis of the conflict situation and a wide range of technologies to influence its solution, and state representatives focus on recognizing alternative positions, respectful dialogue with the public and developing an appropriate legal framework for a long partnership with the non-profit sector. These trends in the style of public policy have been demonstrated on the strategy of behavior of the women's public organization “Petersburg Egida” in solving the conflict situation related to non-payment of maternity funds for pregnant women, as well as for the care of young children.

Keywords: public policy, governance through communities, social network, network communities, social conflict, public interest, trust, institutionalization of conflict

For citation: Nikovskaya L. I. Positive-functional potential of public organizations in the emerging network society (a conflictological aspect). *Social and political researches*. 2021;4(13):35-49. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-35-49>

Введение

Ни одно политическое изменение невозможно без развития принципов и многообразных форм, и институтов публичной политики. Под публичной политикой мы понимаем открытое функционирование совокупности взаимосвязанных институтов, механизмов и правил, обеспечивающее ключевым субъектам и акторам политического процесса, включая граждан, участие в выработке «повестки дня», ее реализации и контроле за выполнением

ее значимых социально-политических решений, направленных на отстаивание общественных интересов при наличии несовпадающих позиций в условиях неопределенности и конфликта. Публичная политика, помимо прочего, включает не только оппонирование власти в публичном дискурсе, но и массовую мобилизацию, способствующую постановке болезненных проблем в современную повестку дня и их решение. Именно поэтому исследование состояния публичной политики может своевременно ука-

зять, в какой форме происходит взаимодействие власти и гражданского общества – в цивилизованной, конструктивной или нет, и соответствует ли это качество взаимодействия возросшим ожиданиям «повзрослевшего» российского общества.

В формирующемся сетевом обществе [Волков, 2018; Каменский, 2014; Кончаковский, 2009; Морозов, 2017; Невесенко, 2012; Сергеев, 2012; Сергодеев, 2013; Сергодеев, 2016; Сергодеев, 2014; Сетевое ..., 2006; Тальнишних, 2004; Чураков, 1998; Штейнберг, 2010], для которого конституирующим основанием выступает полисубъектность, государство утрачивает свое монопольное положение как единственный инструмент политики, оно оказывается «опутанным» сложной сетью других общественных и политических организаций и институтов, которые формируются в среде гражданского общества и по-новому выстраивают систему своего взаимодействия с ним. Тип общественного развития, использующего императив государственного управления, основанного на принципах доминирования одного субъекта в вертикально-ориентированной системе отношений, все больше дополняется дилеммой «руководство-принятие», основанного на признании все большего веса горизонтальных связей, процессов самоорганизации и самоуправления, раскрепощения гражданской инициативы и конкуренции социальных инноваций. Это

способствовало переосмыслению философии власти и перехода от доминанты господства и гегемонии в ее назначении к партнерству и диалогу.

В сетевом социуме субъектность как таковая структурируется по большей части в горизонтальном формате: это коллективные акторы, которые формируются в различные группы доверия в форме социальных сетей или массовых движений. Многообразие становится ресурсом и стимулом развития. Нарастает потребность в органическом единстве государственного управления и общественного самоуправления, в тесном взаимодействии государства и гражданского общества в осуществлении управленческих и властных функций. Быстро развивающаяся сеть общественного активизма потребовала кардинальных социальных инноваций, соединяющих принципы и практики управления общественными процессами с механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования, спонтанно вырастающими из этих процессов. Реальные сети формируют новые объединяющие образования, практически осваивая формат объединения offline участия с online пространством. Это в немалой степени способствовало тому, что новые сетевые сообщества превратили собственно социальный активизм в преобладающий [Никовская, 2017] вид общественного участия, развивая практики взаимопомощи и кооперации при реше-

нии горячих, особенно социально-значимых проблем ближайшего окружения вовлекающихся в них предметно-ориентированных групп доверия. Тенденция разгосударствления социальной политики лишь ускорила эти тенденции. Иными словами, нарастание фактора сетевых сообществ, значимости коммуникации и доверия необратимо стимулируют изменения в системе государственного/муниципального управления. «Современная теория публичного управления отвечает на эти концептуальные подвижки стремлением определиться скорее как *«управление через сообщества»*, чем *«государственное управление»*. Хотя государство не исчезает, а в последнее десятилетие говорят даже об его возрождении, но оно, как считается, меняет свои функции, методы и структурно трансформируется» [Сморгунов, 2013, с. 56].

Результаты исследования

Сетевые сообщества как новые участники публичного пространства все чаще становятся драйверами социально-политической мобилизации граждан по вопросам социальной политики. Так, в декабре 2010-2012 гг. в ряде крупных городов России (Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде, Саратове, Владимире, Архангельске, Вологде, Омске и др.) прокатилась волна протестных акций беременных женщин, которым, согласно поправкам в закон «Об обязательном социальном страхова-

нии на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», изменили систему расчета декретных и больничных выплат. Рассмотрим этот случай более подробно, поскольку он показывает позитивно-функциональную роль общественных сетевых объединений в развертывании и урегулировании социального конфликта в публичной политике в контексте сетевых взаимодействий.

Точкой отсчета данного конфликта стали единичные, частные случаи обращения незаконно уволенных работающих матерей или женщин в «положении» без положенной выплаты зарплаты или пособий в общественную организацию «Петербургская Эгида» за правовой и социально-психологической помощью в содействии решения конфликтной проблемы между женщинами и работодателями в 2009-2012 гг. Эксперты организации констатировали, что причиной конфликта были грубые нарушения трудовых прав женщин-матерей (или будущих мам) как социально ущемленной и дискриминируемой социальной группы в ситуации социального кризиса. Иными словами, предметом конфликта выступило ущемление социального права работающей женщины на получение пособий по беременности, родам и уходу за ребенком, а также сохранение за ней рабочего места. По своему типу это был сложносоставной конфликт, поскольку характеризовался

наложением полей *социально-трудового конфликта* (нарушение социального права на труд), *структурного* (неравенство сторон в социально-статусных позициях), *ценностного* (разное представление о ценности рождения детей и демографической политики, социальных аспектах производства).

Для конфликтного разворачивания событий чаще всего выступали поводы либо истечения сроков трудового договора, либо – в ситуации беременности – принуждение к увольнению по собственному желанию или по инициативе работодателя; невыплата или несвоевременная выплата пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, по уходу за ребенком, отказ работодателя в выдаче страховых медицинских полисов. Непосредственными сторонами конфликта являлись, как правило, работающие женщины (на первых порах разворачивания событий – разрозненные) и работодатели, как правило, представители среднего и крупного бизнеса, реже бюджетных организаций. Работодатели использовали массу «лазеек» в законодательстве и реальных способов избавиться от проблемных работниц.

«Петербургская Эгида» выступила общественным фасилитатором, который помогал квалифицированно оказывать юридическую, административную и социально-психологическую помощь в продвижении и защите интересов работающих женщин в их противо-

действии работодателям. Работодатели в данной конфликтной ситуации избирали тактику отказа от обязательств, прекращая финансовую деятельность, оставляя за собой право юридического лица, лишённое каких-либо активов и имущества, на которое можно было наложить взыскание долга. В силу этого решение судов не удавалось исполнить, поскольку реальный работодатель отсутствовал. Судебные приставы были беспомощны и через определенное время выносили постановление об окончании исполнения производства и выдавали акты о невозможности взыскания с работодателя средств в пользу пострадавших женщин. По сути, в кризисное время бизнес нашел легкий способ сваливать со своих плеч социальные обязательства перед работающими матерями и женщинами, «проблемными» в социальном отношении.

На стороне защиты общественных интересов работающих женщин должна была бы стоять государственная структура – Фонд социального страхования (далее ФСС). Если работодатель игнорирует притязания ущемленной в конфликте стороны – женщины или будущей мамы – то она, по определению имеет возможность напрямую обратиться в ФСС с просьбой оплатить пособия или больничный лист. Как показала практика, на ранних стадиях развития конфликта ФСС, следуя формальному подходу к делу, отказывал в этом требова-

нии разрозненно обращавшимся к ним женщинам в связи с тем, что исполнительный лист был оформлен на имя работодателя.

Тогда общественная организация «Петербургская Эгида» решила пойти на конфликтное вскрытие общественной проблемы с нарушением законных общественных прав беременных женщин и работающих матерей. Она масштабирует сторону, которая представляет интересы женщин: объединяет всех пострадавших по стране работниц, используя сетевой ресурс, в новый общественный субъект «*Молодые мамы – за справедливость*», имеющий уже статус общественного движения. И начинает привлекать общественное внимание в публичном пространстве к его требованиям: – проводить общественные акции (например, митинг «*Не надо цветов! Подари закон!*»), различные публичные пикеты с целью привлечения внимания СМИ, блогеров, публичных политиков, деятелей профсоюзов, политических парламентских партий, иных общественных организаций. Это приводит к повышению публичного масштаба и ранга противодействующих сторон. С одной стороны выступают работающие женщины-матери, объединенные в сетевое общественное движение «*Молодые мамы – за справедливость*», с другой стороны, – органы власти, отвечающие за социальную политику в области защиты общественных интересов материнства, детства и пр.

Видоизменяется и содержание предмета конфликта, он становится более системообразующим и принципиальным для системы государственного управления: либо принятие поправок в действующий ФЗ-№ 255 «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», либо принятие нового закона о страховании материнства, исключающего работодателей из процесса выплат пособий на детей с тем, чтобы женщины могли напрямую получить от ФСС то, что им положено по ситуации. Иными словами, предметом конфликта теперь становится *изменение правового механизма* выплаты пособий.

Таким образом, накопившаяся критическая масса обращений женщин по поводу отказов судов I инстанции и ФСС в выплатах пособий через грамотную публичную стратегию общественно-экспертной организации «Петербургская Эгида» приводит к формированию общественного мнения, что существующая досудебная и судебная практика и механизмы несовершенны и не ведут к защите интересов больших социальных групп, а именно работающих женщин и матерей. Во многом формированию общественно-публичной позиции в масштабах политической системы страны способствовали сетевые методы привлечения общественного внимания. В социальных сетях («В контакте», к примеру) была со-

здана открытая группа «Мамы, обманутые работодателями», что позволило за первый год функционирования в сети увеличить число участников группы до одной тысячи при ежемесячном посещении в 200-400 человек; помимо этого была организована «горячая линия» для оперативного обращения пострадавших женщин; использовались возможности регионального ТВ для интервью с пострадавшими работницами.

В итоге публично вскрытая конфликтная проблема масштабируется в социально-политическом смысле, она поднимается до уровня губернатора Санкт-Петербурга (тогда еще В. И. Матвиенко), Комитета по социальной политике администрации города; становится предметом разбирательства Совета по правам человека, Уполномоченного по правам ребенка. Возможности сетевой коммуникации и публичной значимости формирующегося общественного мнения по острой социальной проблеме позволили консолидировать субъект конфликта: из регионального общественного движения складывается общественная коалиция «Голос женщин» (февраль 2011 г.). При этом тип конфликта остается сложно-составным, но теперь его доминантным ядром становится *социально-политический конфликт*, поскольку основная его причина осознается обществом как ущемление прав женщин в принятии важных социально-экономических и политических решений. Первая публичная акция Коалиции «Голос

женщин» – митинг 8 марта 2011 г. «Сильная женщина – сильная страна». Эту же тему продолжил «Марш матерей избирательниц».

Разрешение конфликтной ситуации осуществлялось посредством ее институционализации через использование методов переговоров и информационных совещаний на круглых столах в комитете по социальной политике администрации Санкт-Петербурга, созданной межведомственной рабочей группе по обеспечению социальных гарантий и правовой защите беременных женщин и женщин с детьми. Именно данная структура стала действенным институциональным механизмом межведомственного взаимодействия пострадавших женщин, ФСС, Службы судебных приставов, трудовой инспекции и прокуратуры. На заседаниях рабочей группы (где наряду с женщинами, представителями пострадавшей стороны, работали представители другой стороны – государственные служащие соответствующих комитетов и служб) мониторилась ситуация с социальной напряженностью по нарушению законодательства в этой сфере, озвучивались предложения экспертов и аналитиков для проработки альтернативных решений конфликтной ситуации, координировались действия госорганов мегаполиса.

Работа группы привела к тому, что сформулированная позиция, отражающая интересы работающих матерей о новом порядке выдачи

пособий, была публично озвучена на федеральном уровне в ходе парламентских слушаний в ГД РФ V созыва по проблемам демографической политики, а затем была доложена Президенту РФ в ходе его встречи с представителями Совета по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека. Президент РФ (тогда еще Д. А. Медведев) дал соответствующие поручения Генеральной Прокуратуре о проверке изложенных фактов, Министерству здравоохранения и социального развития о проработке вопроса об изменении порядка выплат пособий по беременности и родам. В результате в функционировании ряда ответственных государственных ведомств, а именно – государственной инспекции труда и прокуратуры – произошли институциональные изменения, были созданы специальные отделы для оперативного решения социальных проблем подобного рода. Благодаря вмешательству этих органов, пособия стали взыскиваться с работодателей в досудебной порядке. Таким образом, с 2010 по 2012 г. удалось добиться того, что государственные органы, прежде игнорировавшие проблему, стали рассматривать обращения пострадавших женщин в первоочередном порядке.

В чем состоит успешность данного урегулирования возникшего социального конфликта методами публичной политики? В результате солидарной работы общественного

движения *«Молодые мамы – за справедливость»*, общественной коалиции *«Голос женщин»*, *«Петербургской Эгиды»*, которая выступила в роли драйвера и основного фасилитатора в распутывании конфликтных наслоений при урегулировании проблемы, стало принятие постановления Министерства здравоохранения и социального развития *«Об особенностях назначения и выплаты пособий»* Фондом социального страхования. Данное постановление позволило женщинам самостоятельно обращаться в ФСС с заявлением о назначении пособий в случае прекращения деятельности работодателя (в том числе и при невозможности установления его фактического местонахождения). Постановление выступило в силу 1 июля 2011 г. В апреле 2012 г. ФСС заявил, что существенно упрощает выплату пособий обманутым матерям. Фонд распространил письмо № 15-7-11/12-2451 *«О выплате органами ФСС РФ пособий застрахованным гражданам, не получающим их по вине недобросовестных работодателей»*. В нем были даны разъяснения по целому ряду вопросов, которые помогли женщинам получить пособие, когда работодатели исчезали.

Таким образом, следствием общественной сетевой солидарности СПб ОО *«Петербургская Эгида»*, общественного движения *«Молодые мамы – за справедливость»*, общественной коалиции *«Голос женщины»*, то есть более масштаб-

ного и социально массового субъекта, стало принятие на государственном уровне изменений в ФЗ-№255 «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» с 01.01.2013, касающихся порядка расчета пособий по беременности, родам и по уходу за ребенком и условий их выплаты напрямую из Фонда социального страхования. Согласно новой формулировке основаниями для получения пособий напрямую из средств ФСС стали прекращение деятельности работодателя на день обращения за пособием, а также отсутствие возможности их выплаты работодателем в связи с недостаточностью денежных средств на его счете и применением очередности списания денежных средств со счета, предусмотренной Гражданским Кодексом РФ. Конфликт разрешился через нормативно-юридическое изменение механизма выплаты пособий и иных начислений работающим женщинам в особых случаях благодаря умелым действиям общественных организаций в публичной сфере.

Иными словами, в итоге партнерских и конструктивных действий двух сторон (представителей гражданского общества и региональных, федеральных властей) удалось добиться изменения нормативно-правовой базы на государственном системном уровне, которые позволили женщинам, обманутым работодателями, во-первых,

пользоваться услугами бесплатного государственного юриста, а, во-вторых, установили новые правила, позволяющие женщинам получать пособия напрямую из средств ФСС, минуя работодателя. Благодаря согласованным действиям в сетевом пространстве и проведению гибких и продуманных форм публичных протестных действий будущим мамам и выражающим их интересы женским организациям удалось создать успешный прецедент решения проблемы. Синергетический эффект взаимодействия гражданских «горизонталей» и региональных публичных властей привел в движение политическую пружину принятия стратегических решений по важным проблемам социальной политики и через вмешательство Президента и премьер-министра позволил урегулировать разгоравшийся масштабный конфликт и фактически заново отстроить механизм выплаты декретных пособий и недопущения снижения их объема.

Исследования показывают, что даже протестную активность общественных организаций и НКО можно интерпретировать как их стремление к консолидации. Вскрывая назревшие проблемы, НКО привлекают к их решению заинтересованные стороны, способствуют формированию и манифестации позиций представителей власти и заинтересованных субъектов, предрасполагают к новой расстановке социальных сил общества. В конечном итоге, это приводит к установ-

лению контактов между противоборствующими сторонами, развитию переговорного процесса, достижению согласия.

Заключение

Таким образом, подтверждается одна из важных закономерностей формирования представителями некоммерческого сообщества демократической консолидации общества, ориентированной на создание конкурентной среды во всех сферах жизнедеятельности общества при формулировании, продвижении и поддержании общих базовых ценностей. И эта консолидация, которая основывается на реальном проявлении социального капитала, вырастает «снизу», из совместной кооперативной деятельности, в которой складывается базовая солидарность и проявляется в действии социальный капитал как устойчивая форма социальных сетевых взаимодействий на основании норм взаимности и доверия. И как правильно подметил авторитетный российский конфликтолог А. В. Дмитриев, при таком типе консолидации общества «напряженность не всегда должна сниматься, а враждебные чувства, иногда и действия, канализироваться или подавляться. Конечно, конфликтность часто затрагивает основы единения, но может быть и орудием их упрочения, если участие в нем имеет локальный, частный, а не тотальный характер. Недовольство, которое довольно быстро разрешается или удовлетворяется, а не

накапливается, способствует выживанию социума и системы» [Дмитриев, 2010, с. 221]. Тем самым, развивая гражданскую самоорганизацию, происходит, по сути, повышение включенности населения в контекст государственной управляемости, но не навязанной, не гомогенной, а живой, плюралистичной, приучающей жить в единстве многообразия интересов.

Вызов развитию современного взаимодействия государства и гражданского общества состоит в трансформации социально-коммуникационных процессов, институализации и легитимации механизмов постоянного диалога: налаживании взаимобратных коммуникаций между властью и общественными ассоциациями. Это диктуется значительным усложнением социального контекста и растущим уровнем требовательности общества к качеству государственного управления в условиях цифрового сетевого общества. Модель двусторонней симметричной коммуникации хорошо укладывается в понятие «менеджмента согласия», введенного в свое время немецкими исследователями для характеристики новой культуры управления. Суть ее состоит в том, чтобы не просто убедить граждан в правильности принимаемых решений, но и подключить их к поиску и реализации административных решений, наладить взаимный интенсивный обмен информацией между адми-

нистративными органами и гражданами, их объединениями.

Формирующееся цифро-сетевое общество демонстрирует потребность в переходе к модели «мягкой власти», когда управленческие действия власти стремятся соизмерять с действиями расширяющегося поля публичных акторов, свидетельствующих о нарастании многомерности, сложности и плюралистичности современной социальной системы. Безусловно, значительную роль, по словам Л. В. Сморгунова, в трансформации «продолжает играть государство как поставщик публичных услуг, но оно уже не имеет статуса монопольного центра по выработке публичных ценностей. С одной стороны, возрастают требования и общественный контроль над качеством публичных услуг. С другой стороны, усиливается влияние форумной и сетевой демократии на формирование политических повесток и принятие по-

литических решений» [Сморгунов, 2012, с. 24].

Конструктивный потенциал сетевых взаимодействий реализуется в непосредственном создании общественных благ, развитии новых форм и механизмов социальной самоорганизации граждан (сетевые объединения, движения волонтеров и пр.), внедрении новых механизмов принятия политико-управленческих решений с участием сетевых сообществ. В российских условиях конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики зримо возрастает при условии включения сетей в процесс принятия социально-политических решений, вхождения сообществ в экспертно-проблемные сети, объединяющие также власть, бизнес, политиков, что может приводить и приводит к формально-правовому закреплению удачных сложившихся социальных практик в соответствующих законах.

Библиографический список

- Волков А. Д. Сетевые технологии и сетевые сообщества в контексте эволюции социально-экономической системы / А. Д. Волков, Г. Б. Козырева // Креативная экономика. 2018. Том 12. № 3. С. 271-284.
- Дмитриев А. В. Дезэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов. // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. Москва : ИС РАН, 2010. С. 200-222.
- Каменский Е. Г. Сетевые сообщества в социальных сетях как фактор развития личностной субъектности / Е. Г. Каменский, О. А. Гримов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2(34). С. 62-67.
- Кончаковский Р. В. К проблеме сетевой природы Интернет сообществ // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2009. № 1 (20). С. 90-92.
- Морозов А. А. Региональные особенности развития сетевых сообществ в России: пример Республики Карелия / А. А. Морозов, Р. В. Белая, Т. В. Морозова // Креативная экономика. 2017. Том 11. № 10. С. 1077-1092.

Невесенко Е. Д. Роль виртуальных сетевых сообществ в развитии социальной инициативы молодежи // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 106-109.

Никовская Л. И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60.

Сергеев А. Н. Сетевое сообщество как субъект образовательной деятельности в сети интернет. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7475>. (Дата обращения: 01.12.2021).

Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. №1 (113). С. 132-137.

Сергодеев В. А. Сетевые сообщества современного рунета // Современность как философская проблема: глобальный и региональный аспект. Сборник научных статей. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. С. 119-121.

Сергодеев В. А. Коммуникативные практики в сетевых интернет-сообществах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2014. Т. 1. С. 138-143.

Сетевое сообщество // Letopisi.Ru: [сайт]. 2006. URL: <http://letopisi.org/index.php> Сетевое_сообщество. (Дата обращения: 22.09.2021).

Сморгунов Л. В. Сложные сети и демократический процесс в России: новые возможности и ограничения // Материалы тезисов участников II всероссийского симпозиума с международным участием «Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения развития». Москва : Истра, 2012. С. 23-25.

Сморгунов Л. В. Спорная политика и социальные сети: возможно ли управление через сообщества? // Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития: сб. статей / Ин-т «Справедливый мир», РАПН, Ин-тут социологии РАН. Москва : ИД «Ключ-С», 2013. С. 54-61.

Тальнишних Н. К. Культура «сетевых сообществ» // Электронная библиотека «Веда» [сайт]. 2004. URL: www.dslib.net/teorija-kultury/kultura-setevyh-soobwestv.html. (Дата обращения: 22.09.2021).

Чураков А. Н. Информационное общество и эмпирическая социология // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 35-44.

Штейнберг И. Е. Парадигма четырех «К» в исследовании социальных сетей поддержки // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40-50.

Reference list

Volkov A. D. Setevye tehnologii i setevye soobshhestva v kontekste jevoljucii social'no-jekonomicheskoy sistemy = Networking technologies and networking communities in the context of the evolution of the socio-economic system / A. D. Volkov, G. B. Kozyreva // Kreativnaja jekonomika. 2018. Tom 12. № 3. S. 271-284.

Dmitriev A. V. Dejeskalacija konfliktov kak put' stabilizacii regional'nyh sociumov = Deescalation of conflicts as a way to stabilize regional sociums // Social'nye

faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva: sociologicheskoe izmerenie. Moskva : IS RAN, 2010. S. 200-222.

Kamenskij E. G. Setevye soobshhestva v social'nyh setjah kak faktor razvitija lichnostnoj sub#ektnosti = Network communities in social networks as a factor in the development of personal subjectivity / E. G. Kamenskij, O. A. Grimov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. № 2(34). S. 62-67.

Konchakovskij R. V. K probleme setevoj prirody Internet soobshhestv = To the problem of the network nature of the Internet communities // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologija. Jekonomika. Politika. 2009. № 1 (20). S. 90-92.

Morozov A. A. Regional'nye osobennosti razvitija setevyh soobshhestv v Rossii: primer Respubliki Karelija = Regional features of the development of network communities in Russia: an example of the Republic of Karelia / A. A. Morozov, R. V. Belaja, T. V. Morozova // Kreativnaja jekonomika. 2017. Tom 11. № 10. S. 1077-1092.

Nevesenko E. D. Rol' virtual'nyh setevyh soobshhestv v razvitii social'noj iniciativy molodezhi = The role of virtual networking communities in the development of youth social initiative // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2012. № 12. S. 106-109.

Nikovskaja L. I. Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendencii real'nogo razvitija = Civic participation: features of discourse and trends in real development / L. I. Nikovskaja, I. A. Skalaban // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 6. S. 43-60.

Sergeev A. N. Setevoe soobshhestvo kak sub#ekt obrazovatel'noj dejatel'nosti v seti internet = The network community as a subject of educational activity on the Internet. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7475>. (Data obrashhenija: 01.12.2021).

Sergodeev V. A. Setevye internet-soobshhestva: sushhnost' i sociokul'turnye harakteristiki = Internet networking communities: essence and sociocultural characteristics // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2013. №1 (113). S. 132-137.

Sergodeev V. A. Setevye soobshhestva sovremennogo runeta = Network communities of modern runet // Sovremennost' kak filosofskaja problema: global'nyj i regional'nyj aspekt. Sbornik nauchnyh statej. Stavropol' : Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet, 2016. S. 119-121.

Sergodeev V. A. Kommunikativnye praktiki v setevyh internet-soobshhestvah = Communication practices in online communities // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4: Estestvenno-matematicheskie i tehicheskie nauki. 2014. T. 1. S. 138-143.

Setevoe soobshhestvo = Network community // Letopisi.Ru: [sajt]. 2006. URL: <http://letopisi.org/index.php> Setevoe_soobshhestvo. (Data obrashhenija: 22.09.2021).

Smorgunov L. V. Slozhnye seti i demokraticeskij process v Rossii: novye vozmozhnosti i ogranichenija = Complex networks and the democratic process in Russia: new opportunities and restrictions // Materialy tezisov uchastnikov II vserossijskogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem «Kuda pojdet Rossija: novye vozmozhnosti i ogranichenija razvitija». Moskva : Istra, 2012. S. 23-25.

Smorgunov L. V. Spornaja politika i social'nye seti: vozmozhno li upravlenie cherez soobshhestva? = Controversial politics and social networks: is it possible to manage through communities? // Kuda pojdet Rossiya: novye vozmozhnosti i ogranichenija sovremennogo razvitiya: sb. statej / In-t «Spravedlivyj mir», RAPN, In-tut sociologii RAN. Moskva : ID «Kljuch-S», 2013. S. 54-61.

Tal'nishnih N. K. Kul'tura «setevyh soobshhestv» = Culture of “network communities” // Jelektronnaja biblioteka «Veda» [sajt]. 2004. URL: www.dslib.net/teorja-kultury/kultura-setevyh-soobwestv.html. (Data obrashhenija: 22.09.2021).

Churakov A. N. Informacionnoe obshhestvo i jempiricheskaja sociologija = Information society and empirical sociology // Sociologicheskie issledovanija. 1998. № 1. S. 35-44.

Shtejnberg I. E. Paradigma chetyreh «K» v issledovanii social'nyh setej podderzhki = Four “K” paradigm in social support networks study // Sociologicheskie issledovanija. 2010. № 5. S. 40-50.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 26.10.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 01.10.2021; approved after reviewing 26.10.2021; accepted for publication on 30.11.2021.

Научная статья

УДК 323.22/.28

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-50-60

«Партийный исход» как антитеза кадровой политике КПСС

Дмитрий Григорьевич Сельцер

Доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии, заместитель ректора ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет» имени Г. Р. Державина, директор Центра исследования политических трансформаций, г. Тамбов.

seltser@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6187-2748>

Аннотация. В статье анализируются два процесса, одновременно шедшие в КПСС летом 1991 г. Во-первых, речь идет о переходе руководящей партийной номенклатуры на хозяйственную, главным образом, и советскую работу. Руководители регионального и локального уровней не видели перспективы в партийной работе. Во-вторых, рассматривается обвальное покидание партии рядовыми коммунистами, шедшее по двум линиям – посредством заявления о выходе и через потерю связи с организацией. Оба процесса автор совокупно детерминирует как «партийный исход». Кадровая политика КПСС все годы существования СССР была основой стабильности и гарантией существования партии-государства. Она, по сути, являлась экзистенциальной по своему значению. Контролируя номенклатуру посредством кадровой политики, КПСС сохраняла себя в статусе государства. На коротком отрезке истории произошло разрушение кадровой политики. Из механизма сдерживания деструктивных и неподконтрольных партии опасностей она стала своим антиподом – механизмом, разрушающим советское государство, антитезой – собственной противоположностью. В основе кадровой политики КПСС традиционно были постоянное воспроизводство партийного государства (институтов власти), номенклатурной системы (механизмов рекрутинга) и административно-политической элиты (самой номенклатуры). Регулирование численности, равновесие партийной иерархии и лестничное карьерное движение – эти базовые, основополагающие принципы кадровой политики КПСС в 1985-1991 гг. претерпели существенную коррекцию. В реалиях 1991 г. они стремительно деградировали и разрушились, что привело летом 1991 г. к «партийному исходу». Основными составляющими «партийного исхода» стали выход из партии обычных коммунистов, в том числе со стажем более

20 лет, переход партийной номенклатуры на руководящую хозяйственную и советскую работу, приход на смену кадровой партийной номенклатуре представителей низшего звена партийного аппарата.

Ключевые слова: номенклатурная система, номенклатура, КПСС, кадры партии, кадровая политика, борьба за власть, политические конфликты, распад СССР

Статья написана в рамках поддержанного РФФИ проекта № 20-011-00105 «Объяснение распада СССР и сохранения КНР через анализ кадровой политики. Что сделано «так» в китайском примере и что случилось «не так» – в советском?»

Для цитирования: Сельцер Д. Г. «Партийный исход» как антитеза кадровой политике КПСС // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 50-60. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-50-60>

Original article

“Party outcome” as the antithesis of the personnel policy of the CPSU

Dmitry G. Seltzer

Doctor of political sciences, professor of the department of international relations and political science, deputy rector of FSBEI HE “Tambov State University named after G. R. Derzhavin”, director of the Center for the study of political transformations, Tambov. seltser@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6187-2748>

Abstract. The article analyzes two processes that were simultaneously going on in the CPSU in the summer of 1991. First, we are talking about the transition of the leading party nomenklatura to economic, mainly Soviet, work. The leaders of the regional and local levels did not see any prospects in party work. Second, the dramatic abandonment of the party by rank-and-file communists is considered, which followed two lines – through a declaration of withdrawal and through the loss of connection with the organization. Both processes are collectively determined by the author as a “party outcome”. The personnel policy of the CPSU throughout the years of the existence of the USSR was the basis of stability and a guarantee of the existence of the party-state. It was, in fact, existential in meaning. By controlling the nomenclature through personnel policy, the CPSU retained itself in the status of a state. In a short period of history, the destruction of personnel policy took place. From a mechanism for containing destructive and uncontrollable dangers of the party, it has become its antipode – a mechanism that destroys the Soviet state, its antithesis - its own opposite. The personnel policy of the CPSU has traditionally been based on the constant reproduction of the party state (institutions of power), the nomenklatura system (recruiting mechanisms) and the administrative-political

elite (the nomenklatura itself). The regulation of the number, the balance of the party hierarchy and the ladder career movement – these are the basic, fundamental principles of the personnel policy of the CPSU in 1985-1991. have undergone a significant correction. In the realities of 1991, they rapidly degraded and collapsed, which led in the summer of 1991 to a “party exodus”. The main components of the “party outcome” were the withdrawal from the party of ordinary communists, including those with more than 20 years of experience, the transition of the party nomenclature to leading economic and Soviet work, the coming to replace the cadre party nomenclature of representatives of the lower echelons of the party apparatus.

Keywords: nomenclature system, nomenklatura, CPSU, party cadres, personnel policy, struggle for power, political conflicts, disintegration of the USSR

The article was written within the framework of a project supported by the RFBR No. 20-011-00105 “Explanation of the collapse of the USSR and the preservation of the PRC through the analysis of personnel policy. What was done “like that” in the Chinese example and what happened “wrong” in the Soviet one?”

For citation: Seltzer D. G. “Party outcome” as the antithesis of the personnel policy of the CPSU. *Social and political researches*. 2021;4(13):50-60. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-50-60>

Введение: «партийный исход» в контексте кадровых процессов

«Партийный исход» явился завершающим этапом департизации и распада СССР. Собственно, именно за «партийным исходом» и последовал сам распад. В годы перестройки были пройдены четыре коротких, но насыщенных этапа кадровых действий. В их результате было разрушено сложившееся за десятилетия партийное государство и номенклатурная система как его жизнеобеспечивающее основание.

На этапе «конструирования элиты» (1985-1987 гг.) стабильная партийная иерархия перманентными чистками, хаотичными волнами кадровых замен была приведена в небывалое движение, сравнимое

лишь с периодом сталинских репрессий. Иерархия и номенклатура были в высокой степени потрясены.

1988-1990 гг. – этап выборов в партии. Январский 1987 г. пленум ЦК КПСС и XIX партийная конференция (1988 г.) установили избирать секретарей партийных комитетов всех уровней на альтернативной основе. Прошедшие внутривнутрипартийные выборы привели к десакрализации аппаратного управления и фигуры партийного работника.

На этапе выборов в государстве (1989-1990 гг.) была фактически проведена широкомасштабная реформа государственного управления. Она кардинально меняла властную диспозицию. Советские органы вначале стали вровень с

партийными, а после избрания III съездом народных депутатов СССР 14-15 марта 1990 г. М. С. Горбачева президентом СССР по объему властных ресурсов советские органы стали сильнее партийных. Произошел подрыв традиционных номенклатурных механизмов элитного отбора, что лишало всякого смысла работу в партийных органах. Как итог – начавшийся уход аппаратчиков традиционной партийной карьеры, расширение набора центров силы, обострение борьбы за власть.

Завершающий этап – «партийный исход» – начался подписанием президентом РСФСР Б. Н. Ельциным 20 июля 1991 г. указа «О прекращении деятельности организационных структур, политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». КП РСФСР была лишена возможности иметь первичные партийные организации и распоряжаться своей собственностью, что мгновенно ликвидировало ее как партию-государство. В итоге рядовые коммунисты и де-юре, и де-факто все более утрачивали связь с партией, а партийная номенклатура стала массово увольняться с работы.

В рамках предлагаемой статьи представим конкретные проявления департизации на этапе «партийного исхода».

Литература

«Партийный исход» в той или иной степени затрагивался в работах, посвященных последним годам СССР [Барсенков, 2002; Волгин, 2004; Волгин, 2006; Волгин, 2014; Волохов, 2003; Согрин, 2001], истории советского государства [Геллер, Некрич, 1994; Пихоя, 2019], советских элит [Мохов, 1998; Мохов, 2000; Мохов, 2003], трансформации номенклатуры КПСС в новую российскую элиту [Коваль, 1995; Коткин, 1998; Крыштановская, 1995; Кудеярова, 1995; Куколев, 1997]. Региональный аспект темы на российском [Регионы России, 1997-2003] и украинском [Регионы Украины, 1999-2002] материале проявлен в ходе реализации проекта Славянского исследовательского центра университета Хоккайдо (Япония) «Изменения славяно-евразийского мира». Писал об этом и автор статьи [Сельцер, 2004; 2006; 2007; 2021]. Авторы во многом сходятся в оценках поведенческой логики М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, этапах распада СССР, но уделяют недостаточное внимание прорисовкам политической ситуации в партийных организациях и анализу состояния самой номенклатуры. В рамках предлагаемого текста автор пытается отчасти восполнить существующий пробел.

Исследование

Автором проведено изучение центральных и региональных архивов. В Российском государственном архиве социально-политической

истории (РГАСПИ) изучались протоколы заседаний бюро, секретариатов обкомов (рескомов) КПСС и КП РСФСР, областных (республиканских) партийных конференций, в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) – официальные и рабочие материалы политбюро, съездов, конференций, пленумов КПСС и КП РСФСР, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) – документы Совета Министров РСФСР, Верховного Совета РСФСР, Совета Министров СССР, Верховного Совета СССР, ЦИК по выборам Верховного Совет СССР. Кроме того, автор провел исследование в архивах 7 регионов России – Рязанской, Тамбовской, Самарской и Ульяновской областях, республиках Мордовия, Удмуртия и Чувашия. В большинстве регионов преемственно по отношению к советскому времени сохранились по два архива – государственный и под разными названиями (чаще как государственный архив социально-политической истории) бывший архив обкома (рескома) КПСС. Изучались фонды обкомов (рескомов), горкомов и райкомов КПСС.

Результаты

Анализ архивных материалов позволил зафиксировать в кадровых процессах несколько ключевых тенденций.

Ослабление кадров партийной номенклатуры. Уход политических и, самое главное, прошедших всю номенклатурную подготовку руко-

водителей сочетался с мобилизацией на их место хозяйственной номенклатуры, не имевшей ни опыта политической работы, ни целеполагающей потребности этим заниматься. Первый секретарь Рязанского обкома КПСС Ф.Ф. Романов, выступая 24 марта 1990 г. на пленуме обкома, сетовал, что кадровые потери создали в партии вакуум, заполняемый серыми, слабыми кадрами (*Государственный архив Рязанской области (ГАРО). П-3. Оп. 110. Д. 5. Л. 28*). Руководитель Рязанской области очень точно обозначил вектор развития номенклатуры и всего кадрового процесса. Бывшие партийные работники всех изучаемых регионов в интервью нам единодушно фиксировали чудовищное обрушение качества кадров КПСС на рубеже 1980-1990 гг. Они обвиняли и М. С. Горбачева, и А. Н. Яковлева, и Политбюро в злонамеренном и спланированном подрыве структур партии. Все сходятся во мнении, что горбачевские партийные кадры – объективно худшие в послевоенной истории КПСС.

Прекращение уставной партийной работы. Устав КПСС настаивал на регулярности проведения партийных собраний. Вопреки этому, в июле – августе 1991 г. в большей части парторганизаций они перестали проводиться. Бюро обкомов и рескомов пытались реагировать. Так, в постановлении бюро Тамбовского обкома КП РСФСР 11 июля 1991 г. звучало требование горкомам и райкомам выяснить по поводу каждого такого примера.

Но партийные руководители к тому времени уже стали реалистами и, учитывая новые обстоятельства, не прибегали к грозным окрикам, а, по сути, нацеливали низовые партийные организации на проведение хотя бы встреч или коротких собраний коммунистов. Более того, что вообще немыслимо для традиционной партийной жизни, предлагалось не заниматься формализмом – протоколированием таких встреч и собраний (*Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1045. Оп. 58. Д. 73. Л. 6, 7*). Наконец, наше исследование обнаружило и факт повсеместного не проведения пленумов горкомов и райкомов – собирались только бюро.

Неуплата членских взносов. Другая уставная обязанность – уплата ежемесячных членских взносов. Так вот, уже к лету 1991 г. в Тамбовской областной партийной организации уклонились от этой обязанности 6,5 тыс. коммунистов (7,5 % состоящих на учете). Причем, в некоторых местах, включая Тамбов, Мичуринск, Рассказово и Уварово, эта цифра доходила до 16 %, а в отдельных первичных парторганизациях – до 60 %. Дефицит бюджета областной парторганизации составил 7 млн руб., что было бы немыслимо еще несколько месяцев назад. Уместен вывод, что существенная часть рядовых коммунистов фактически утратила связь с партией.

Прекращение приема. Традиционная ситуация в СССР была такова, что существовали жесткие про-

цедуры (квоты, сроки и пр.) приема в КПСС. Это была непростая задача для очень многих, поскольку без членства в КПСС не было возможностей карьерного роста. Легко было вступить в партию, например, заводскому рабочему, а вот инженерно-техническому работнику того же завода – уже непросто, а представителю интеллигенции – крайне сложно. Была практика вступления в КПСС во время прохождения срочной службы в советской армии: там это сделать было значительно легче, и этим многие, что видно из документов, пользовались. Ситуация лета 1991 г. стала существенно иной: в партию стали принимать всех желающих, но таковых уже практически не было. Вступали, в основном, те, кто долгие годы мечтал, но не мог это сделать. В 1988 г. в Тамбовской области были приняты 2 151 человек, в 1989 г. – 1 626, в 1990 г. – 1 087. Тенденция сокращения приема в КПСС была четко обозначена, а в 1991 г. партийный прием почти прекратился: за первое полугодие 1991 г. – 164 человека; из них в июне – 14. Соответственно, происходило старение партии: удельный вес коммунистов-пенсионеров в возрасте более 60 лет на 1 января 1989 г. составил 25,8 %, а на 1 января 1991 г. – 29,9 %.

Сокращение численности. Соответственно, не прирастая новыми членами, партия неминуемо теряла в численности. Тамбовская областная партийная организация сократилась с

99 308 (на 1 января 1989 г.) до 88 067 (на 1 января 1991 г.) человек.

В целом по стране ситуация была вполне сопоставимой. Наши подсчеты движения кадров, проведенные в РГАНИ (*Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 77. Оп. 6. Д. 1. Л. 2, 106; Д. 2. Л. 2; Д. 14. Л. 2; Д. 15. Л. 2, 55; Д. 17. Л. 2, 8*), показали, что КПСС сократилась с 17 727 249 (на 01.01.1986 г.) до 13 942 631 (на 01.07.1991 г.); причем, на 01.01.1991 г. было 15 400 166 человек (минус почти полтора миллиона коммунистов за полгода). Еще более информативна динамика потери партийной численности по РСФСР: на 01.07.1985 г. – 9 979 360, на 01.07.1990 г. – 10 047 114 (при обеспечении, наконец, доступности вступления), на 01.01.1991 г. – 8 679 799, на 01.07.1991 г. – 7 690 685.

Выход из партии. Выход коммунистов из КПСС неуклонно возрастал: в Тамбовской области в 1988 г. – 79 человек, в 1989 г. – 211, в 1990 г. – 5012. Причем, покидать партию стали даже молодые коммунисты: 1,2 % – кандидаты в члены партии со стажем менее одного года, 10,8 % – молодые коммунисты со стажем до 5 лет. В основном же выходили обычные коммунисты: 46,9% – со стажем более 20 лет; 56,4 % – рабочие и крестьяне. Попытки союзного партийного руководства объяснить выход из партии ростом требований к членам КПСС со стороны исторического времени и перестройки выглядят, конечно, нелепо. Нарастающее чув-

ство бессмысленности пребывания в партии, понимание ее скорого финала, нежелание нести материальные обременения – вот ключевые основания ухода.

Исход руководящей номенклатуры. Направлений ухода было два. Во-первых, секретари комитетов КПСС массово возвращались в директорские кресла, откуда как хозяйственные руководители они были привлечены на партийную работу в 1990 г. Во-вторых, первые секретари-председатели Советов, а таких было большинство, переходили на постоянную работу в Совет, оставляя партийную карьеру. В исследованных нами регионах должность покинул каждый десятый (10,8 %) первый секретарь ГК и РК КП РСФСР. «Тамбовский случай» аномален. Здесь до июля 1991 г. в этой стране не происходила смена партийных элит. Оттого произошла поздняя и бурная ротация партийных кадров. 2 августа 1991 г. первый секретарь обкома Е. М. Подольский покинул партийную должность, а 6 августа – и пост председателя областного Совета. Примеру первого секретаря обкома успели последовать 14 первых секретарей ГК и РК (два – в июле и 12 – в августе) из 30.

Любопытна официальная мотивировка ухода первых секретарей. В личных заявлениях, просмотренных нами, видны самые разные обоснования – более широкие возможности председателя Совета по социально-экономическому развитию, стремление приносить пользу обществу на «хозяйственном фронте», семейные обстоятельства, со-

стояние здоровья. При этом уходящим со своих постов секретарям комитетов партии, еще совсем недавно – несомненным боссам, их подчиненные, члены районных и городских комитетов партии, зачастую устраивали обструкцию. Заметим, подобные отношения начальников и подчиненных были прежде немыслимы. Решения секретарей назывались трусостью, подрывом авторитета партии. На бюро сельских райкомов партии при обсуждении вопроса об уходе первых секретарей стали даже звучать предложения роспуска самой партии.

На смену аппаратным боссам – третьи лица власти. Места спешно покидавших позиции первых секретарей стали занимать вторые – третьи лица власти. Из документов видим, что первым секретарем стал, например, бывший заведующий РОНО, уволенный с этой должности за управление автомобилем в нетрезвом состоянии (Токаревский район Тамбовской области, назначение – 20 августа 1991 г.). Или человек мог в течение всего одного 1991 г. пройти всю линейку партийной иерархии от инструктора до первого секретаря райкома (Кораблинский и Рязанский районы, Рязанская область). Прежде такое было, конечно, невозможно.

Новые назначенцы пробыли первыми секретарями иногда несколько недель, дней или даже часов. 24 августа 1991 г. бюро Петровского РК КП РСФСР Тамбовской области избрало первого секретаря, после чего все дружно от-

метили событие, но тут пришло известие о роспуске компартии. Бывший первый секретарь «на несколько часов» рассказывал нам об этом спустя время совершенно спокойно и с самоиронией.

Очень показательна судьба этих людей. Мы отследили карьерные треки 7 «последних первых» Самарской области. Там партийная элита радикально изменилась в 1990 г. К руководству горкома и райкома пришли успешные хозяйственники. Их замена 1991 г. – партийные работники второго плана. Серьезных позиций, значительных объемов властных ресурсов они, естественно, накопить не успели. Их судьба после распада СССР – муниципальная служба на вторых ролях. Они были людьми второго плана в СССР, ими и остались в постсоветской России.

Заключение

События лета 1991 г. стали, с одной стороны, финальным аккордом всего кадрового процесса в СССР, а с другой – его антитезой, настолько он порывал с прежней логикой кадровой политики. Все годы существования номенклатурной системы кадровая политика была по-своему логичной, стройной и системной. Она воспроизводила, контролировала, воспитывала, расставляла и наставляла кадры политического управления, усиливая существующую политическую систему. То, что происходило в области управления кадрами в 1991 г., кадровой политикой в устоявшемся смысле назвать невозможно.

Во-первых, кадровая политика предполагает наличие осмысленности, планирования и единообразия. Ничего этого не было. Был набор спорадических действий. Какого-то одного плана тоже не было. Как не было и какого-то одного центра принятия кадровых решений. Одни решения исходили от руководства КПСС, ориентированного на М. С. Горбачева, другие – от руководства КП РСФСР во главе с И. Е. Полозковым, находившимся, по сути, в состоянии конфронтации с генсеком КПСС и президентом СССР, третьи – от Б. Н. Ельцина, 12 июня 1991 г. ставшего президентом РСФСР. Все акторы политического процесса имели свои

представления и возможности осуществлять кадровые действия.

Во-вторых, надо понимать, что применительно к СССР мы обычно говорим о кадровой политике партии-государства. Летом 1991 г., по нашему убеждению, КПСС таковой уже не была. Кто был тогда ключевой фигурой политического процесса? Самой деятельной – определено российской властью во главе с президентом РСФСР, но только не КПСС. Оттого произошли и критическое ослабление кадров, и невыполнение положений устава, и сокращение численности, и исход руководящей номенклатуры, и приход вторых-третьих лиц во власть.

Библиографический список

- Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985-1991 гг. : курс лекций. Москва : Аспект Пресс, 2002. 367 с.
- Волгин Е. И. КПСС в контексте советской политической модернизации (конец 80-х – начало 90-х годов) // Вестник Московского университета. 2004. № 3. С. 75-87.
- Волгин Е. И. Политическая трансформация КПСС (1990-1991 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2006. № 6. С. 26-36.
- Волгин Е. И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 4. С. 102-123.
- Волохов А. Е. Новейшая история Коммунистической партии: 1990-2002. Москва : «Импэто», 2003. 136 с.
- Геллер М. Я. История России: 1917-1995: утопия у власти / М. Я. Геллер, А. М. Некрич. Москва : «МИК», 1994. 500 с.
- Коваль Т. Б. Кто вы теперь, последние первые – первые или последние? (по материалам опроса бывших первых секретарей райкомов КПСС г. Москвы) // Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 56-107.
- Коткин С. Номенклатура в бывшем СССР и сегодняшней России // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 2. С. 149-166.
- Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65.
- Кудеярова Н. Первые изменения постсоветской элиты // Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 46-55.
- Куколев И. В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 82-91.

- Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь : Пермское книжное издательство, 2003. 240 с.
- Мохов В. П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.). Пермь : ПГТУ, 1998. 256 с.
- Мохов В. П. Элитизм и история. проблемы изучения советских региональных элит. Пермь : ПГТУ, 2000. 204 с.
- Пихоя Р. Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 3-29.
- Регионы России: хроника и руководители. Т. 1-8. Sapporo : SRC, Hokkaido University, 1997-2003.
- Регионы Украины: хроника и руководители. Т. 1-2. Sapporo : SRC, Hokkaido University, 1999-2002.
- Сельцер Д. Г. Взлёты и падения номенклатуры. Тамбов : ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. 592 с.
- Сельцер Д. Г. Первые секретари ГК и РК КПСС (1991-1992 гг.): продолжение или завершение карьеры? // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 135-156.
- Сельцер Д. Г. Субрегиональная номенклатура КПСС после распада СССР (1991-2005) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 2. С. 49-63.
- Сельцер Д. Г. Эффект домино: указ Б.Н. Ельцина о департизации в цепи распада СССР // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. № 5. С. 58-70.
- Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. Москва : Весь мир, 2001. 272 с.

Reference list

- Barsenkov A. S. Vvedenie v sovremennuju rossijskiju istoriju 1985-1991 gg. = Introduction to modern Russian history 1985-1991 : kurs lekcij. Moskva : Aspekt Press, 2002. 367 s.
- Volgin E. I. KPSS v kontekste sovetskoj politicheskoj modernizacii (konec 80-h – nachalo 90-h godov) = CPSU in the context of Soviet political modernization (late 80s - early 90s)// Vestnik Moskovskogo universiteta. 2004. № 3. S. 75-87.
- Volgin E. I. Politicheskaja transformacija KPSS (1990-1991 gg.) = Political transformation of the CPSU (1990-1991)// Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2006. № 6. S. 26-36.
- Volgin E. I. Problema departizacii v Rossii v nachale 1990-h gg. = The problem of departionalization in Russia in the early 1990s. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8: Istorija. 2014. № 4. S. 102-123.
- Volohov A. E. Novejšaja istorija Kommunističeskoj partii: 1990-2002 = The latest history of the Communist Party: 1990-2002. Moskva : «Impeto», 2003. 136 s.
- Geller M. Ja. Istorija Rossii: 1917-1995: utopija u vlasti = History of Russia: 1917-1995: utopia in power / M. Ja. Geller, A. M. Nekrich. Moskva : «MIK», 1994. 500 s.
- Koval' T. B. Kto vy teper', poslednie pervye – pervye ili poslednie? (po materialam oprosa byvših pervyh sekretarej rajkomov KPSS g. Moskvy) = Who are you now, the last first - first or last? (based on a survey of the former first secretaries of the district committees of the CPSU in Moscow)// Mir Rossii. 1995. T. 4. № 3-4. S. 56-107.

Kotkin S. Nomenklatura v byvshem SSSR i segodnjashnej Rossii = Nomenclature in the former USSR and today's Russia // *Konstitucionnoe pravo: Vostochnoevropeskoe obozrenie*. 1998. № 2. S. 149-166.

Kryshtanovskaja O. V. Transformacija staroj nomenklatury v novuju rossijskiju jellitu = Transformation of the old nomenclature into a new Russian elite // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. № 1. S. 51-65.

Kudejarova N. Pervye izmenenija postsovetsoj jelity = The first changes of the post-Soviet elite // *Mir Rossii*. 1995. T. 4. № 3-4. S. 46-55.

Kukolev I. V. Transformacija politicheskikh jelit v Rossii = Transformation of political elites in Russia // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1997. № 4. S. 82-91.

Mohov V. P. Regional'naja politicheskaja jellita Rossii (1945-1991 gg.) = The regional political elite of Russia (1945-1991). Perm' : Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 240 s.

Mohov V. P. Jevoljucija regional'noj politicheskoi jelity Rossii (1950-1990 gg.) = The evolution of the regional political elite of Russia (1950-1990). Perm' : PGU, 1998. 256 s.

Mohov V. P. Jelitizm i istorija. problemy izuchenija sovetskikh regional'nyh jelit. Elitism and history. Problems of studying Soviet regional elites. Perm' : PGU, 2000. 204 s.

Pihoja R. G. O periodizacii sistemnogo krizisa Sovetskogo Sojuza = On the periodization of the systemic crisis of the Soviet Union // *Rossijskaja istorija*. 2019. № 2. S. 3-29.

Regiony Rossii: hronika i rukovoditeli = Regions of Russia: chronicle and leaders T. 1-8. Sapporo: SRC, Hokkaido University, 1997-2003.

Regiony Ukrainy: hronika i rukovoditeli = Regions of Ukraine: chronicle and leaders T. 1-2. Sapporo: SRC, Hokkaido University, 1999-2002.

Sel'cer D. G. Vzljoty i padenija nomenklatury = Takeoffs and falls of the nomenclature Tambov: OGUP «Tambovpoligrafizdat», 2006. 592 s.

Sel'cer D. G. Pervye sekretari GK i RK KPSS (1991-1992 gg.): prodolzhenie ili zavershenie kar'ery? = The first secretaries of the Civil Code and the RK CPSU (1991-1992): continuation or completion of a career? // *PRO NUNC. Sovremennye politicheskie processy*. 2004. № 2. S. 135-156.

Sel'cer D. G. Subregional'naja nomenklatura KPSS posle raspada SSSR (1991-2005) = Subregional nomenclature of the CPSU after the collapse of the USSR (1991-2005) // *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS*. 2007. T. 3. № 2. S. 49-63.

Sel'cer D. G. Jefferkt domino: ukaz B. N. El'cina o departizacii v cepi raspada SSSR = Domino effect: B.N. Yeltsin's decree on departization in the collapse chain of the USSR // *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. 2021. № 5. S. 58-70.

Sogrin V. V. Politicheskaja istorija sovremennoj Rossii. 1985-2001: ot Gorbacheva do Putina = The political history of modern Russia. 1985-2001: from Gorbachev to Putin. Moskva : Ves' mir, 2001. 272 s.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 05.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 01.11.2021; approved after reviewing 05.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 323.22/.28

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-61-84

Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России

Людмила Георгиевна Батракова

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.

batrakova_l@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2356-3511>

Аннотация. Тема регионального неравенства в социально-экономическом развитии с каждым годом становится все актуальней. Обеспечение равномерного развития российских регионов осложнено высокой степенью неоднородности экономического пространства страны, что выражается в социально-экономическом неравенстве между регионами. В настоящее время наблюдается дифференциация субъектов РФ по отраслевой структуре ВРП, по уровню и качеству жизни населения и пр., имеются диспропорции в бюджетной обеспеченности. Это приводит к снижению привлекательности и конкурентоспособности регионов и в целом ослабляет национальную экономику.

По данным Всемирного банка Россия занимает 3 место в мире по региональному неравенству. В правительственных документах указывается, что цель государства к 2022 г. сократить дифференциацию социально-экономического развития в регионах с пониженным уровнем жизни.

Пространственное развитие большинства экономических субъектов характеризуется существенными различиями. Экономисты указывают на то, что межрегиональная асимметрия возникает вследствие конкурентных преимуществ и особенностей институциональной среды. Снижение неравенства развития регионов возможно в том случае, если повысить уровень жизни в депрессивных субъектах РФ.

Важным направлением оценки дифференциации регионов является разработка системы показателей, оценивающих региональное неравенство.

© Батракова Л. Г., 2021

Оценку роли региона в производстве ВРП можно получить с помощью расчета показателей локализации и индексов относительного положения, динамику, вариацию и глубину регионального неравенства характеризуют коэффициенты разброса, а также дифференциация населения регионов по доходам, анализ равномерности распределения регионов может быть получена из анализа показателей концентрации доходов. В целом можно отметить, что региональное неравенство в социально-экономическом развитии России имеет тенденцию к росту.

Ключевые слова: пространственное развитие, региональное неравенство, ВРП на душу населения, рейтинг регионов, коэффициент вариации, коэффициент осцилляции, индекс локализации, коэффициент фондов, индекс Кейтца, индекс Джини

Для цитирования: Батракова Л. Г. Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 61-84. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-61-84>

REGIONAL ECONOMICS

Original article

Regional inequality in the socio-economic development of Russia

Lyudmila G. Batrakova

Doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management, FSBEI HE “Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky”. Yaroslavl.

batrakova_l@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2356-3511>

Abstract. The topic of regional inequality in socio-economic development is becoming more relevant every year. Ensuring the uniform development of the Russian regions is complicated by the high degree of heterogeneity of the country's economic space, which is expressed in socio-economic inequality between the regions. Currently, there is a differentiation of the subjects of the Russian Federation by the sectoral structure of GRP, by the level and quality of life of the population, etc., there are imbalances in budget security. This leads to a decrease in the attractiveness and competitiveness of the regions and generally weakens the national economy.

According to the World Bank, Russia ranks 3rd in the world in terms of regional inequality. Government documents indicate that the state's goal is to reduce the differentiation of socio-economic development in regions with a reduced standard of living by 2022.

The spatial development of most economic entities is characterized by significant differences. Economists point out that interregional asymmetry

arises due to competitive advantages and features of the institutional environment. Reducing the inequality of regional development is possible if the standard of living in the depressed regions of the Russian Federation is increased.

An important area for assessing the differentiation of regions is the development of a system of indicators that assess regional inequality. The assessment of the role of the region in the production of GRP can be obtained by calculating localization indicators and relative position indices, the dynamics, variation and depth of regional inequality are characterized by dispersion coefficients, as well as the differentiation of the population of regions by income, the analysis of the uniformity of the distribution of regions can be obtained from the analysis of income concentration indicators. In general, it can be noted that regional inequality in the socio-economic development of Russia tends to increase.

Keywords: spatial development, regional inequality, GRP per capita, rating of regions, coefficient of variation, coefficient of oscillation, localization index, coefficient of funds, Keitz index, Gini index

For citation: Batrakova L. G. Regional inequality in the socio-economic development of Russia. *Social and political researches*. 2021;4(13):61-84. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-61-84>

Введение

Проблему неравномерности развития экономического пространства России анализировали многие ученые: одни рассматривают ее как непреодолимую и необходимую, другие считают, что углубление неравенства приведет к вытеснению отсталых регионов. Несмотря на многие исследования, в целом недостаточно работ по анализу неравномерности регионального развития, динамической оценки социально-экономической дифференциации регионов.

В докладе ВБ «К новому общественному договору» (2018) отмечено, что в рейтинге стран Европы

и Центральной Азии по степени регионального неравенства Россия заняла третье место [Taking on Distributional ... , 2018].

Термин «региональная наука» (Regional Science) ввел американский экономист и географ, последователь кейнсианства Уолтер Айзард (Изарда) (1919-2010). В 1954 г. под его руководством была основана Ассоциация районной науки, которая содействовала развитию региональным исследованиям, и в 1960 г. она получила международный статус. У. Айзард, автор работ по пространственному анализу, создал регионоведческую школу, повлиявшую на развитие науки о регионах.

На работы Айзарда оказал влияние немецкий экономист и географ, автор теории организации экономического пространства Август Лёш (1906-1945). Как и А. Лёш, У. Айзард создавал модель территориальной проекции социально-экономической жизни общества [Кузнецова, 2020]. Книга Айзарда «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах» (1960) заложила основы пространственных исследований [Изард, 1966]. Со временем взгляды Айзарда на сущность региональной науки значительно изменились. Сначала при исследовании пространственных проблем он использовал только абстрактные термины, позже стал рассматривать регион как органическое целое, взаимодействующее с другими региональными организациями [Isserman, 1995].

Во «Введении в региональную науку» (1975) У. Айзард привел 13 определений региональной науки и отметил, что такое их разнообразие говорит о том, что ни одно из них не может считаться лучшим или наиболее полным. В понимании У. Айзарда слово «региональный» является синонимом понятия «территориальный», и поэтому он указывал на то, что региональная наука занимается изучением проблем в пространственном измерении [Кузнецова, 2020].

На самом деле термин «регион» (от лат. regio – область) не является синонимом «территории» (от лат. territorium). Территория – абстракт-

ное понятие, которое определяет пространство с установленными границами, заполненное разными объектами. Регион – термин, который используется для обозначения участка суши или воды, обладающий некоторой целостностью, который можно отделить от другого участка по каким-либо признакам. В современной науке существует множество подходов к определению понятия «регион»: административно-территориальный, социально-экономический, территориально-хозяйственный и др. [Батракова, 2019]. В соответствии с Указом Президента РФ от 16.01.2017 № 13 об основах государственной политики регионального развития под регионом понимается часть территории РФ в границах территории субъекта РФ [Указ ..., 2017].

В официальных документах под «пространственным развитием» понимается совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития. В распоряжении Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р раскрыты проблемы пространственного развития: высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства; значительное отставание части субъектов РФ по ключевым социально-экономическим показателям от среднероссийского уровня; существенные внутрирегиональные раз-

личия, в том числе отставание уровня жизни значительной части населения сельских территорий от уровня жизни жителей городов и др. [Распоряжение ..., 2019].

Региональное неравенство является закономерностью развития в любой экономической системе. Британский писатель, журналист и публицист Джордж Оруэлл (настоящее имя Эрик Артур Блэр, 1903–1950) в романе-антиутопии «1984» (1948) писал, что в прежние времена существование классов было не только неизбежно, но даже желательно, за цивилизацию платили неравенством.

В Российской Федерации 8 федеральных округов, в которые входит 85 регионов. Первопричиной территориального неравенства являются географические особенности, так как российские регионы существенно различаются по размерам и численности населения. В Европейской части, занимающей 25 % территории, проживает 79 % населения, а в Азиатской (75 % территории) – 21 %. На 2020 г. численность населения УФО и г. Москвы примерно равна 12 млн человек. К регионам России с максимальной

площадью относятся: Республика Саха (ДФО) – 3083,5 тыс. км², Красноярский край (ВСФО) – 2366,8 тыс. км², Тюменская область (СЗФО) – 1464,2 тыс. км².

Неравномерное распределение населения в регионах России зависит от климатических и природных условий, удаленности от центра, средняя плотность населения страны составляет 8,57 чел./км². В самом большом по площади ДФО (6082,3 тыс. км²) средняя плотность населения равна 2,9 чел./км², максимальная – в Москве (4950,44 чел./км²) и в Санкт-Петербурге (3271,9 чел./км²), самая низкая – в Чукотском АО (0,07 чел./км²).

Индустриализация и потребность в высококвалифицированных специалистах в городах привела к росту доли городского населения, которая в 2020 г. составила 74,59 % (в 1995 г. – 72,96 %), в Санкт-Петербурге – 100 %, в Москве – 98,7 %. В городах с населением более 1,5 млн человек проживает 31 %, от 250 до 500 тыс. – 9 %, от 100 до 250 тыс. чел. – 10 % [Батракова, 2021]. Изменение численности городского и сельского населения России показано на рисунке 1.

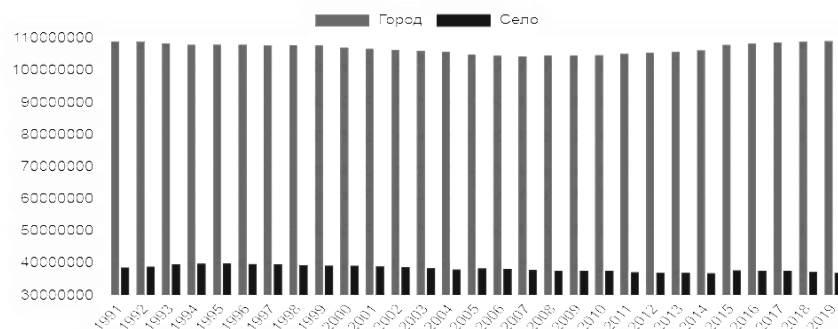

Рис. 1. Динамика численности городского и сельского населения в России [Российская Федерация ...]

Численность сельского населения в России составляет 37,3 млн чел., большее количество в ПФО – 8,2 млн чел., ЦФО – 6,9 млн чел., ЮФО – 6,1 млн чел., самое меньшее – в ДФО и СЗФО. В то же время отметим, что сельская местность депопулирует: есть населенные пункты без населения, а также с числом жителей от 1 до 10 человек

(см. табл. 1). Наибольшее число таких населенных пунктов в регионах ЦФО и СЗФО (80 %), в том числе около 30 % – в Тверской, Вологодской и Псковской областях. Крупные села в основном сосредоточены в республиках Северного Кавказа [Бондаренко, 2020; Новиков, 2013].

Таблица 1.

Доля сельских населенных пунктов по численности жителей на начало 2021 года

Сельские населенные пункты	Доля сельских населенных пунктов, %
Без населения	12,7
С населением от 1 до 10 чел.	23,6
С населением от 11 до 50 чел.	21,4
С населением от 51 до 100 чел.	9,0
С населением более 101 чел.	33,3

Различия в численности и плотности населения приводят к значительным расхождениям в показателе ВРП на душу населения и влияют на уровень регионального неравенства. Сравнительный анализ, а

также работы ученых-экономистов [Бондаренко, 2020; Batrakova, 2021] позволили сгруппировать регионы России: крупные города с постиндустриальными секторами экономики; развитые индустриальные

регионы; ОЭЗ; регионы с сырьевым сектором; регионы отстающего развития: дотационные, моноотраслевые, с преобладанием аграрного производства.

Территориальная дифференциация регионов растет по разным направлениям: инвестиции, доходы бюджетов, зарплата и пр., экономические преимущества получают регионы в структуре производства, которых высокий удельный вес экспортно-ориентированных производств, а также торгово-посреднической и финансовой деятельности. В соответствии с Указом Президента РФ 16.01.2017 № 13 итогам проведения государственной политики регионального развития должны стать: снижение неравенства в социально-экономическом уровне развития регионов, уменьшение различий в уровне жизни населения различных регионов, а также городов и сельской местности [Указ ..., 2017].

1. Современные особенности социально-экономической дифференциации регионов России

Первой особенностью региональной социально-экономической дифференциации в России является *формирование постиндустриальной экономики*, которое происходит при незаконченности индустриального развития [Батракова, 2021]. Существенные структурные изменения в России произошли после 2002 г., они соответствовали мировым тенденциям: увеличение в

структуре ВВП доли услуг (2019 год: США – 80,6 %, Россия – 62,3 % (2002 – 32,6 %)); снижение доли промышленности (2019 год: США – 18,5 %, Россия – 33,3 % (2002 – 41 %)) и сельского хозяйства (2019 год: США – 0,9 %, Россия – 4,4 % (2002 – 5,7 %)).

Следующей особенностью является *отраслевая структура ВРП*. В стране практически нет регионов с диверсифицированной структурой экономики, 87 % являются монопромышленными и сельскохозяйственными, из них 47 % – депрессивными, экономическое состояние которых существенно ниже среднего в стране [Куликова, 2015]. В то же время очевидно, что диверсификация региональной экономики оказывает положительное влияние на эффективность и устойчивость развития региона

Отраслевая структура ВРП имеет особенности: в самой высокоразвитой Европейской части России сосредоточено более 80 % производства обрабатывающей промышленности; в макрорегионе Сибири и Дальнего Востока, где находится преобладающая часть запасов природных ресурсов, производится сырьевая продукция – 60,6 % добываемых топливно-энергетических ресурсов, 60,5 % металлов и изделий из них [Сибирь и Дальний ... , 2018, с. 9]; Север страны обладает огромным природно-ресурсным потенциалом, и здесь на обрабатывающие производства приходится 26,8 %.

В отраслевой структуре ВРП федеральных округов также есть отличия: в ЦФО, ЮФО и СКФО доминирует оптовая и розничная торговля, в СЗФО, ПФО и СФО – обрабатывающие производства, в УФО и ДФО – добыча полезных

ископаемых. Проанализируем структуру ВРП в отдельных регионах РФ по видам экономической деятельности, которая показывает какие отрасли определяют формирование экономики (см. табл. 2).

Таблица 2.

Структура ВРП по видам экономической деятельности в отдельных субъектах РФ в 2018 году
[Регионы России, 2020, с. 504-507]

Субъект РФ	Экономическая отрасль	Доля экономической отрасли, %
Москва	Оптовая и розничная торговля;	28,6
	ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	
	Обрабатывающие производства	16,2
	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	9,6
Тюменская область	Добыча полезных ископаемых	63,7
	Строительство	8,1
Санкт-Петербург	Оптовая и розничная торговля;	17,7
	ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	
	Обрабатывающие производства	17,2
	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	10,1
Московская область	Оптовая и розничная торговля;	27,0
	ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	
	Обрабатывающие производства	20,6
	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	11,1
Свердловская область	Обрабатывающие производства	32,5
	Оптовая и розничная торговля;	15,3
Республика Татарстан	ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	
	Добыча полезных ископаемых	30,5
Красноярский край	Обрабатывающие производства	15,9
	Добыча полезных ископаемых	31,8
Республика Башкортостан	Обрабатывающие производства	25,6
	Оптовая и розничная торговля	35,1
Ярославская область	Обрабатывающие производства	13,7
	Оптовая и розничная торговля;	28,9
	ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	16,1
	Транспортировка и хранение	12,6

Субъект РФ	Экономическая отрасль	Доля экономической отрасли, %
Оренбургская область	Добыча полезных ископаемых	41,0
	Обрабатывающие производства	14,0
Республика Северная Осетия – Алания	Торговля оптовая и розничная;	18,9
	ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	
	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	17,6
	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	12,0

По данным таблицы 2 видно, что в Москве и Санкт-Петербурге основной отраслью является оптовая и розничная торговля, а обрабатывающие производства – в Ярославской и Свердловской областях, добыча полезных ископаемых – в Тюменской и Оренбургской областях и т. д.

В целом в структуре ВРП субъектов РФ преобладают «обрабатывающие производства», в ЦФО в 2018 г. их доля была самой высокой в областях с крупными промышленными предприятиями: «в Тульской (45,1 %), Липецкой (44,7 %) и Калужской (42,4 %). Добыча полезных ископаемых доминирует в Ненецком АО (83,2 %), Ямало-Ненецком АО (67,3 %), Ханты-Мансийском АО – Югра (73,3 %)» [Регионы России, 2020, с. 504]. Сельское хозяйство наиболее распространено в Брянской и Тамбовской областях, в регионах Центрального Черноземья [Сергеева, 2019].

Высокая доля оптовой и розничной торговли в ВРП приводит к неблагоприятным тенденциям, вытесняя в регионах реальное производство. Результатом такой ситуа-

ции становится снижение инвестиционной привлекательности региона, закрытие промышленных предприятий, рост безработицы, падение покупательной способности населения и др. Следовательно, можно сделать вывод о необходимости диверсификации региональной отраслевой структуры ВРП.

Следующей особенностью региональной социально-экономической дифференциации является *миграционная привлекательность*. На протяжении длительного периода времени в истории России миграционные потоки в основном были направлены из европейской части в регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Резкое падение уровня жизни населения, отсутствие развитых рынков труда и жилья привели к снижению внутренних миграционных потоков в эти регионы.

В настоящее время миграционный прирост из 85 регионов имеют 16. В 2020 г. численность долговременных мигрантов внутри России составляла свыше 4 млн человек. Значимым «притягивающим» мигрантов фактором выступает «сто-

личный статус региона». Наиболее высокий миграционный прирост числа долговременных мигрантов на 1 000 человек населения региона зафиксирован в Севастополе, Москве, Санкт-Петербурге, а также в иных привлекательных регионах: Краснодарском крае, Белгородской и Калининградской областях. Усиленный миграционный отток был из Магаданской области, республик Коми и Калмыкии, с Чукотского АО, Еврейского АО, Камчатского края. В Тюменскую область приезжают преимущественно жители Урала и Западной Сибири. В абсолютных значениях самый массовый приток внутрироссийских трудовых мигрантов идет в Московский регион [Как Россия ... , 2020].

Значение межрегиональной миграции заключается в территориальном перераспределении населения и рабочей силы по регионам, где имеются возможности повышения занятости, уровня жизни и др. Однако межрегиональная миграция приводит к значительному уменьшению численности населения других регионов, снижая их экономическую устойчивость.

Важной особенностью региональной социально-экономической дифференциации является то, что в стране существует не только межрегиональное, но и *внутрирегиональное неравенство*, обусловленное центр-периферийным неравенством. В докладе ВБ «Преодоление пространственного неравенства: как снова собрать советский пазл в

условиях рыночной экономики» (2018) ведущим экономистом по России, профессором Апурва Санги было отмечено, что свыше 90 % неравенства носит внутрирегиональный характер [Названы неожиданные ...]. Внутрирегиональная дифференциация не только сильнее межрегиональной, но и более устойчива, она проявляется в различиях образа жизни, занятости, доходов населения крупнейших городов по сравнению с малыми и сельской местностью. Следовательно, усиление внутрирегиональной дифференциации является важным фактором, снижающим темпы социально-экономического развития регионов.

По мнению директора региональных программ Независимого института социальной политики, профессора МГУ Н. В. Зубаревич, следует различать *неравенство экономическое и социальное*. И если экономическое неравенство регионов – объективное следствие конкурентных преимуществ, то социальное усиливает проблемы развития человеческого капитала, накопление которого обеспечивает регионам устойчивость и высокое качество роста [Зубаревич, 2008]. Можно согласиться с Н. В. Зубаревич, что смягчением социального неравенства являются не региональные механизмы, а социальная политика государства, выравнивающая доходы населения с помощью социальных трансфертов.

В Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года, направленной на снижение межрегионального социально-экономического неравенства, введены новые целевые показатели пространственного развития: межрегиональная дифференциация индекса человеческого развития, индекс качества городской среды и др. [Распоряжение ... , 2019].

2. Факторы и показатели оценки дифференциации уровней социально-экономического развития регионов

Региональное социально-экономическое неравенство есть в любом государстве. Факторы, влияющие на дифференциацию, экономисты разделяют в группы по признаку «преимущество территории»:

– «первой природы», которые не вечны и являются основными причинами экономического неравенства в индустриальном обществе: выгодное геополитическое положение,

богатый ресурсный потенциал, развитая инфраструктура и др.;

– «второй природы», которые имеют агломерационный эффект и характерны для постиндустриального развития общества: территориальная концентрация производства в крупных городах, лучшая институциональная среда, развитая социальная инфраструктура, уровень развития человеческого капитала и др. Факторы именно этой группы, направленные на модернизацию экономики [Батракова, 2021], и является в настоящее время главной причиной экономического неравенства.

Социально-экономическое неравенство возможно сгладить, влияя на факторы «второй природы».

Представим систему показателей, оценивающих основные направления регионального неравенства в социально-экономическом развитии России (см. табл. 3).

Таблица 3.
Система показателей оценки регионального неравенства

Группы показателей по направлениям анализа	Показатели
Производственно-экономические	– обобщающие (ВРП, ВРП на душу населения, и др.); – эффективности (прибыль, рентабельность и др.)
Социально-экономические	– состояния рынка труда; – уровня жизни населения; – платежеспособности населения (индекс цен, объем потребительский расходов, платежеспособный спрос и др.); – развития социальной сферы
Социально-	– продолжительности жизни (ожидаемой и фактической);

Группы показателей по направлениям анализа	Показатели
демографические	– рождаемости и смертности, в том числе младенческой; – человеческого развития
Экологические	– выбросов вредных веществ в воздушную среду, воду, почву; – рационального потребления биологических ресурсов
Финансово-экономические	– инвестиций и налогов; – регионального бюджета (доход, расход, дефицит/профицит)
Политические	– государственной политики в области доходов, цен, занятости и пр.

Примечание: составлено автором

Традиционным подходом в сравнительном анализе регионального развития является расчет важнейших экономических показате-

лей: ВРП, ВРП на душу населения. В таблице 4 показано изменение доли ВРП регионов, а в таблице 5 – ВРП на душу населения.

Таблица 4.
Динамика доли ВРП регионов-лидеров в суммарном ВВП страны, % [Валовой региональный ...].

Регионы-лидеры	Годы					
	1996	2000	2007	2017	2018	2019
г. Москва	12,2	21,0	23,8	20,7	20,8	20,8
Тюменская область с АО	9,4	9,9	11,7	8,9	9,8	9,4
г. Санкт-Петербург	3,4	3,3	3,6	5,4	5,3	5,4
Московская область	3,6	3,2	4,2	5,4	5,1	5,4
Краснодарский край	2,3	2,4	2,1	3,0	2,8	2,7
Свердловская область	3,5	2,7	2,9	2,8	2,7	2,7
Республика Татарстан	3,0	3,3	2,7	2,8	2,9	2,9
Красноярский край	3,0	3,5	2,6	2,5	2,6	2,8
Республика Башкортостан	2,9	2,6	2,3	1,9	1,9	1,9
Самарская область	3,1	2,5	2,2	1,8	1,8	1,8
Всего	46,4	54,4	58,1	55,2	55,7	55,8

В 2019 г. 55,8 %, а в 2020 г. 52,1 % суммарного объема ВРП формировали 10 субъектов РФ. Анализ динамики ВРП (см. табл. 4) позволяет оценить в каждом регионе

страны эффективность развития экономики. Однако в связи с пандемией коронавируса в 2020 г. социально-экономическая ситуация в большинстве регионов ухудшилась

и, соответственно, дифференциация социально-экономического положения усилилась. В 2021 г. по мере

восстановления экономики в большинстве регионов ожидают улучшения экономических показателей.

Таблица 5.

Динамика ВРП на душу населения по федеральным округам (в руб.)
[Валовой региональный ...]

Федеральный округ	2011	2015	2016	2017	2018	2019
Центральный	417288,1	580706,6	663881,8	711031,6	792780,9	835858,8
Северо-Западный	350764,2	520253,4	605320,9	632995,7	706615,6	752847,2
Южный	200306,5	283856,1	332286,2	354937,6	384256,8	400883,7
Северо-Кавказский	112647,6	176399,5	202142,5	208423,1	219381,6	232012,9
Приволжский	236240,2	339075,0	373572,3	399551,8	452352,1	480457,9
Уральский	521192,2	737316,0	792608,1	889254,4	1055243,5	1070596,6
Сибирский	258724,1	369286,3	404112,9	443783,8	505859,0	535321,0
Дальневосточный	346131,2	487852,1	543020,9	568274,0	682108,5	730107,7

Причиной существенных различий в ВРП на душу населения является то, что экономически развитые регионы, как правило, имеют сырьевую специализацию и инвестиционно привлекательны. При определении сырьевых регионов рассчитывают долю ВДС от добычи полезных ископаемых в структуре ВРП, который в 2018 г. по федеральным округам был равен: «УФО – 44,4 %, ДФО – 32,0 %, СФО – 21,4 %» [Регионы России, 2020, с. 504-506].

Отметим регионы с наибольшими показателями ВРП на душу населения в 2019 г., млн руб.: Ненецкий АО – 7,5; Ямало-Ненецкий АО – 5,7; Ханты-Мансийский АО –

Югра – 2,7; Сахалинская область – 2,4; Чукотский АО – 1,9; г. Москва – 1,5; Магаданская область – 1,5. Низкодоходные регионы России являются аграрными, где большую роль в экономике играют личные подсобные хозяйства, и расположены они преимущественно по южной окраине России, тыс. руб.: Карачаево-Черкесская Республика – 197,6; Кабардино-Балкарская Республика – 197,2; Чеченская Республика – 164,6; Республика Ингушетия – 145,7 [Бедные и богатые ...].

Для оценки дифференциации регионов было проведено исследование, основанное на официальной статистической информации ФГОС России за 2010-2019 гг. по

85 субъектам РФ, включающее расчет и анализ следующих групп показателей:

1. Показатели, характеризующие разброс при оценке парамет-

ров распределения: размах вариации и коэффициент осцилляции [Батракова, 2009]. Результаты расчетов показаны в таблице 6.

Таблица 6.

Анализ вариации федеральных округов по уровню ВРП на душу населения

Показатель	Годы		
	2010	2018	2019
Российская Федерация			
Размах вариации, руб.	926016,8	2256424,5	2238899,3
Средний уровень, руб.	263828,6	614333,2	646144,1
Коэффициент осцилляции	3,51	3,673	3,465
Центральный федеральный округ			
Размах вариации, руб.	627494,2	1262612,5	1305995
Средний уровень, руб.	350204,2	792780,9	835858,8
Коэффициент осцилляции	1,791	1,59	1,56
Северо-Западный федеральный округ			
Размах вариации, руб.	262055,3	605979,5	636628,1
Средний уровень, руб.	289611,4	706615,6	752847,2
Коэффициент осцилляции	0,905	0,858	0,846
Южный федеральный округ			
Размах вариации, руб.	114327,5	341513,5	350976,5
Средний уровень, руб.	168773,2	384256,8	400883,7
Коэффициент осцилляции	0,677	0,889	0,876
Северо-Кавказский федеральный округ			
Размах вариации, руб.	62924,9	143290	149712,4
Средний уровень, руб.	94915,3	219381,6	232012,9
Коэффициент осцилляции	0,663	0,653	0,645
Приволжский федеральный округ			
Размах вариации, руб.	98057,2	415125,3	438386,9
Средний уровень, руб.	190715,5	452352,1	480457,9
Коэффициент осцилляции	0,514	0,918	0,912
Уральский федеральный округ			
Размах вариации, руб.	844319,2	2366736,9	2103651,1
Средний уровень, руб.	423495,4	1055243,5	1070596,6
Коэффициент осцилляции	1,994	2,243	1,965
Сибирский федеральный округ			
Размах вариации, руб.	272848,2	597860,2	694964,3
Средний уровень, руб.	214401,6	505859,0	535321

Показатель	Годы		
	2010	2018	2019
Коэффициент осцилляции	1,273	1,182	1,298
Дальневосточный федеральный округ			
Размах вариации, руб.	798875,4	1835016,5	2057825,1
Средний уровень, руб.	334909,9	682108,5	730107,7
Коэффициент осцилляции	2,385	2,69	2,819

Примечание: рассчитано автором

Характеризуя динамику регионального неравенства, отметим, что показанный в таблице 5 разброс значений ВРП на душу населения обусловлен особенностями ресурсного обеспечения и исторического территориального развития. До 2019 г. вариация уровня ВРП на душу населения имела тенденцию к росту. Наибольшая относительная вариация наблюдается в следующих федеральных округах (в скобках указаны регионы, за счет которых усиливается дифференциация): ДФО (Сахалинская область), УФО

(Тюменская область), ЦФО (г. Москва), СФО (Красноярский край); невысокая вариация – в ПФО, СКФО, ЮФО.

2. Для определения роли региона в производстве ВРП были рассчитаны *индексы локализации* и *индексы относительного положения* [Бреднева, 2015]. В связи с тем, что из всех федеральных округов вариация по уровню душевого ВРП в ДФО самая большая (см. табл. 6), то для регионов ДФО и были рассчитаны коэффициенты локализации (см. табл. 7).

Таблица 7.
Анализ коэффициентов локализации регионов ДФО по уровню ВРП на душу населения [Валовой региональный ...]

Регион	Коэффициенты локализации по уровню ВРП на душу населения по отношению к среднему уровню			
	по Дальневосточному федеральному округу		по Российской Федерации	
	2016 г.	2019 г.	2016 г.	2019 г.
Дальневосточный федеральный округ	1,000	1,000	1,075	1,130
Республика Бурятия	0,413	0,398	0,444	0,449
Республика Саха (Якутия)	1,704	1,724	1,831	1,948
Забайкальский край	0,476	0,470	0,511	0,531
Камчатский край	1,308	1,220	1,406	1,379
Приморский край	0,819	0,769	0,884	0,869
Хабаровский край	0,929	0,834	0,998	0,942
Амурская область	0,682	0,714	0,733	0,806

Регион	Коэффициенты локализации по уровню ВРП на душу населения по отношению к среднему уровню			
	по Дальневосточному федеральному округу		по Российской Федерации	
	2016 г.	2019 г.	2016 г.	2019 г.
Магаданская область	1,941	2,079	2,086	2,349
Сахалинская область	2,881	3,288	3,096	3,716
Еврейская автономная область	0,541	0,487	0,582	0,550
Чукотский автономный округ	2,659	2,600	2,857	2,938

Примечание: рассчитано автором

В таблице 7 выделены те регионы, которые показали превышения по душевому объему ВРП, в других регионах – отставание от среднего уровня показателя по ДФО и по

РФ, наибольшее отставание в Республике Бурятия.

Позиция регионов среди других по уровню душевого ВРП рассчитана по индексу относительного положения:

$$Y_{\text{отн.пол.}} = \frac{x_i - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (1)$$

где x_i – ВРП на душу населения в регионе [Бреднева, 2015], минимальное значение – в Республике Ингушетия (145 723,1 руб.), максимальное – в Ямало-Ненецком АО (5 710 467,4 руб.)

Максимальное значение индекса относительного положения, равное единице, имеет Ямало-Ненецкий АО, а минимальное, равное нулю, – Республика Ингушетия. В 2019 г. лучшее относительное положение среди регионов ДФО заняли: Сахалинская область – 0,405, Чукотский АО – 0,315, Республика Саха (Якутия) – 0,2, Магаданская область – 0,247. Минимальное значение индекса у Еврейской АО (0,038).

3. Для оценки степени дифференциации населения регионов по размеру среднедушевых денежных доходов были использованы статистические показатели: коэффициент

фондов и индекс Кейтца. Значительная диспропорция экономического развития между регионами влечет за собой и социальное неравенство. «Соотношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения России в 2019 г. составило 15,6 раза, в 1 полугодии 2020 г. – 13,3» [Статистическое обозрение, 2020, с. 22; Динамика доходов ..., 2020]. Коэффициент фондов в некоторых субъектах РФ имел очень высокое значение: в Тюменской области – 17,7, в том числе Ямало-Ненецком АО – 18,4, Ненецком АО – 17,2, в г. Москва – 15,8; Республике Баш-

кортостан – 15,5, что свидетельствует о существенном расслоении населения по среднему уровню доходов [Регионы России, 2020, с. 232].

Приведем расчет коэффициента фондов по ВРП на душу населения по регионам РФ:

$$2016 \text{ год : } \frac{\text{Подушевое ВРП региона-лидера}}{\text{Подушевое ВРП региона-аутсайдера}} = \frac{3790547,2 \text{ руб.}}{121985,9 \text{ руб.}} = 31,07; (2)$$

$$2019 \text{ год: } \frac{\text{Подушевое ВРП региона-лидера}}{\text{Подушевое ВРП региона-аутсайдера}} = \frac{5710467,4 \text{ руб.}}{145723,1 \text{ руб.}} = 39,18. (3)$$

Регион-лидер – нефтедобывающий Ненецкий АО с численностью населения 0,01 млн чел. (0,03 %), регион-аутсайдер – Республика Ингушетия с численностью населения 0,05 млн чел. (0,03 %). Из расчетов видно, что в 2019 г. разрыв по среднему уровню ВРП на душу населения между регионами увеличился, что свидетельствует о высокой дифференциации населения регионов. В 2020 г. пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничительные меры оказали влияние на снижение доходов населения.

Уровень социального неравенства в доходах граждан показывает индекс Кейтца (относительная величина МРОТ), который рассчитывается в «двух измерениях»: как соотношение установленной законом МРОТ к средней или медианной заработной плате. МОТ использует индекс Кейтца для определения степени воздействия МРОТ на масштабы распространения низкооплачиваемой занятости. Чем выше показатель индекса, тем достойней жизнь работающего населения.

Если, например, МРОТ в России на 25.11.2019 г. составлял 9 813 руб., а средняя заработная плата с января по октябрь 2019 г. – 40 069 рублей, то индекс Кейтца был равен 24% (9 813 : 40069 x 100). Очевидно, что увеличение МРОТ приводит к росту индекса Кейтца. С 1 января 2021 г. в России изменилась методика расчета МРОТ – теперь она не может быть ниже 42 % от медианной заработной платы. Следовательно, в течение нескольких лет индекс Кейтца должен быть доведен до 42 %. По рекомендациям МОТ он должен составлять 50 %, а в большинстве стран ЕС он равен 60 % [Индекс ...]. По состоянию на 2020 г. нет единого стандарта, учитывающего отраслевое распределение заработной платы, поэтому индексы Кейтца за один и тот же период в разных источниках могут отличаться, в зависимости от принятой методики расчета средней отраслевой заработной платы.

Если анализировать индекс Кейтца по отдельным регионам РФ, то отметим, что низкие значения в тех регионах, где средняя заработная плата много выше средней по

стране: Ханты-Мансийский АО – Югра и Ямало-Ненецкий АО (Тюменская область), Республика Саха (Якутия), Корякский АО (Камчатская область), Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО, Ненецкий АО (Архангельская область).

4. *Оценка равномерности распределения*, характеризующих социальное и экономическое неравенство в регионах, была дана с помощью показателя концентрации доходов – *индекса Джини* и *кривой Лоренца*. Американский математик и экономист Макс Отто Лоренц (1876-1959) и итальянский статистик и демограф Коррадо Джини (1884-1965) в начале XX в. первыми разработали методику изучения доходной составляющей территориального неравенства, которая до сих пор является основной в анализе денежных доходов. Судя по показателям денежных доходов населения за I полугодие 2020 г.:

- на долю 10 % наиболее обеспеченного населения приходилось 28,9 % объема денежных доходов, а на долю 10 % наименее обеспеченного – 2,2 %;

- на долю 20 % наиболее обеспеченного населения приходилось 45,3 % объема денежных доходов, а

на долю 20 % наименее обеспеченного – 5,8 % [Статистическое обозрение, 2020, с. 22].

Индекс Джини позволяет определить уровень неравномерности распределения ресурсов и по группам участников, характеризуя степень концентрации ВРП или других показателей по федеральным округам и субъектам Федерации. Существуют разные подходы к расчету коэффициента Джини: стандартная и расширенная формы индекса, по формуле Брауна, наиболее распространенная на основе кривой Лоренца и др. Расчет межрегионального коэффициента Джини с учетом численности населения в регионах был предложен профессором М. Ю. Малкиной [Малкина, 2015].

Индекс Джини изменяется в пределах от 0 до 1 и чем больше его величина, тем выше степень неравенства. В случае полного равенства (гипотетический случай) коэффициент равен 0; в случае полного неравенства – 1. Оптимальное значение индекса Джини не должно превышать 35 %, среднее значение по миру – 39,9 %. Динамика значений индекса Джини в России по данным Росстата показана в таблице 8.

Таблица 8.

Динамика значений индекса Джини в России

Год	1995	2000	2005	2010	2015	2019	1 полугодие 2020
Индекс Джини	0,387	0,395	0,409	0,421	0,413	0,413	0,390

Межрегиональное неравенство по доходам выражено не так сильно, как внутрирегиональное. В таблице 9 представлен список регио-

нов на 2017 г., где доходы между богатыми и бедными распределены особенно неравномерно.

Таблица 9.

Внутрирегиональное неравенство отдельных регионов в 2017 году

Субъект РФ	Индекс Джини	Субъект РФ	Индекс Джини
Доходы распределены особенно неравномерно			
Ямало-Ненецкий АО	0,423	Свердловская область	0,409
г. Москва	0,419	Краснодарский край	0,409
Республика Башкортостан	0,417	г. Санкт-Петербург	0,408
Ненецкий АО	0,414	Пермский край	0,407
Сахалинская область	0,412	Воронежская область	0,406
Доходы распределены более равномерно			
г. Севастополь	0,345	Тверская область	0,342
Камчатский край	0,344	Чувашская Республика	0,341
Волгоградская область	0,344	Республика Карелия	0,335
Кировская область	0,344		

Социально-экономическое неравенство отрицательно влияет на экономику регионов, препятствуя ее модернизации и повышению человеческого капитала.

Заключение

В Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. указано, что неравномерность пространственного развития, усиление дифференциации регионов отно-

сится к угрозам экономической безопасности страны.

Суть региональной политики заключается в том, чтобы выявить объективные проблемы развития региона и создать условия для их решения. Для регионов с отставшим развитием необходимо разработать индивидуальные программы по ускорению социально-экономического развития, создать на их территории особые экономические зоны.

Проблему регионального неравенства полностью решить невозможно, ее можно только смягчить. Одним из способов смягчения нера-

венства является образование агломераций – компактной пространственной группировки поселений, которые привлекают активное население возможностями трудоустройства, развитой городской средой, высоким качеством жизни. Другими способами смягчения неравенства является миграция труда и капитала, а также изменения в налоговой и бюджетной политике. Важное значение имеет подготовка высококвалифицированных специалистов, владеющих методами анализа пространственных процессов и современными технологиями управления.

Библиографический список

- Батракова Л. Г. Формирование кластерно-сетевой экономики регионов // Социально-политические исследования. 2019. № 4 (5). С. 69-92.
- Батракова Л. Г. Особенности постиндустриальной экономики и перспективы ее развития в регионах России // Социально-политические исследования. 2021. № 1 (10). С. 58-69.
- Батракова Л. Г. Теория статистики: учебное пособие для студентов. Москва : Издательство «КноРус», 2009. 527 с.
- Бедные и богатые регионы России. URL: https://zen.yandex.ru/media/geo_number_one/bednye-i-bogatye-regiony-rossii-6097955c7ffcba2d9e7ed60f. (Дата обращения: 24.03.2021).
- Бондаренко Н. Е. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии России / Н. Е. Бондаренко, Р. В. Губарев // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2020. Том 17. № 5 (113). С. 56-68.
- Бреднева Л. Б. К вопросу об изменении дифференциации регионов по уровню экономического развития // Вестник ХГАЭП. 2015. № 1 (75). С. 19-23.
- Валовой региональный продукт. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts>. (Дата обращения: 24.03.2021).
- Зубаревич Н. В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // Журнал «SPERO». 2008. №9. С. 7-22.
- Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / Сокр. пер. с англ. В. М. Гохмана [и др.]. Москва : Прогресс, 1966. 660 с.
- Индекс Кейтца. Википедия: свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Индекс_Кейтца. (Дата обращения: 24.03.2021).
- Как Россия переезжает. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/05/28/831421-rossiya-pereezhaet>. (Дата обращения: 24.03.2021).

Кузнецова О. В. Региональные исследования в США : монография / Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. 363 с.

Куликова Е. И. Проблема нивелирования негативного воздействия факторов дифференциации на социально-экономическую систему регионов // ЕВРАЗИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ. 2015. Т.2. № 5 (5). С. 106-109.

Малкина М. Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов «социального благополучия» регионов РФ // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). 2015. Т. 6. №4. С. 111-119.

Названы неожиданные свойства экономического неравенства в России. URL: https://news.rambler.ru/community/40310873/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (Дата обращения: 24.03.2021).

Новиков А. А. Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/48evn113.pdf>. (Дата обращения: 24.03.2021).

Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/. (Дата обращения: 24.03.2021).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2020. 1242 с.

Сергеева Н. М. Анализ отраслевой структуры ВРП регионов Центрального федерального округа // Российское предпринимательство. 2019. Том 20. № 3. С. 645-654.

Сибирь и Дальний Восток в XXI веке: сценарные варианты будущего: анализ. докл. / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. 76 с.

Статистическое обозрение: журнал Федеральной службы государственной статистики. 2020. № 2 (105). URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hDh382iS/Stob%202020-2\(105\)_rus.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hDh382iS/Stob%202020-2(105)_rus.pdf). (Дата обращения: 24.03.2021).

Динамика доходов населения: бюллетень о текущих тенденциях российской экономики / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Выпуск №58, февраль 2020.

Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/. (Дата обращения: 24.03.2021).

Batrakova L. G. THE COMPETITIVENESS OF THE REGION: METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RESEARCH // Journal of regional and international competitiveness. 2021. № 2 (3). С. 4-12.

Bussolo M., Dvalos M., Peragine V., Sundaram R. Toward a new social contract. Taking on distributional tensions in Europe and Central Asia. Europe and Central Asia studies. Washington, DC: World Bank, 2018.

Isserman A. M. The history, status, and future of regional science: An American perspective // International regional science review. 1995. № 17 (3). P. 249-296.

Reference list

Batrakova L. G. Formirovanie klasterno-setevoy jekonomiki regionov = Formation of cluster-netshhork economy of regions // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2019. № 4 (5). S. 69-92.

Batrakova L. G. Osobennosti postindustrial'noj jekonomiki i perspektivy ee razvitiya v regionah Rossii = Features of the post-industrial economy and prospects for its development in the regions of Russia // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2021. № 1 (10). S. 58-69.

Batrakova L. G. Teorija statistiki = Theory of statistics: uchebnoe posobie dlja studentov. Moskva : Izdatel'stvo «KnoRus», 2009. 527 s.

Bednye i bogatye regiony Rossii. Poor and rich regions of Russia. URL: https://zen.jandeh.ru/media/geo_number_one/bednye-i-bogatye-regiony-rossii-6097955c7ffcba2d9e7ed60f. (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Bondarenko N. E. Problema regional'nogo neravenstva v social'no-jekonomicheskom razvitii Rossii = The problem of regional inequity in the socio-economic development of Russia / N. E. Bondarenko, R. V. Gubarev // Vestnik RJeU im. G. V. Plehanova. 2020. Tom 17. № 5 (113). S. 56-68.

Bredneva L. B. K voprosu ob izmenenii differenciacii regionov po urovnju jekonomicheskogo razvitiya = On the question of changing the differentiation of regions by level of economic development // Vestnik HGAIeP. 2015. № 1 (75). S. 19-23.

Valovoj regional'nyj produkt = Gross regional product URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts>. (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Zubarevich N. V. Social'no-jekonomicheskoe razvitie regionov: mify i realii vyravnivaniya = Socio-economic development of regions: myths and realities of equalization // Zhurnal «SPERO». 2008. №9. S. 7-22.

Izard U. Metody regional'nogo analiza: vvedenie v nauku o regionah = Regional analysis methods: introduction to regional science / Sokr. per. s angl. V. M. Gohmana [i dr.]. Moskva : Progress, 1966. 660 s.

Indeks Kejtca. Vikipedija = The Keitz Index. Shhikipedia. svobodnaja jenciklopedija. https://ru.shhikipedia.org/shhiki/Indeks_Kejtca. (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Kak Rossija pereezhaet. 2020 = Hoshh Russia is moving. 2020. URL: <https://shhshhshh.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/05/28/831421-rossija-pereezhaet>. (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Kuznecova O. V. Regional'nye issledovaniya v SShA = Regional studies in the United States : monografija / Irkutsk : Izdatel'stvo IGU, 2020. 363 s.

Kulikova E. I. Problema nivelirovaniya negativnogo vozdeystviya faktorov differenciacii na social'no-jekonomicheskiju sistemu regionov = The problem of leveling the negative impact of differentiation factors on the socio-economic system of regions // EVRAZIJSKOE NAUCHNOE OBOZRENIJE. 2015. T.2. № 5 (5). S. 106-109.

Malkina M. Ju. Issledovanie faktorov mezhregional'noj konvergencii/divergencii real'nyh dohodov «social'nogo blagopoluchija» regionov RF = Study of factors of interregional convergence/divergence of real incomes of the “social shell-being” in the regions of the Russian Federation // JoURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Voprosy regulirovanija jekonomiki). 2015. T. 6. №4. S. 111-119.

Nazvany neozhidannye svojstva jekonomicheskogo neravenstva v Rossii = The unexpected properties of economic inequality in Russia are named. URL: https://neshhs.rambler.ru/community/40310873/?utm_content=neshhs_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Novikov A. A. Regional'noe neravenstvo v social'no-jekonomicheskom razvitii Rossii = Regional inequality in the socio-economic development of Russia. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/48evn113.pdf>. (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 № 207-r (red. ot 23.03.2021) «Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» = Order of the Government of the Russian Federation dated 13.02.2019 No. 207-r (from 23.03.2021) “On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period until 2025”. URL: http://shhshhshh.consultant.ru/document/cons_doc_LAShh_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/. (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2020 = Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020 Stat. sb. / Rosstat. Moskva, 2020. 1242 s.

Sergeeva N. M. Analiz otraslevoj struktury VRP regionov Central'nogo federal'nogo okruga = Analysis of the industrial structure of GRP of the regions of the Central Federal District // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2019. Tom 20. № 3. S. 645-654.

Sibir i Dal'nij Vostok v HHI veke: scenarnye varianty budushhego = Siberia and the Far East in the HHI century: scenario options for the future : analit. dokl. / pod red. V. S. Efimova. Krasnojarsk : Sib. feder. un-t, 2018. 76 s.

Statisticheskoe obozrenie: zhurnal Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. 2020. № 2 (105) = Statistical reviews: Journal of the Federal State Statistics Service. 2020. № 2 (105). URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hDh382iS/Stob%202020-2\(105\)_rus.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hDh382iS/Stob%202020-2(105)_rus.pdf). (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Dinamika dohodov naselenija: bjulleten' o tekushhih tendencijah rossijskoj jekonomiki = Population income dynamics: bulletin on current trends in the Russian economy / Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. Vypusk №58, fevral' 2020.

Ukaz Prezidenta RF ot 16.01.2017 № 13 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» = Decree of the President of the Russian Federation dated 16.01.2017 No. 13 “On the Approval of the Fundamentals of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the Period until 2025”. URL: http://shhshhshh.consultant.ru/document/cons_doc_LAShh_210967/. (Data obrashhenija: 24.03.2021).

Batrakova L. G. THE COMPETITIVENESS OF THE REGION: METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RESEARCH // Journal of regional and international competitiveness. 2021. № 2 (3). S. 4-12.

Bussolo M., Dvalos M., Peragine V., Sundaram R. Toshihard a neshh social contract. Taking on distributional tensions in Europe and Central Asia. Europe and Central Asia studies. Shhashington, DC: Shhorld Bank, 2018.

Isserman A. M. The history, status, and future of regional science: An American perspective // International regional science revieshh. 1995. № 17 (3). P. 249-296.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021; одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 13.10.2021; approved after reviewing 01.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021.

Научная статья

УДК 331.5

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-85-96

**Развитие пространственно-экономической организации
хозяйствования в регионах России**

Ольга Александровна Булавко¹✉, Кристина Андреевна Ковенцева²

¹Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры ЭОСРП,
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара.

²Студента магистратуры ФГБОУ ВО «Самарский государственный
экономический университет», г. Самара.

¹vikigor163@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-9653-4220>

²kkovenceva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7831-8583>

Аннотация. В настоящее время развитие пространственно-экономической организации хозяйствования обусловлено появляющимися возможностями экономического роста регионов. Актуальность проведения эффективной кластерной политики связана главным образом с переходом экономики России к инновационному развитию.

Анализ основных экономических показателей развития России в 2021 году свидетельствует о переходе страны к экономическому росту, основанному на развитии территориальных кластеров, которые объединяют научные и образовательные учреждения, бизнес и органы власти. По данным Российской кластерной обсерватории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в настоящее время в России 26 инновационных территориальных кластеров, а также более 125 промышленных кластеров, в которых работает более 1 000 компаний с общим числом сотрудников свыше миллиона человек.

Вопросы развития кластерной политики государства рассмотрены в трудах А. В. Бабкина, Е. А. Голяшиной, Г. Р. Хасаева, В. В. Чекмарева и др., региональный аспект кластерной политики анализировали Л. Г. Батракова, Ю. Г. Лаврикова, Л. С. Мокина и др., вопросы совершенствования инвестиционного комплекса на основе развития региональных промышленных кластеров отражены в работах А. В. Заступова, К. А. Титовой и др. Целью многих исследований стала разработка механизма развития кластеров, в частности, на основе многоканальности инвестирования.

Важными проблемами развития кластерной политики в регионах являются: выявление факторов конкурентных преимуществ региональных

кластеров; повышение индексов промышленного производства как инструмента формирования эффективной кластерной политики; оценка эффективного развития кластеров; реализация в регионах модели «тройной спирали».

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, инструменты промышленной политики, инвестиционные предпочтения, кластерная структура инвестиций, промышленные кластеры

Для цитирования: Булавко О. А., Ковенцева К. А. Развитие пространственно-экономической организации хозяйствования в регионах России // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 85-96. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-85-96>

Original article

Development of spatial and economic organization of economic management in the regions of Russia

Olga A. Bulavko¹, **Kristina A. Koventseva²**

¹Doctor of economical sciences, associate professor, professor of the department of EOSRP, FSBEI HE “Samara State Economic University”, Samara.

²Student in the master's programme at the department of economics, organization and enterprise development strategy, FSBEI HE “Samara State Economic University”, Samara

¹vikigor163@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9653-4220>

²kkovenceva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7831-8583>

Abstract. Currently, the development of the spatial and economic organization of economic management is due to the emerging opportunities for economic growth of the regions. The relevance of effective cluster policy is mainly related to the transition of the Russian economy to innovative development.

An analysis of the main economic indicators of Russia's development in 2021 indicates the country's transition to economic growth, which is based on the development of territorial clusters that unite scientific and educational institutions, business, and authorities. According to the Russian Cluster Observatory of the National Research University “Higher School of Economics”, there are currently 26 innovative territorial clusters in Russia, as well as more than 125 industrial clusters, which employ more than 1000 companies with a total number of employees over a million people.

The development of the cluster policy of the state was discussed in the works of A. V. Babkin, E. A. Golyashina, G. R. Khasaev, V. V. Chekmarev and others, the regional aspect of the cluster policy was analyzed by L. G. Batrakov, Yu. G. Lavrikov, L. S. Mokin and others, the issues of improving the complex based on the development of regional industrial clusters are reflected The goal

of many studies was to develop a mechanism for cluster development, in particular on the basis of multichannel investment.

Important problems of cluster policy development in the regions are: identification of factors of competitive advantages of regional clusters; increasing industrial production indices as a tool for effective cluster policies; Evaluation of effective cluster development; implementation of the “triple spiral” model in the regions.

Keywords: cluster, cluster policy, industrial policy instruments, investment preferences, cluster structure of investments, industrial clusters

For citation: Bulavko O. A., Koventseva K. A. Development of spatial and economic organization of economic management in the regions of Russia // Социально-политические исследования. *Social and political researches*. 2021;4(13):85-96. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-85-96>

Введение

В XXI веке самой перспективной моделью пространственно-экономической организации хозяйствования считаются кластеры, к которым прикован повышенный интерес со стороны политиков, управленцев и бизнеса, а кластеризация экономики является необходимым условием для ее перехода к инновационной модели [Батракова, 2019а]. Успешное развитие кластеров способно повысить эффективность экономик регионов, а также увеличить их конкурентоспособность. Кластеры получили распространение в качестве инструментов модернизации экономического развития на региональном уровне.

Начало кластерной теории было положено в работах классика экономической мысли А. Маршалла. Основы современной теории кластерного развития экономики были заложены в конце XX в. в трудах американского экономиста

М. Ю. Портера, который писал, что «кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [Портер, 1993, с. 233]. В настоящее время кластерами называют сложные динамические системы сетевого типа. Портер отстаивал точку зрения, что кластеры не должны искусственно создаваться «сверху», а должна быть поддержка кластерных инициатив, формирующихся «снизу». О сравнительных конкурентных преимуществах территории он писал в работе «Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран» и разработал диаграмму «конкурентный ромб» для исследования конкурентных позиций [Портер, 1993а].

Технологические вызовы XXI столетия определяют основные

направления социально-экономического развития, которые связаны с переходом к ноономике [Чекмарев, 2021], а переход к ноономике на региональном уровне неизбежно выявит диспропорции, присущие рыночной экономике, приведет к отраслевому и региональному переливу капитала [Чекмарев Вл., Чекмарев В., 2015], что не может не отразиться на пространственно-экономической организации хозяйствования.

1. Развитие кластерной политики

Кластерная политика представляет собой комплекс государственных и социальных мер и механизмов по созданию и поддержке как действующих кластеров, так и кластерных инициатив. Кластерная политика направлена на эффективное развитие экономики регионов, повышение их конкурентоспособности, привлечение инвестиционных ресурсов [Бабкин, 2014].

В большинстве развитых стран мира большую роль в создании кластеров играет государство. Пионерами в осуществлении практики реализации кластерного подхода были США, в настоящий период успешно реализуются кластерные проекты в Финляндии, Швейцарии, Италии, Германии и др. развитых странах. В СССР активно развивался так называемый институт территориально-промышленных комплексов (ТПК), а самым известным был автомобильный кластер Сама-

ра-Тольятти, расположенный в Самарской области.

Кластерная политика в России начала формироваться с 2008 года, когда в законодательных документах были определены принципы и направления развития кластеров [Распоряжение ..., 2008], а Минэкономразвития России издало рекомендации для реализации региональной кластерной политики [Методические рекомендации ..., 2008]. Формирование кластеров, ориентированных на высокотехнологичные производства, стало одним из главных условий модернизации экономики российских регионов.

В 2012 году Минэкономразвития России приняло первую программу поддержки пилотных инновационных территориальных кластеров. Кластеры были сформированы в 28 регионах страны [Голов]. Стоит отметить, что большое количество кластеров в России было сформировано по инициативе «сверху», а не «снизу», что позволяет сделать вывод о том, что опыт кластерных инициатив достаточно мал, имеется низкая заинтересованность предприятий в образовании кластеров [Голяшина, 2015].

В настоящее время в субъектах Российской Федерации разрабатывают Концепции кластерной политики и включают формирование и развитие кластеров в стратегические разделы программ [Кудряшов, 2017]. К регионам, успешно реализующим национальную кластерную политику и сформировавшим в

стране опорную сеть кластеров, можно отнести такие промышленно развитые регионы страны как Самарская, Калужская, Томская области, Республика Татарстан, Пермский край и др. В этих регионах развитие кластеров рассматривается в качестве основы промышленной политики.

Назовем такие известные кластеры в России как биофармацевтический кластер Новосибирской области, нефтехимический территориальный кластер в Башкортостане, кластер по производству автомобилей и автокомпонентов в Калуге. На их примере стало возможным дальнейшее распространение новых пространственно-экономических организаций хозяйствования [Лаврикова, 2008]. В «Стратегии развития Москвы на период до 2025 года» рассматриваются варианты использования кластерных принципов в систему управления региональным развитием.

В инновационной модели развития экономики кластеры становятся перспективной формой кооперации науки, бизнеса и промышленности. Наиболее полная характеристика кластерных образований представлена в статье Л. Г. Батраковой «Формирование кластерно-сетевой экономики регионов» [Батракова, 2019], в которой отмечено, что кластерная политика в регионах должна осуществляться на основе моде-

ли тройной спирали, представляющей собой матрицу сетевых взаимодействий [Батракова, 2020]. В этой связи нельзя не отметить успешное развитие научно-технологического комплекса и инновационного центра «Сколково», который обеспечивает особые условия для компаний, работающих в приоритетных отраслях, таких как информационные технологии, телекоммуникации, медицинская техника и др.

Обычно кластерная политика рассматривается вместе с политикой развития промышленности. Действительно, в основу промышленной политики положена инвестиционная направленность, и в ней объединяются инвестиции и экономический рост. Кроме того, как основа экономического развития регионов, промышленность в основном имеет кластерную структуру [Кластер как ... , 2004]. Однако преимуществом кластерной политики, является то, что кластеры осуществляют межотраслевое взаимодействие.

Экономика России последние годы находится в непростой ситуации: снижение основных экономических показателей, стагнация, рецессия и др. Ретроспективный и перспективный прогноз среднегодовых темпов прироста ВВП по данным Минфина России представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Среднегодовые темпы прироста ВВП, в %

Страны	Годы			
	2011-2016	2017-2020	2021-2030	2031-2035
Россия	1,1	2,5	3,5	4,0
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	5,1	4,8	4,6	4,3

Примечание: таблица составлена авторами по прогнозам Минфина России

Одним из методов выявления кластеров является метод коэффициентного анализа. В кластерной теории рассчитывают различные показатели локализации, отражающие степень концентрации предприятий и организаций, занятых в определенных секторах экономики региона. Среди них следует выделить: коэффициенты локализации, индекс специализации производства, индекс индустриализации. К основным показателям эффективности деятельности кластера относят: рост производительности труда, увеличение объема инвестиционных поступлений и объема экспорта продукции и др.

2. Анализ кластерной политики в регионах на примере Самарской области

Самарская область является одним из крупнейших инновацион-

ных центров России. С 2017 года она поднялась на 43 позиции, заняв 22 место в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата. Правительство Самарской области постоянно использует меры по улучшению инвестиционного климата в регионе, что способствует росту инвестиционной активности.

Самарская область представлена большим количеством промышленных кластеров, потребности которых лишь частично удовлетворены отечественными поставщиками товаров, работ и услуг. Краткая сравнительная характеристика существующих промышленных кластеров и их роль в экономике региона представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Роль промышленных кластеров в экономике региона

Наименование кластера	Роль кластера в экономике региона
Инновационный территориальный аэрокосмический кластер	Совокупная численность персонала предприятий кластера составляет 42-45 тыс. чел.
Кластер автомобильной промышленности	Производит более 14 % ВРП региона, на предприятиях-участниках занято около 10 % от общего числа занятых в экономике региона (более 50 тыс. человек)
Кластер информационных технологий	Привлечено к работе свыше 3 тыс. высококвалифицированных специалистов
Инновационный территориальный кластер медицинских и фармацевтических технологий	Повышает конкурентоспособность экономики Самарской области. Идет реконструкция и строительство новых предприятий
Нефтехимический кластер	Наличие квалифицированных кадров, возможность строительства новых предприятий, логистическая инфраструктура

К наиболее развитым промышленным кластерам Самарской области можно отнести: инновационный территориальный аэрокосмический кластер, динамика целевых индикаторов которого показана в таблице 3, а также кластер автомо-

бильной промышленности, который является одним из крупнейших машиностроительных кластеров в России, так как в его состав входят 66 предприятий, главными из которых являются ПАО «АВТОВАЗ» и ЗАО «Джи Эм-АВТОВАЗ».

Таблица 3.

Динамика целевых индикаторов развития

аэрокосмического кластера Самарской области [Мокина, 2018]

Показатели	Годы				
	2016	2017	2018	2019	2020
Количество предприятий-участников кластера, ед.	65	70	75	100	130
Количество рабочих мест, сформированных в результате модернизации кластера, тыс. мест	6,6	9,5	12	17	21
Число работников предприятий кластера, прошедших профессиональную переподготовку и повышение квалификации, тыс. человек	2,9	3,1	3,3	3,8	4,4
Объем отгруженной инновационной продукции (инновационных работ и услуг), млн руб.	13668	14202	14850	15660	16200
Общий объем инвестиций в кластер, млн руб.	7234	8267	9573	15000	28900

Для оценки экономического эффекта деятельности кластера, как правило, применяется динамический подход, сравнивают показатели до и после образования кластера. Кроме

того, анализируется кластерная структура инвестиций, динамика которой на примере Самарской области представлена в таблице 3.

Таблица 3.
Кластерная структура инвестиций Самарской области, в %

Структура инвестиций	Годы		
	2018	2019	2020
Инвестиции, всего	100,0	100,0	100,0
в том числе:			
в промышленность	44,0	44,3	45,6
Электроэнергетика	5,3	3,3	3,0
Топливная	9,3	9,72	10,6
Нефтедобывающая	5,9	3,5	5,1
Нефтеперерабатывающая	3,4	5,0	5,3
Газовая	0,01	0,03	0,04
Черная металлургия	0,0	0,0	0,02
Цветная металлургия	0,1	1,5	2,0
Химическая и нефтехимическая	2,3	4,5	5,3
Машиностроение	20,8	25,0	20,4
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	0,0	0,0	0,02
Строительных материалов	0,6	0,35	0,3
Легкая	0,0	0,0	0,01
Пищевая	8,2	2,8	2,31

Примечание: таблица составлена авторами

В конкурентной борьбе за инвесторов Самарская область выигрывает своим географическим положением и уникальной транспортной инфраструктурой. Большие возможности для инвесторов созданы в городах Тольятти и Чапаевске, так как они имеют статус территорий опережающего социально-экономического развития.

Несмотря на пандемию, в 2020 году по сравнению с 2019 годом в Самарской области объем отгрузки промышленной продукции увели-

чился более чем на 9 %, индекс промышленного производства составил 101,6 %, при этом рост характерен и для предприятий обрабатывающих отраслей [Карта кластеров ...]. Существенная доля поставляемой продукции для дальнейшего использования на промышленных предприятиях Самарской области импортируется в силу неконкурентоспособности по отдельным параметрам [Методические рекомендации ... , 2008]. При достижении оптимальных объемов производств у действующих

предприятий промышленного сектора прогнозируется рост выручки к 2022 году на 3-7 % в год [Заступов, 2017].

Использование на практике модели «тройной спирали» может увеличить долю ВРП в ВВП страны, повысить темпы экономического роста и, как результат, поднять рейтинг Самарской области по инвестиционной привлекательности.

Заключение

Эффективная кластерная политика невозможна без сотрудничества с образовательными и научно-исследовательскими организациями, а также с бизнесом. Общими проблемами, сдерживающими раз-

витие кластеров в регионах, являются: недостаточное бюджетное финансирование, незначительный объем инвестиционных ресурсов, имеющиеся риски и др.

Результаты исследования показали, что развитие кластерной политики является важным направлением для роста экономики в регионах. Формирование новой пространственно-экономической организации хозяйствования в регионах может обеспечить высокий уровень конкурентоспособности, а сотрудничество с научными организациями и бизнес-сообществами приведет к синергетическому эффекту.

Библиографический список

- Бабкин А. В. Интегрированные промышленные структуры как экономический субъект рынка: сущность, принципы, классификация // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». 2014. № 4. С. 7-23.
- Батракова Л. Г. Формирование кластерно-сетевой экономики регионов // Социально-политические исследования. 2019. № 4 (5). С. 69-92.
- Батракова Л. Г. Инновационное развитие регионов России по модели «тройной спирали» // Социально-политические исследования. 2020. № 3 (8). С. 67-80.
- Голов Р. Локализация становится инструментом формирования кластерной политики. URL: <https://rg.ru/2017/07/07/kak-formiruetsia-i-realizuetsia-klasternaia-politika.html>. (Дата обращения: 24.09.2021).
- Голяшина Е. А. Особенности реализации кластерной политики в России / Е. А. Голяшина, А. В. Подпругин // Science Time. 2015. № 1 (13). С. 97-100.
- Заступов А. В. Кластерный подход в инновационно-инвестиционном развитии предприятий промышленности / А. В. Заступов, О. А. Булавко // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 7 (153). С. 30-37.
- Карта кластеров России. URL: <https://map.cluster.hse.ru/list>. (Дата обращения: 25.09.2021).
- Кудряшов В. С. Государственная кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности субъектов РФ / В. С. Кудряшов, А. А. Соколов // Управленческое консультирование. № 11. 2017. С. 53-60.
- Лаврикова Ю. Г. Концептуальные основы и практика реализации кластерного подхода в регионах России // Региональная экономика: теория и практика. 2008. №22. С. 21-31.

Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации: утверждены Минэкономразвития России 26.12.2008 No 20 615-ак/д19. URL: http://www.economy.samregion.ru/klaster_rossia/npa_klaster_ros/metod_klaster. (Дата обращения: 24.09.2021).

Мокина Л.С. Инновационный кластер Самарской области // Российское предпринимательство. 2018. Том 19. № 8. С. 2311-2322.

Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / под ред. В. Д. Щетинина. Москва : Международные отношения, 1993. 896 с.

Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года долгосрочного социально-экономического развития» (ред. от 28.09.2018 N 1151). URL: <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99NEcyugytfmGzrnAX.pdf>. (Дата обращения: 24.09.2021).

Рисин И. Е. Региональная кластерная политика: содержание и механизм реализации : монография. Воронеж : ВГПУ, 2014. 112 с.

Хасаев Г. Р. Кластер как современный инструмент повышения конкурентоспособности региона. Через партнерство-к будущему. Часть 2 / Г. Р. Хасаев, Ю. В. Михеев, М. И. Уманский // Компас промышленной реструктуризации. 2004. № 1. С. 20-25.

Чекмарев Вл. В., Чекмарев В. В. Новая политическая экономия в контексте ожиданий реализации прогностической функции экономической науки / Вл. В. Чекмарев, В. В. Чекмарев // Вопросы политической экономии. 2015. №3. С. 20-30.

Chekmarev V. V., Bulavko O. A. Changes in the content of labor and their social consequences: Discussion issues. In: Ashmarina S.I., Mantulenko V.V. (eds.) Digital economy and the new labor market: jobs, competences and innovative HR technologies. IPM 2020. Lecture notes in networks and systems, vol. 161, pp. 85-91. Springer, Cham, 2021.

Reference list

Babkin A. V. Integrirovannye promyshlennye struktury kak jekonomicheskij sub#ekt rynka: sushhnost', principy, klassifikacija = Integrated industrial structures as an economic subject of the market: essence, principles, classification // Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija «Jekonomika». 2014. № 4. S. 7-23.

Batrakova L. G. Formirovanie klasterno-setevoj jekonomiki regionov = Formation of cluster-network economy of regions // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. № 4 (5). S. 69-92.

Batrakova L. G. Innovacionnoe razvitie regionov Rossii po modeli «trojnoj spirali» = Innovative development of Russian regions according to the “triple spiral” model // Social'no-politicheskie issledovanija. 2020. № 3 (8). S. 67-80.

Golov R. Lokalizacija stanovitsja instrumentom formirovanija klasternoj politiki = Localization becomes a cluster policy tool URL: <https://rg.ru/2017/07/07/kak-formiruetsia-i-realizuetsia-klasternaia-politika.html>. (Data obrashhenija: 24.09.2021).

Goljashina E. A. Osobennosti realizacii klasternoj politiki v Rossii = Features of cluster policy implementation in Russia / E. A. Goljashina, A. V. Podprugin // Science Time. 2015. № 1 (13). S. 97-100.

Zastupov A. V. Klasternyj podhod v innovacionno-investicionnom razvitii predpriyatij promyshlennosti = Cluster approach in innovation and investment development of industrial enterprises / A. V. Zastupov, O. A. Bulavko // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2017. № 7 (153). S. 30-37.

Karta klasterov Rossii = Map of clusters in Russia URL: <https://map.cluster.hse.ru/list>. (Data obrashhenija: 25.09.2021).

Kudrjashov V. S. Gosudarstvennaja klasternaja politika kak instrument povyshenija konkurentosposobnosti sub#ektov RF = State cluster policy as a tool to increase the competitiveness of the constituent entities of the Russian Federation / V. S. Kudrjashov, A. A. Sokolov // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. № 11. 2017. S. 53-60.

Lavrikova Ju. G. Konceptual'nye osnovy i praktika realizacii klasternogo podhoda v regionah Rossii = Conceptual framework and practice of cluster approach implementation in Russian regions // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2008. №22. S. 21-31.

Metodicheskie rekomendacii po realizacii klasternoj politiki v sub#ektah Rossijskoj Federacii: utverzhdeny Minjekonomrazvitiya Rossii 26.12.2008 No 20 615-ak/d19 = Methodological recommendations for the implementation of cluster policy in the constituent entities of the Russian Federation: approved by the Ministry of Economic Development of Russia 26.12.2008 No. 20 615-ak/d19. URL: http://www.economy.samregion.ru/klaster_rossia/npa_klaster_ros/metod_klaster. (Data obrashhenija: 24.09.2021).

Mokina L. S. Innovacionnyj klaster Samarskoj oblasti = Innovation cluster of the Samara region // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2018. Tom 19. № 8. S. 2311-2322.

Porter M. Mezhdunarodnaja konkurencija. Konkurentnye preimushhestva stran = International competition. Competitive advantages of countries / pod red. V. D. Shhetinina. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1993. 896 s.

Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17 nojabrja 2008 g. № 1662-r «Konceptcija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya» (red. ot 28.09.2018 N 1151) = The order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r “The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation until 2020 of long-term social and economic development” (an edition of 28.09.2018 N 1151). URL: <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrygtfmGzrnAX.pdf>/ (Data obrashhenija: 24.09.2021).

Risin I. E. Regional'naja klasternaja politika: sodержanie i mehanizm realizacii = Regional cluster policy: content and implementation mechanism : monografija. Voronezh : VGPU, 2014. 112 s.

Hasaev G. R. Klaster kak sovremennij instrument povyshenija konkurentosposobnosti regiona. Cherez partnerstvo-k budushhemu. Chast' 2 = Cluster as a modern tool to increase the competitiveness of the region. Through partnership-to-the-future. Part 2/ G. R. Hasaev, Ju. V. Miheev, M. I. Umanskij // Kompas promyshlennoj restrukturalizacii. 2004. № 1. S. 20-25.

Chekmarev V. I. Novaja politicheskaja jekonomija v kontekste ozhidaniy realizacii prognosticheskoi funkcii jekonomicheskoi nauki = New political savings in the context of expectations implementing the predictive function of economic science / V. I. Chekmarev, V. V. Chekmarev // Voprosy politicheskoi jekonomii. 2015. №3. S. 20-30.

Chekmarev V. V., Bulavko O. A. Changes in the content of labor and their social consequences: Discussion issues. In: Ashmarina S.I., Mantulenko V.V. (eds.) Digital economy and the new labor market: jobs, competences and innovative HR technologies. IPM 2020. Lecture notes in networks and systems, vol. 161, pp. 85-91. Springer, Cham, 2021.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 24.10.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021

Научная статья

УДК 332.14

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-97-109

Современный маркетинг региона: цели, инструменты, организация

Елена Григорьевна Патрушева^{1✉}, Анна Владимировна Райхлина²

¹Доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства экономического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль.

²Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Ярославский филиал), г. Ярославль.

¹patr5@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2454-8671>

²avrajkhлина@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0057-0671>

Аннотация. В статье обсуждается востребованная в современных условиях роль регионального маркетинга в обеспечении экономического развития территории и укрепления ее конкурентных позиций на внутреннем и внешнем рынках. Подчеркивается, что отечественных исследований в этой области крайне недостаточно; нет единого понимания сути регионального маркетинга, они отражают разрозненные, отдельные его положения. Практика организации регионального маркетинга в части создания определенных структур управления и наделения их определенными функциями существенно отличается. Каждый субъект РФ при отсутствии общих методических рекомендаций, регламентов, положений, инструкций выстраивает собственный опыт либо использует позитивные практики других регионов. В связи с этим актуализирована задача содержательного и методического обеспечения деятельности региональных структур, осуществляющих региональный маркетинг. На основе критического обсуждения трактовок регионального маркетинга и его содержания различными исследователями предложено авторское его определение с точки зрения цели, объединяющей интересы территории и ее жителей. В качестве основных составляющих регионального маркетинга выделены формирование благоприятного имиджа региона и повышение его территориальной и инвестиционной привлекательности, а также продвижение инвестиционных проектов и созданных в регионе продуктов и услуг. Выделены основные направления, специфика содержания «4Р» и сформулированы задачи регионального маркетинга. Процесс решения названных задач обсуждается на примере Корпорации

развития Ярославского региона. Пристальное внимание уделено одной из них – продвижению инвестиционных проектов, в которой выделено три направления: расширение спектра проектов; продвижение региона, как перспективной территории для реализации этих проектов; развитие сферы ГЧП-проектов. Раскрыты необходимые организационные усилия по совершенствованию исполнения задач в этих направлениях. Использование полученных результатов органами региональной власти поможет систематизировать, методически наполнить и усовершенствовать деятельность в обсуждаемой сфере.

Ключевые слова: региональный маркетинг, содержание, цели, задачи регионального маркетинга, продвижение инвестиционных проектов

Для цитирования: Патрушева Е. Г., Райхлина А. В. Современный маркетинг региона: цели, инструменты, организация // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 97-109. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-97-109>

Original article

Modern marketing of the region: goals, tools, organization

Elena G. Patrusheva^{1✉}, Anna V. Rajkhлина²

¹Doctor of economical sciences, professor of the department of management and entrepreneurship, the faculty of economics, FSBEI HE “Yaroslavl State University named after P. G. Demidov”, Yaroslavl.

²Candidate of economic sciences, associate professor of the department of state and municipal administration and media communication, FSBEI HE “Financial University under the Government of the Russian Federation” (Yaroslavl office), Yaroslavl.

¹patr5@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2454-8671>

²avrajkhлина@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0057-0671>

Abstract. The article discusses the role of regional marketing, which is in demand in modern conditions, in ensuring the economic development of a territory and strengthening its competitive positions in the domestic and foreign markets. It is emphasized that domestic research in this area is extremely insufficient. They do not have a common understanding of the essence of regional marketing, they reflect its scattered, separate provisions. The practice of organizing regional marketing in terms of creating certain management structures and endowing them with certain functions is significantly different. Each constituent entity of the Russian Federation, in the absence of general guidelines, regulations, provisions, instructions, builds its own experience or uses the positive practices of other regions. In this regard, the task of substantive and methodological support of the activities of regional structures carrying out regional marketing has been updated. On the basis of a critical discussion of the interpretations of regional marketing and its content, various researchers proposed its author's definition from the point of view of the goal

uniting the interests of the territory and its inhabitants. The main components of regional marketing are the formation of a favorable image of the region and increasing its territorial and investment attractiveness, as well as the promotion of investment projects and products and services created in the region. The main directions, the specifics of the “4P” content are highlighted and the tasks of regional marketing are formulated. The process of solving these problems is discussed on the example of the Corporation for the Development of the Yaroslavl Region. Close attention is paid to one of them – the promotion of investment projects, in which three areas are highlighted: expanding the range of projects; promotion of the region as a promising territory for the implementation of these projects; development of the sphere of PPP projects. The necessary organizational efforts to improve the performance of tasks in these areas are disclosed. The use of the results obtained by regional authorities will help to systematize, methodically fill and improve activities in the area under discussion.

Keywords: regional marketing, content, goals, objectives of regional marketing, promotion of investment projects

For citation: Patrusheva E. G., Rajkhлина A. V. Modern marketing of the region: goals, tools, organization. *Social and political researches*. 2021;4(13): 97-109. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-97-109>

Введение

Маркетинг региона занимает все более значимое место в государственном управлении. Деятельность региональных структур в данном направлении осуществляется в контексте общенациональной стратегии развития на фоне все более возрастающей конкуренции территорий. В стратегии усиления конкурентных преимуществ региона применение маркетинговых концепций становится важным фактором повышения конкурентоспособности субъекта РФ и увеличения его доли в региональном и международном рынке [Блинов, 2012].

В настоящее время большинство субъектов Российской Федерации активизируют маркетинговую дея-

тельность и увеличивают на нее расходы, однако необходимых теоретических и практических разработок, рекомендаций, систематизирующих и позволяющих выстраивать эффективную систему регионального маркетинга до сих пор не создано. Отечественных исследований в этой области крайне недостаточно, они отражают разрозненные, отдельные положения регионального маркетинга. Понимание сути, методов и инструментов организации деятельности в данной сфере является необходимым условием ее успешного осуществления. Именно эта проблема обсуждается в данной статье.

Детерминация маркетинга региона

Прежде всего, необходимо отметить терминологическую эклектику в определении понятия «маркетинг региона». В ряде исследований авторы оперируют различными категориями, такими как «территориальный маркетинг», «региональный маркетинг», «маркетинг региона», «маркетинг территории», «маркетинг места». Используя различную терминологию, они, по сути, говорят об одном – маркетинге, который осуществляется в контексте территориального управления. Представляется, что следует рассматривать понятие «территориальный маркетинг» как общее, а «региональный маркетинг» или «маркетинг региона» – как более частное, то есть как маркетинг, осуществляемый в рамках управления регионом. При этом понятия «региональный маркетинг» и «маркетинг региона» нами идентифицируются как равнозначные.

Одними из первых отечественных авторов, которые в 1994 г. ввели в научный оборот термин «региональный маркетинг», были А. М. Лавров и В. С. Сурнин [Лавров, 1994]. Они определили его как спроецированный не на микроуровень, а на мезоуровень элемент системы рыночных отношений, в рамках которого выполняются изучение состояния рынка, спроса и цен на продукцию региона. При этом товаром выступает продукция местных производителей, а сама территория не рассматривается в качестве товара.

По определению В. И. Бутова, «региональный маркетинг – это определенный образ мышления и действий руководителей регионального уровня, новая деловая философия активной предпринимательской деятельности в регионе, в основе которой – стремление удовлетворить выявленные потребности конкретных людей, групп потребителей, предприятий, как в данном регионе, так и за его пределами (действие на избранных рынках) в соответствующих товарах – готовой продукции, технологии, услугах, информации и т. д.» [Бутова, 2000, с. 34].

А. Л. Гапоненко определяет региональный маркетинг как систему мер по привлечению в регион новых экономических агентов, способствующих процветанию региона в целом [Гапоненко, 2001]. Такое определение отражает маркетинговый подход к целям и задачам развития региона, однако в нем присутствует направленность не в ущерб интересам резидентов, что не отвечает современной трактовке самой концепции маркетинга.

А. П. Панкрухин рассматривает регион как территорию, в первую очередь производящую и продвигающую свои продукты и услуги на внутреннем и внешнем рынках, и предлагает следующее определение: «территориальный маркетинг – это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована

территория» [Панкрухин, 2006, с. 200]. Такой подход представляется нам гораздо более маркетинговым, чем подход, который фактически концентрирует внимание региона исключительно на самом себе, представляющий регион как производителя, ориентированного на потребителей, на развитие спроса в отношении реальных ресурсов и потенциала территории.

Дискуссия по вопросу содержания регионального маркетинга

Раскрытие содержания регионального маркетинга у зарубежных авторов также отличается. Так, Котлер Ф. и его коллеги полагают, что маркетинг территории (place marketing) «обеспечивает всесторонний подход к решению проблем территории, так что в содержании этого подхода продвижение территории – это только малая часть» [Котлер, 2008, с. 100].

В современных зарубежных исследованиях отмечается, что маркетинг региона является более сложным объектом, чем маркетинг продукта или брендинг [Boisen, Terlouw, 2011; Place Marketing ..., 2016; Eshuis, 2013]. Специалисты подчеркивают, что эта деятельность сегодня усложняется, требует учета мнений всех заинтересованных сторон и применения различного инструментария [Govers, 2011; Halme, 2017; Niedomysl, 2012; Warnaby, 2013].

В отечественной науке при общих позитивных оценках роли маркетинга для развития территории сохраняется разрозненность определений, отмеченная выше. Кроме вариативности подходов к самому понятию, характеризуется применение технологий маркетинга в различных субъектах Российской Федерации [Разорвин, 2012]. Исследователи анализируют специфику территориального маркетинга на местном уровне, в городских и сельских муниципальных образованиях [Мальцева, 2020]. Имеет место многообразие формулируемых перед региональным маркетингом задач: от создания информационных событийных поводов [Богданова, 2017] до капитализации ресурсов региона [Региональный маркетинг ..., 2021]. Однако всех исследователей объединяет мысль о том, что субъектом регионального маркетинга выступают органы управления территорией [Дурова, 2016].

Особенности современного маркетинга региона

Обзор источников позволяет сделать вывод о многоэлементном характере современного регионального маркетинга. Его суть можно сформулировать следующим образом: *региональный маркетинг (маркетинг региона) – это комплексная маркетинговая деятельность, системно осуществляемая в рамках регионального управления, нацеленная на улучшение со-*

циально-экономических показателей развития территории посредством следующих составляющих:

а) формирования благоприятного имиджа региона и повышения его территориальной и инвестиционной привлекательности;

б) продвижения инвестиционных проектов и созданных в регионе продуктов и услуг.

Как видно из определения, значительное место в содержании регионального маркетинга нами отведено инвестиционной составляющей. Однако его нельзя полностью отождествлять с более узкой трактовкой «инвестиционный маркетинг территории», встречающейся в научной литературе [Романишина, 2020]. Действительно, региональный маркетинг играет важную роль в осуществлении стратегии развития регионов. Поставленные цели требуют привлечения большего потока внешних и внутренних инвестиций, что предопределяет акцент в целевой устремленности регионального маркетинга на инвестиционную привлекательность и продвижение проектов. Однако ключевой целью современного маркетинга региона остается раскрытие экономического потенциала территории для повышения уровня социально-экономического развития.

Функциями регионального маркетинга в контексте инвестицион-

ной направленности, как нам видится, выступают:

1. Продвижение региональных инвестиционных проектов с целью увеличения объема привлекаемых инвестиций и реализации новых инвестиционных инициатив;

2. Формирование имиджа региона, как территории, благоприятной для инвесторов;

3. Коммуникационное сопровождение распределения и сбыта производимых в регионе товаров и услуг;

4. Поддержка сфер бизнеса, обеспечивающих пополнение регионального бюджета за счет привлечения средств из других регионов страны и из-за рубежа (туризм, транспорт и т. п.);

5. Проведение кампаний по продвижению региональных проектов поддержки малого и среднего предпринимательства (ТОСЭР, индустриальные парки, производственные площадки и др.).

Цели и инструменты современного маркетинга региона

Инвестиционная составляющая регионального маркетинга требует совершенствования его методологии и инструментария. Прежде всего, речь идет о реализации комплекса маркетинга «4Р» (см. табл. 1).

Таблица 1.

Комплекс современного маркетинга региона

Элемент	Характеристика
Продукт (Product) или характерные для региона ресурсы	Это сложная структура, которую условно можно декомпозировать на три элемента: комплекс ресурсов, качество жизни населения, а также уровень осуществления органами власти управленческих функций [Сачук, 2005]. Региональный маркетинг выявляет и частично создает уникальные свойства региона как товара для разных видов потребителей: предпринимателей – близость рынков сбыта, квалификация рабочей силы, инфраструктура; туристов – климат, достопримечательности; инвесторов – условия реализации проектов, наличие региональных инвестиционных инициатив, прозрачность мер поддержки бизнеса
Место (Place) продажи или распределение	Данный элемент обеспечивается системой распределения [Амблер, 2015]. В рамках регионального маркетинга они могут характеризоваться как всевозможная деятельность субъектов маркетинга, благодаря которой продукт территории становится доступным для целевых потребителей. Региональные и местные органы власти играют основную роль в этом процессе не только в силу своих полномочий, но и потому, что владеют наиболее полной и достоверной информацией, позволяющей объединять усилия всего населения для достижения необходимой цели
Цена (Price) продукта региона	Этот элемент складывается в зависимости от конкретного товара, услуги или проекта, реализуемого регионом. Например, в стандартный набор возможных расходов, связанных с инвестиционным проектом, входят: транспортные расходы; время и усилия, использованные «покупателем» для получения полного пакета необходимой и дополнительной информации; обязательные капитальные затраты – стоимость проекта в части стройматериалов и оборудования; подготовка площадки, строительство и т. д.
Продвижение товаров (Promotion)	Данный элемент включает в себя совокупность действий, направленных на продвижение положительной информации о регионе с целью создания, как во внутренней, так и внешней среде благоприятного отношения к региону, выпускаемой на его территории продукции и региональным условиям ведения бизнеса. При этом большое внимание отводится созданию благоприятного инвестиционного климата. Программа продвижения региона представляет собой систему действий, которые выявляют и поддерживают конкурентные преимущества региона, способные сохраняться в долгосрочном периоде

Источник: составлено авторами

Таким образом, в изложенной трактовке при реализации комплекса «4Р» маркетинга региона складывается единый интегрированный

план развития территории, который определяет позиционирование, то есть выбор регионом наилучшего товара (проекта) и способа его представления на рынке/сегменте по отношению к конкурентам и в сознании потребителя. При этом все элементы комплекса «4Р» маркетинга региона должны быть скоординированы и подвергаться постоянному процессу совершенствования.

На качество регионального маркетинга оказывают влияние все заинтересованные стороны – региональные институты развития, органы законодательной и исполнительной власти, бюджетные организации, при участии промышленных, торговых, финансово-кредитных предприятий. Кроме того, в сферу маркетинга региона попадают органы и предприятия, взаимодействующие и оказывающие на него влияние, но не находящиеся на данной территории. Кроме того, масштабным и единичным стейкхолдером выступает население региона.

Организация регионального маркетинга

Практика организации регионального маркетинга в части создания определенных структур управле-

ния и наделения их определенными функциями существенно отличается. Каждый субъект РФ при отсутствии общих методических рекомендаций, регламентов, положений, инструкций, выстраивает собственный опыт либо использует позитивные практики других регионов.

В Ярославской области ответственным органом за реализацию инвестиционной составляющей регионального маркетинга является АО «Корпорация развития Ярославской области» – региональный институт развития, целью которого является сопровождение инвесторов в режиме «одного окна» и привлечение инвестиций в регион.

Изучая деятельность корпорации, мы сделали вывод о том, что проводимые мероприятия отличает несистемность и тактический характер.

Для комплексного и эффективного развития региона в части продвижения региональных инвестиционных проектов нами предлагается выделить три основные направления этой деятельности, которые будут отдельно планироваться, финансироваться и иметь определенную зону ответственности за выполнение (см. рис. 1).

Рис. 1. Содержание инвестиционного направления регионального маркетинга.

Источник: составлено авторами

Рассмотрим блоки несколько подробнее:

1. Расширение спектра инвестиционных проектов.

Традиционным направлением деятельности является помощь в разработке достаточно крупных предпринимательских проектов, имеющих региональное значение, а также в поиске инвесторов либо обеспечении государственной помощи. При этом акцент здесь предлагается делать на привлечение к участию предприятий малого и среднего бизнеса, на международную кооперацию промышленных предприятий региона для реализации совместных

проектов, организацию совместных предприятий, внедрение зарубежных передовых технологий в российское производство.

2. Продвижение региона, как перспективной территории для реализации проектов.

В этом направлении должны быть задействованы актуальные средства информации, состав которых необходимо регулярно модернизировать. Осуществлять продвижение региона посредством участия в инвестиционных форумах, выставках, конкурсах. Важной задачей следует рассматривать формирование представительств региона за рубежом.

3. Развитие сферы ГЧП проектов.

Деятельность в этом направлении выделена отдельной позицией в силу важности и недостаточной развитости такого сотрудничества. Необходимо осуществлять посредничество между предпринимательским сообществом и регионом в части определения важных для региона и выгодных для обеих сторон совместных проектов, выполнение их экономического обоснования и методического обеспечения.

Заключение

Значение маркетинга региона в современных условиях трудно переоценить. Однако и в научной литературе, и в практике регионального управления сохраняется мно-

гообразие подходов и к трактовке его определения, и к содержанию.

В исследовании предложено авторское определение регионального маркетинга, в котором особое внимание уделяется инвестиционной составляющей. С этих позиций раскрыты элементы комплекса маркетинга. Сформулированы основные направления организации работы по реализации инвестиционной составляющей маркетинга региона и мероприятия, необходимые для проведения по каждому из них.

Разработанные положения по формированию целей, инструментов и организации маркетинга регионов могут способствовать совершенствованию деятельности соответствующих региональных структур.

Библиографический список

- Анохин Е. В. Региональный маркетинг: теория и практика // Экономический анализ: теория и практика. 2013. №8 (311). С. 55-68.
- Амблер Т. Практический маркетинг. Санкт-Петербург : Питер, 2015. 400 с.
- Блинов А. В. Территориальный маркетинг и управление развитием муниципального образования. Москва : Форум, 2012. 265 с.
- Богданова Л. П. Событийный маркетинг как инструмент продвижения территории / Л. П. Богданова, Е. Ю. Пигарева // Региональные исследования. 2017. №2 (56). С. 93-100.
- Бутов В. И. Основы региональной экономики / В. И. Бутов, В. Г. Игнатов, Н. П. Кетова. Москва, Ростов-на-Дону : Изд-во MapT, 2000. 170 с.
- Гапопенко А. Л. Стратегия социально-экономического развития: страна, регион, город. Москва : Изд-во РАГС, 2001. 187 с.
- Дурова А. В. Маркетинг территории в системе государственного и муниципального управления // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. №4 (60). С. 268-275.
- Котлер Ф. Маркетинг для государственных и общественных организаций / пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 485 с.
- Лавров А. М. Формирование рыночной экономики: региональный аспект. Ч.2 Региональный маркетинг и тенденции его развития. Кемерово : Кузбасвузиздат, 1994. 164 с.

Мальцева Е. А. Городской маркетинг как вектор развития территории // Экономика и социум. 2020. №8 (75). С. 328-243.

Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 365 с.

Разорвин И. В. Особенности маркетинговых технологий территории / И. В. Разорвин, Е. С. Куликова // Аграрный вестник Урала. 2012. №3. С. 81-82.

Романишина Т. С. Инвестиционный маркетинг в развитии территории // Финансовые исследования. 2020. №3 (68). С. 109-115.

Сачук Т. К вопросу о сущности понятия «территориальный продукт». Москва : Издательство РАГС, 2005. 141 с.

Шендо М. В. Региональный маркетинг как инструмент капитализации ресурсов территории / М. В. Шендо, Е. В. Свиридова, С. О. Гордиенко // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021. №3. С. 109-115.

Atorough P. & Martin A. The politics of destination marketing: Assessing stakeholder interaction choice orientations toward a DMO formation, using the Thomas-Kilmann conflict mode instrument // Journal of Place management and development. 2012. 5(1). 35-55.

Boisen M., Terlouw K. The selective nature of place branding and the layering of spatial identities. Journal of place management and development. 2011. 4(2). 135-147.

Cleave E., Sadler R., Kyeremeh E., Arku G. Place marketing, place branding, and social media: Perspectives of municipal practitioners. Growth and change. 2016. 48(4). 1012-1033.

Eshuis J. & Edwards A. Branding the city: The democratic legitimacy of a new mode of governance // Urban studies. 2013. 50 (5). 1066–1082.

Govers R. From place marketing to place branding and back // Place branding and public diplomacy. 2011. 7(4). 227-231.

Halme J. Discursive construction of the legitimacy of a place marketing project: The case of north Karelia // Journal of place management and development. 2017. 10 (1). 61–72.

Niedomysl T. & Jonasson M. Towards a theory of place marketing // Journal of place management and development. 2012. 5(3). 223-230.

Warnaby G., Medway D. What about the 'place' in place marketing? // Marketing theory. 2013. 13(3). 345-363.

Reference list

Anohin E. V. Regional'nyj marketing: teorija i praktika = Regional marketing: theory and practice // Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika. 2013. №8 (311). S. 55-68.

Ambler T. Prakticheskij marketing = Practical marketing Sankt-Peterburg : Piter, 2015. 400 с.

Blinov A. V. Territorial'nyj marketing i upravlenie razvitiem municipal'nogo obrazovaniya = Territorial marketing and management of the development of the municipality. Moskva : Forum, 2012. 265 s.

Bogdanova L. P. Sobytijnyj marketing kak instrument prodvizhenija territorii = Event marketing as a tool to promote the territory / L. P. Bogdanova, E. Ju. Pigareva // Regional'nye issledovaniya. 2017. №2 (56). S. 93-100.

Butov V. I. Osnovy regional'noj jekonomiki = Regional economic fundamentals / V. I. Butov, V. G. Ignatov, N. P. Ketova. Moskva, Rostov-na-Donu : Izd-vo MarT, 2000. 170 s.

Gapopenko A. L. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija: strana, region, gorod = Socio-economic development strategy: country, region, city. Moskva : Izd-vo RAGS, 2001. 187 s.

Durova A. V. Marketing territorii v sisteme gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija = Marketing of territory in the system of state and municipal administration // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, jekonomiki i prava. 2016. №4 (60). S. 268-275.

Kotler F. Marketing dlja gosudarstvennyh i obshhestvennyh organizacij = Marketing for government and community organizations / per. s angl. pod red. S. G. Bozhuk. Sankt-Peterburg : Piter, 2008. 485 s.

Lavrov A. M. Formirovanie rynochnoj jekonomiki: regional'nyj aspekt. Ch.2 Regional'nyj marketing i tendencii ego razvitija = Formation of market economy: regional aspect. P.2 Regional marketing and trends Kemerovo : Kuzbasvuzizdat, 1994.164 s.

Mal'ceva E. A. Gorodskoj marketing kak vektor razvitija territorii = Urban marketing as a vector of territory development // Jekonomika i socium. 2020. №8 (75). S. 328-243.

Pankruhin A. P. Marketing territorij = Territory marketing Sankt-Peterburg : Piter, 2006. 365 s.

Razorvin I. V. Osobennosti marketingovyh tehnologij territorii = Features of the territory's marketing technologies / I. V. Razorvin, E. S. Kulikova // Agrarnyj vestnik Urala. 2012. №3. S. 81-82.

Romanishina T. S. Investicionnyj marketing v razvitii territorii = Investment marketing in the development of the territory // Finansovyje issledovanija. 2020. №3 (68). S. 109-115.

Sachuk T. K voprosu o sushhnosti ponjatija «territorial'nyj produkt» = To the question of the essence of the concept “territorial product”. Moskva : Izdatel'stvo RAGS, 2005. 141 s.

Shendo M. V. Regional'nyj marketing kak instrument kapitalizacii resursov territorii = Regional marketing as a tool for capitalizing territorial resources / M. V. Shendo, E. V. Sviridova, S. O. Gordienko // Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Jekonomika. 2021. №3. S. 109-115.

Atorough P. & Martin A. The politics of destination marketing: Assessing stakeholder interaction choice orientations toward a DMO formation, using the Thomas-Kilman conflict mode instrument // Journal of Place management and development. 2012. 5(1). 35-55.

Boisen M., Terlouw K. The selective nature of place branding and the layering of spatial identities. Journal of place management and development. 2011. 4(2). 135-147.

Cleave E., Sadler R., Kyeremeh E., Arku G. Place marketing, place branding, and social media: Perspectives of municipal practitioners. Growth and change. 2016. 48(4). 1012-1033.

Eshuis J. & Edwards A. Branding the city: The democratic legitimacy of a new mode of governance // Urban studies. 2013. 50 (5). 1066–1082.

Govers R. From place marketing to place branding and back // Place branding and public diplomacy. 2011. 7(4). 227-231.

Halme J. Discursive construction of the legitimacy of a place marketing project: The case of north Karelia // Journal of place management and development. 2017. 10 (1). 61–72.

Niedomysl T. & Jonasson M. Towards a theory of place marketing // Journal of place management and development. 2012. 5(3). 223-230.

Warnaby G., Medway D. What about the 'place' in place marketing? // Marketing theory. 2013. 13(3). 345-363.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 06.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 01.11.2021; approved after reviewing 06.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021

ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья

УДК 364.3+37.064+37.048

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-110-120

Цифровая платформа как технология семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Зоя Ивановна Лаврентьева

Доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии института истории, гуманитарного и социального образования ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск. lzi53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9428-497X>

Аннотация. В процессе семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, высок уровень субъективности специалистов. Зачастую решения принимаются без должного анализа совместимости запросов ребенка и семьи, без глубокого рассмотрения ресурсов семьи для конкретного ребенка. Снять данное противоречие может учет многочисленных показателей при подборе замещающей семьи для ребенка. Целью данной статьи является представление опыта использования цифровой платформы как технологии семейного устройства сирот. В статье раскрывается педагогическая сущность платформы, представляются философские основы и принципы создания цифрового сервиса, обосновывается выбор основных показателей, необходимых для анализа ситуации. Основное внимание уделяется научному обоснованию использования цифры в педагогическом процессе, построению цифровой платформы на принципах отбора передовых отечественных и зарубежных исследований при изучении жизнедеятельности детей в замещающих семьях. Показано, как формируется матрица подбора семьи для ребенка, выделяются критерии ресурсности замещающей семьи, представлены основные методики сбора эмпирического материала. Программа самостоятельно определяет красные зоны и дает стоп-сигнал при наличии большого количества рисков помещения ребенка именно в эту семью. Ценностью цифровизации процессов семейного устройства детей-сирот является открытость, независимость и учет многочисленных показателей

функционирования семейной системы. К участию в программе приглашаются специалисты, будущие родители и сами дети. Создание сервиса на базе благотворительного фонда усиливает общественный контроль за принятием решений передачи детей в замещающие семьи. Это повышает личную ответственность и осознанность принимаемых решений о создании замещающей семьи. В заключении определены перспективы использования цифровых платформ в организации сопровождения замещающих семей.

Ключевые слова: семейная система, семейное воспитание, дети-сироты, замещающая семья, цифровая платформа, службы сопровождения, цифровые технологии, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Лаврентьева З. И. Цифровая платформа как технология семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 110-120. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-110-120>

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Digital platform as a technology for the family placement of orphans and children left without parental care

Zoya I. Lavrentieva

Doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of department of pedagogics and psychology of the institute of history, arts and social education, FSBEI HE “Novosibirsk state pedagogical university”, Novosibirsk.
lzi53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9428-497X>

Abstract. In the process of family placement of orphans and children left without parental care, the level of subjectivity of specialists is high. Often decisions are made without a proper analysis of the compatibility of the child and family's requests, without in-depth consideration of family resources for a particular child. This contradiction can be removing by taking into account numerous indicators when selecting a substitute family for a child. The purpose of this article is to present the experience of using a digital platform as a technology for the family device of orphans. The article reveals the pedagogical essence of the platform presents the philosophical foundations and principles of creating a digital service, justifies the choice of the main indicators necessary for analyzing the situation. The main attention is given to the scientific substantiation of the use of numbers in the pedagogical process, the construction of a digital platform based on the principles of selection of

advanced domestic and foreign studies in the study of the life of children in foster families. It is shown how the matrix of family selection for a child is formed, the criteria for the resourcing of a foster family are highlighted, and the main methods of collecting empirical material are presented. The program independently determines the red zones and gives a stop signal if there is a large number of risks in placing a child in this particular family. The value of digitalization of the processes of the family placement of orphans is openness, independence and consideration of numerous indicators of the functioning of the family system. Specialists, future parents and children themselves are invited to participate in the program. The creation of a service based on a charitable foundation strengthens public control over the decision-making of the transfer of children to foster families. This increases personal responsibility and awareness of decisions about creating a foster family. In conclusion, the prospects for the use of digital platforms in the organization of support for foster families are determined.

Keywords: family system, family education, orphans, substitute family, digital platform, support services, digital technologies, interdepartmental interaction

For citation: Lavrentieva Z. I. Digital platform as a technology for the family placement of orphans and children left without parental care. *Social and political researches*. 2021;4(13):110-120. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-110-120>

Введение

Цифровые технологии всё активнее внедряются в практику различных видов деятельности. Цифровые сервисы открывают новые возможности для многостороннего взаимодействия заинтересованных лиц по обмену информацией и ценностями, позволяют каждому участнику включиться в единый процесс сбора, обмена и управления важными и необходимыми сведениями [Дмитриев, 2019; Хаперская, 2021]. Совершенно очевидно, что обращение к цифре становится актуальным и для такой специфической сферы социальной жизни, как семейное устройство де-

тей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Научная проблема заключается в том, чтобы определить такие основания отбора содержания цифровой платформы, чтобы обеспечить единые ценностные установки пользователей, научность и достоверность расположенной на платформе информации, валидность эмпирических данных, позволяющих подобрать наиболее ресурсную семью для ребенка.

Инновационный опыт

Одну из таких платформ разработали специалисты благотвори-

тельного фонда «Солнечный город» г. Новосибирска.

Платформа «Все свои» в качестве ведущей цели определяет увеличение шанса ребенка и семьи на успешное и счастливое содружество. Она открывает возможность с помощью большого количества информации о семье и ребенке и математической матрицы соотнесения этих данных найти наибольшее количество совпадений ожиданий (запросов) семьи и ребенка. Математический анализ широкого объема данных наглядно демонстрирует ресурсы семьи для ребенка, покажет возможности самого ребенка, укажет на возможные риски создания замещающей семьи.

Вместе с тем, разработчики платформы совершенно справедливо утверждают, что цифровые технологии являются лишь начальным этапом движения ребенка и семьи навстречу друг другу, предварительным сервисом, который помогает разобраться с большим объемом информации, и совсем не решают задачу обычного «подбора» семьи для ребенка. Этот сервис заставляет погрузиться в проблему, увидеть ее сложность и неоднозначность эмоциональных решений по поводу создания замещающей семьи. Он стимулирует глубокий анализ, понимание разных точек зрения и увеличивает личную ответственность за принятие решения как со стороны родителей, так и со стороны ребенка. Окончательное решение принимается при личных встречах всех участников процесса:

ребенка, родителей, специалистов служб сопровождения и опеки.

Педагогическая сущность цифровой платформы

Обмен и продвижение информации на цифровых сервисах по семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, направлены, с одной стороны, на привлечение современных пользователей интернета к участию в решении проблем сиротства, с другой – на оптимизацию самой процедуры передачи детей в замещающие семьи. Это современная и востребованная территория встреч большого количества людей, удобное и современное техническое средство пользователей. Цифровая платформа объединяет единомышленников и предоставляет возможность каждому участнику выразить свое собственное мнение и повлиять на решение проблемы. Как алгоритм нахождения друг друга в единой информатизационной среде, платформа позволяет снижать издержки субъективности всех участников процесса при принятии оптимального решения о передаче ребенка в замещающую семью. Сервис объединяет все заинтересованные стороны: ребенка, будущих приемных родителей, специалистов, общественность. Он обеспечивает межведомственное взаимодействие и общественный контроль.

Теоретические основы отбора содержания сервиса

На платформе представлены философские основы и принципы работы участников взаимодействия, что позволяет четко и однозначно представить ценности разработчиков. Ведущим принципом выступает ресурсность семьи, то есть нахождение таких обстоятельств, фактов и содержания семейной структуры, которые помогут раскрыться возможностям и способностям, обнаруженным у ребенка [Лаврентьева, 2014, Махнач, 2016, Ослон, 2006].; помогут восстановить или актуализировать в ребенке его потенциал, сделать его более адаптированным, устойчивым и нацеленным на самостоятельное будущее [Гущина, 2017; Лаврентьева, 2017; Lavrentieva, 2020].

Признание этих ценностей выступает основой включенности в программу, исключает нахождение в ней противников или сомнеющихся в самой идее семейного устройства сирот, в необходимости нахождения наиболее оптимального сочетания интересов ребенка и семьи, в необходимости независимой оценки показателей для нахождения ресурсной семьи для ребенка.

Центральной идеей платформы «Все свои» является разработка матрицы встречи ребенка и замещающей семьи. Именно матрица и делает сервис цифровым, объективным и независимым. Матрица позволяет группировать и обрабатывать большой массив информации и предлагать

прогностические решения, что явно снимает одну из сложнейших современных проблем – возврат детей из замещающих семей.

Несомненной ценностью данного сервиса выступает научное обоснование каждого элемента предложенной матрицы подбора семьи для ребенка. Разработчики обращаются к авторитетным российским и зарубежным исследователям, которые на большом исследовательском массиве выводят закономерности успешности замещающего родительства [Боенкина, 2017; Корниенко, 2012; Полякова, 2017; Schofield, Beek, Ward, 2013]. Все исследования, на которые опираются разработчики, имеют строгую научную основу и неоднократно подтверждались разными учеными. Так, на основе теоретических выводов о том, что дети, имеющие длительный сиротский стаж, особенно если они воспитывались в учреждении с раннего возраста или происходят из семьи с большим количеством детей, легче адаптируются в многодетной семье; дети, недавно изъятые из семьи (особенно после жестокого обращения или сексуального насилия) лучше всего себя чувствуют в бездетной в настоящее время семье, в семье с одним ребенком того же пола или в неполной (материнской) семье родителям предлагается пройти стандартизированный опросник, применяемый в ранее проведенных исследованиях [Прихожан, 2009]. Таких теоретических и авторитетных

выводов в платформе предложено достаточно, чтобы убедиться в научности платформы и позволить участникам соотнести свои суждения с теоретически доказанными выводами [Расчетина, Лаврентьева, 2018; Тарабрина, Майн, 2014; Mogis, 2017].

Кроме того, выбор разработчиками передовых и актуальных исследований, на выводы которых ориентируют родителей, позволяет находить такие показатели, при которых фокус решения смещается к той семье, в которой ребенку будет лучше всего, снизятся риски возвратов [Курочкина, 2014; Лаврентьева, 2021]. При нежелании будущих родителей учитывать цифровые результаты, матрица покажет риски. Они будут видны и специалистам, которые потом будут сопровождать семью. Все открыто, прозрачно, без субъективного давления со стороны специалистов.

Наряду с традиционными показателями ресурсности семьи для ребенка, которые сегодня широко применяются на практике (социально-демографическая характеристика семьи; бытовые условия жизнеустройства; мотивация приема ребенка), предлагаемый сервис обращает внимание на такие важные, находящиеся на передовых рубежах современной науки критерии как готовность замещающих родителей взаимодействовать с кровными родственниками, вовлеченность семьи в открытый социум, удовлетворенность родительство [Корниенко, 2012; Schofield, 2013]. Все

это делает сервис зрелым с научной точки зрения.

Безусловной положительной оценки достойна идея обозначения так называемых красных и стоп-критериев. Современная практика показывает, что многие будущие замещающие родители, пройдя школу подготовки к приему ребенка-сироты и получив отрицательные рекомендации по созданию замещающей семьи, всеми средствами добиваются реализации своего решения, обвиняя специалистов в необоснованной субъективности. Спорить с цифровым сервисом будет сложнее. Результаты будут видеть и другие участники сервиса. Если такие сигналы и не остановят наиболее настойчивых в реализации своих желаний родителей, то помогут специалистам сразу обратиться на внимание на риски.

Положительным элементом сервиса является внимательное обращение к состоянию здоровья как принимаемого ребенка, так и самих родителей. Практика показывает, что медицинские заключения не всегда понятны родителям. Предложенные анкеты и собственная оценка здоровья, позволяют снимать тревогу по поводу физического и психического состояния ребенка, более ответственно относиться к принятию в семью детей с ограниченными возможностями здоровья.

Методы исследования

Методики сбора информации стандартизированы, что позволяет

приводить их к общим цифровым показателям. Содержание методик разнообразно и включает в себя все стороны жизни ребенка и семьи.

Респондентами выступают как родители, так и дети, специалисты центров, где эти дети проживают. Объем информации получается большой, но согласованный друг с другом. Сама матрица очень проста и удобна для понимания результатов. С педагогической точки зрения важно, что часть информации видят только родители. Дети видят те результаты, которые помогают им разобраться в том, почему именно эта семья подходит ребенку больше всего. Само участие в заполнении анкет, опросов, тестов позволяет и ребенку, и родителям еще больше разобраться в себе и принять осознанное решение.

Большое внимание уделяется анализу личностных качеств ребенка и родителей и их ценностным ориентациям, которые, по мнению специалистов, выступают основой успешности современных людей [Гуляевская, 2017; Яценко, 2016]. Будущие родители, заполняя многочисленные личностные тесты, начинают задумываться над своими личностными качествами и начинают понимать, как они могут повлиять на жизнедеятельность семьи, принявшей ребенка-сироту. Конечно, хорошо, если они сами увидят, что у них высокий уровень агрессивности или многочисленные акцентуации характера и на этом

основании откажутся от мысли создания замещающей семьи. Но большинство тестов направлено на то, чтобы сам родитель увидел свои ресурсы, о которых не всегда задумывался.

Результаты тестов, которые проходят дети, также дают возможность разглядеть ребенка с разных сторон. Особое внимание уделяется выявлению потенциальных возможностей ребенка, о которых рассказывают специалисты центров, где сейчас находится ребенок. Психологи ответственно и внимательно относятся к заполнению материалов о ребенке. С целью снижения субъективности суждений, большинство методик строго стандартизированы.

Заключение

В заключении отметим, что предложенная платформа – это действительно прорыв, переход на современные технологии по работе с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, и их будущими родителями. Это создание условий для принятия вдумчивого решения всеми участниками платформы. Это единое ценностное пространство. Это объективность, открытость и прозрачность деятельности государственных структур и общественных организаций, заинтересованных в успешности реализации социальной политики, обеспечивающих каждому ребенку естественную среду его роста и развития – семью.

Библиографический список

- Боевская Е. А. Определение мотивации у кандидатов в замещающие родители как профилактика вторичного сиротства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2017. № 5-6. С. 32–37.
- Гуляевская Н. В. Особенности информационной социализации молодежи в современном мире / Н. В. Гуляевская, А. И. Зинина // Развитие человека в современном мире: научный периодический журнал. 2017. №1. С. 153-157.
- Гущина Т. Н. Особенности социально-педагогического сопровождения коррекции ценностных ориентаций несовершеннолетних / Т. Н. Гущина, А. А. Афанасова // Педагогика и психология современного образования: теория и практика: Материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского», Ярославль, 02-03 марта 2017 года. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 92-96.
- Дмитриев И. В. Цифровая платформа как технология проектирования и реализации образовательных траекторий школьников в модели дополнительного образования «Территория интеллекта»/ И. В. Дмитриев, Р. Б. Торский, С. В. Кравченко // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № (5) 27. С. 107-116.
- Корниенко Д. С. Личностные свойства родителя и темперамент ребенка как предикторы детско-родительских отношений / Д. С. Корниенко, А. В. Краснов // Фундаментальные исследования. 2012. № 11-5. С. 1140-1144.
- Курочкина И. А. Неуспешное замещающее родительство как зона социально-психологического риска // Управление рисками, влияющими на уровень социальной безопасности детства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 13–14 ноября 2014 г. / отв. ред. Е. В. Патраков. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 24-28.
- Лаврентьева З. И. Мотивационный дневник как способ организации взросления подростка в замещающей семье // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2017. № 2. С. 41-46.
- Лаврентьева З. И. Приемная семья как социально-педагогический феномен: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 218 с.
- Лаврентьева З. И. Педагогическое содействие подросткам, возвращенным из замещающих семей в социальные учреждения : монография / З. И. Лаврентьева, Е. Е. Леонова. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2021. 195 с.
- Махнач А. В. Диагностика жизнеспособности и ресурсности замещающих семей как условие профилактики отказов от приемных детей // Организационная психология и психология труда. / Институт психологии РАН. 2016. Т. 1. № 1. С. 227–253.
- Ослон В. Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. Москва : Генезис, 2006. 368 с.
- Полякова О. Б. Формирование мотивации к приему ребенка в семью у кандидатов в замещающие родители // Молодежная наука: тенденции развития. 2017. № 2 (2). С. 19-25.
- Прихожан А. М. Особенности развития личности детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых // Психологическая наука и образование. 2009. №3. С. 5-12.
- Расчетина С. А. Теоретические предпосылки исследования социальных проблем детства и способов их решения в процессе профессионального

социально-педагогического образования / С. А. Расчетина, З. И. Лаврентьева // Современное детство: психолого-педагогическая поддержка семьи и развитие образования: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16-18 апреля 2018 г. Москва : ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», 2018. Том 1. С. 139-147.

Тарабрина Н. В. Индивидуальная и межпоколенческая психотравматизация усыновителей и качество приемной семьи (эмпирическое исследование) / Н. В. Тарабрина, Н. В. Майн // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 34. С. 17-21.

Хаперская А. В., Минин М. Г. Электронная обучающая платформа и педагогический мониторинг в условиях цифровой трансформации / А. В. Хаперская, М. Г. Минин // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 4. С. 131-138.

Яцыно О. Н. Программа подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к проживанию в принимающей семье / О. Н. Яцыно, Ю. О. Гамрецкая // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. Санкт-Петербург : Городской информационно-методический центр «Семья», 2016. № 7. С. 154–164.

Lavrentieva Z. I., Leonova E. E. Returns of adolescents from adoptive families: problems and pedagogical solutions // The European proceedings of social and behavioural sciences EpSBS. Edited by A. G. Shirin. 2020. С. 389-395.

Morris K. M., Archard P. J., Laird S. E. et al. Family experiences of children's social care involvement following a social work change programmer. Journal of social work practice. 2017. URL: <https://doi.org/10.1080/02650533.2017.1326473>. (Дата обращения: 03.11.2021).

Schofield G., Beek M., Ward E., Biggart, L. Professional foster care and committed parent: role conflict and role enrichment at the interface between work and family in long-term foster care. Special issue: Rediscovering family and kinship: new directions for social work theory, policy and practice. Volume 18, Issue, 2013. URL: <https://doi.org/10.1111/cfs.12034>. (Дата обращения: 03.11.2021).

Reference list

Boenkina E. A. Opredelenie motivacii u kandidatov v zameshhajushhie roditeli kak profilaktika vtorichnogo sirotstva = Determination of motivation in candidates for substitute parents as prevention of secondary orphanhood // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie. 2017. № 5-6. S. 32–37.

Guljaevskaja N. V. Osobennosti informacionnoj socializacii molodezhi v sovremennom mire = Features of information socialization of youth in the modern world / N. V. Guljaevskaja, A. I. Zinina // Razvitie cheloveka v sovremennom mire: nauchnyj periodicheskij zhurnal. 2017. №1. S. 153-157.

Gushhina T. N. Osobennosti social'no-pedagogicheskogo soprovozhdenija korrekcii cennostnyh orientacij nesovershennoletnih = Features of socio-pedagogical support for correction of the value orientations of minors / T. N. Gushhina, A. A. Afanasova // Pedagogika i psihologija sovremennogo obrazovanija: teorija i praktika: Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii «Chtenija Ushinskogo», Jaroslavl', 02-03 marta 2017 goda. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 92-96.

Dmitriev I. V. Cifrovaja platforma kak tehnologija proektirovaniya i realizacii obrazovatel'nyh traektorij shkol'nikov v modeli dopolnitel'nogo obrazovaniya «Territorija intellekta» = Digital platform as a technology for designing and implementing educational trajectories of schoolchildren in the model of additional education "Territory of Intelligence" / I. V. Dmitriev, R. B. Torskij, S. V. Kravchenko // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. 2019. № (5) 27. S. 107-116.

Kornienko D. S. Lichnostnye svojstva roditelja i temperament rebenka kak prediktory detsko-roditel'skih otnoshenij = Personality properties of the parent and temperament of the child as predictors of child-parental relations / D. S. Kornienko, A. V. Krasnov // Fundamental'nye issledovanija. 2012. № 11-5. S. 1140-1144.

Kurochkina I. A. Neuspeshnoe zameshhajushhee roditel'stvo kak zona social'no-psihologicheskogo riska = Failed substitute parenthood as a socio-psychological risk zone // Upravlenie riskami, vlijajushhimi na uroven' social'noj bezopasnosti detstva: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Ekaterinburg, 13–14 nojabrja 2014 g. / otv. red. E. V. Patrakov. Ekaterinburg : UrFU, 2015. S. 24-28.

Lavrent'eva Z. I. Motivacionnyj dnevnik kak sposob organizacii vzroslenija podrostka v zameshhajushhej sem'e = Motivational diary as a way of organizing the growing up of a teenager in a substitute family // Social'naja pedagogika v Rossii. Nauchno-metodicheskij zhurnal. 2017. № 2. S. 41-46.

Lavrent'eva Z. I. Priemnaja sem'ja kak social'no-pedagogicheskij fenomen = Foster family as a socio-pedagogical phenomenon: monograph. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2014. 218 s.

Lavrent'eva Z. I. Pedagogicheskoe sodejstvie podrostkam, vozvrashhennym iz zameshhajushhih semej v social'nye uchrezhdenija Pedagogical assistance to adolescents returned from substitute families to social institutions : monografija / Z. I. Lavrent'eva, E. E. Leonova. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2021. 195 s.

Mahnach A. V. Diagnostika zhiznesposobnosti i resursnosti zameshhajushhih semej kak uslovie profilaktiki otkazov ot priemnyh detej Diagnosis of the viability and resourcefulness of replacement families as a condition for the prevention of refusals from foster children // Organizacionnaja psihologija i psihologija truda. / Institut psihologii RAN. 2016. T. 1. № 1. S. 227–253.

Oslon V. N. Zhizneustrojstvo detej-sirot: professional'naja zameshhajushhaja sem'ja. Life of orphans: a professional substitute family Moskva : Genezis, 2006. 368 s.

Poljakova O. B. Formirovanie motivacii k priemu rebenka v sem'ju u kandidatov v zameshhajushhie roditeli Formation of motivation for the admission of a child to the family of candidates for substitute parents // Molodezhnaja nauka: tendencii razvitiya. 2017. № 2 (2). S. 19-25.

Prihozhan A. M. Osobennosti razvitiya lichnosti detej, vospityvajushhihsja v uslovijah materinskoj deprivacii Features of personal development of children brought up under conditions of maternal deprivation / A. M. Prihozhan, N. N. Tolstyh // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2009. №3. S. 5-12.

Raschetina S. A. Teoreticheskie predposylki issledovanija social'nyh problem detstva i sposobov ih reshenija v processe professional'nogo social'no-pedagogicheskogo obrazovanija Theoretical prerequisites for the study of social problems of childhood and

ways to solve them in the process of professional socio-pedagogical education / S. A. Raschetina, Z. I. Lavrent'eva // *Sovremennoe detstvo: psihologo-pedagogicheskaja podderzhka sem'i i razvitie obrazovanija: sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Moskva, 16-18 aprelja 2018 g. Moskva : FGBNU «Institut izuchenija detstva, sem'i i vospitanija RAO», 2018. Tom 1. S. 139-147.

Tarabrina N. V. Individual'naja i mezhpokolencheskaja psihotravmatizacija usynovitelej i kachestvo priemnoj sem'i (jempiricheskoe issledovanie) Individual and intergenerational psychotraumatization of adoptive parents and quality of foster care (empirical study) / N. V. Tarabrina, N. V. Majn // *Psihologicheskie issledovanija*. 2014. T.7. №34. S. 17-21.

Haperskaja A. V. Jelektronnaja obuchajushhaja platforma i pedagogicheskij monitoring v uslovijah cifrovoj transformacii E-learning platform and pedagogical monitoring in digital transformation / A. V. Haperskaja, M. G. Minin // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2021. T. 30. № 4. S. 131-138.

Jacyno O. N. Programma podgotovki detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditel'ej, k prozhivaniju v prinimajushhej sem'e Programme to prepare orphans and children without parental care for residence in the foster family / O. N. Jacyno, Ju. O. Gamreckaja // *Social'noe obsluzhivanie semej i detej: nauchno-metodicheskij sbornik*. Sankt-Peterburg : Gorodskoj informacionno-metodicheskij centr «Sem'ja», 2016. № 7. S. 154-164.

Lavrentieva Z. I. Returns of adolescents from adoptive families: problems and pedagogical solutions / Z. I. Lavrentieva, E. E. Leonova // *The European proceedings of social and behavioural sciences EpSBS*. Edited by A. G. Shirin. 2020. S. 389-395.

Morris K. M. Family experiences of children's social care involvement following a social work change programmer / K. M. Morris, P. J. Archard, S. E. Laird et al. // *Journal of social work practice*. 2017. URL: <https://doi.org/10.1080/02650533.2017.1326473>. (Data obrashhenija: 03.11.2021).

Schofield G., Beek M., Ward E., Biggart, L. Professional foster care and committed parent: role conflict and role enrichment at the interface between work and family in long-term foster care. Special issue: Rediscovering family and kinship: new directions for social work theory, policy and practice. Volume 18, Issue, 2013. URL: <https://doi.org/10.1111/cfs.12034>. (Data obrashhenija: 03.11.2021).

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 20.10.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication on 30.11.2021

Научная статья

УДК 379.8

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-121-132

Особенности процесса профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования

Ирина Игоревна Фришман

Доктор педагогических наук, профессор, директор научно-практического центра Международного союза детских общественных объединений «Союз пионерских организаций – Федерация детских организаций» (СПО-ФДО), г. Москва.
spo-frishman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2141-4205>

Аннотация. Актуальность статьи определена несоответствием образовательных потребностей педагогов дополнительного образования предлагаемым и существующим технологиям их профессионально-личностного развития, что обусловило необходимость определения современного содержания, эффективных форм, методов, условий саморазвития и самоорганизации специалистов дополнительного образования. Разнообразие методологических подходов к определению содержания профессионального и личностного развития педагога в условиях модернизации инфраструктуры системы дополнительного образования также затрудняет определение перечня педагогических компетенций и условий их развития. Профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования рассматривается как система процессов, раскрывающая субъектный потенциал личности, связанный с вариантами функций в организации дополнительного образования. В результате исследования перспективных концептуальных положений и анализа научно педагогической литературы в формате изучения особенностей процесса профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования автором уточнено содержание понятия «профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования», а именно: это процесс поэтапного решения познавательных, коммуникативных, морально-этических задач в ходе самообразования и рефлексии. Рассмотрены возможности профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования. В статье рассматриваются методологические подходы, обосновывающие особенности процесса профессионально-личностного развития педагога дополнительного образования. В результате изучения отечественных психолого-педагогических, научных подходов к понятию «профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования» автор выделяет сущностные характеристики рассматриваемого

© Фришман И. И., 2021

феномена: ориентированность на достижение цели, владение предметными знаниями, способами саморазвития, самодиагностики, самооценки, информационно-коммуникативная компетентность, рефлексия, владение образовательными технологиями развития и саморазвития личности, креативность, социальная активность и ответственность. Определены два основных направления профессиональной подготовки в контексте управления персоналом, кадрового менеджмента образовательной организации: психолого-педагогическое направление, обусловленное профессиональными требованиями к педагогу дополнительного образования; социально-предметное направление, обеспечивающее необходимый уровень овладения знаниями, умениями и навыками профилям (направленностям) программ дополнительного образования. Описываются приоритетные виды деятельности, влияющие на эффективность профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования; определяются механизмы самообразования и рефлексии.

Ключевые слова: система дополнительного образования, субъекты образовательной системы, профессионально-личностное развитие, управление персоналом, самообразование, рефлексия педагога

Для цитирования: Фришман И. И. Особенности процесса профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 121-132. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-121-132>

Original article

Features of the process of professional and personal development of additional education teachers

Irina I. Frishman

Doctor of pedagogical sciences, professor, director of the scientific and practical center of the International Union of Children's Public Associations "Union of Pioneer Organizations – Federation of Children's Organizations" (SPO-FDO), Moscow.
spo-frishman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2141-4205>

Abstract. The relevance of the article is determined by the discrepancy between the educational needs of teachers of additional education and the proposed and existing technologies for their professional and personal development, which made it necessary to determine the modern content, effective forms, methods, conditions for self-development and self-organization of additional education specialists. The variety of methodological approaches to determining the content of a teacher's professional and personal development in conditions of modernizing the infrastructure of the additional education system also makes it difficult to determine the list of pedagogical competencies and

conditions for their development. The professional and personal development of additional education teachers is considered as a system of processes that reveals the subjective potential of the individual associated with options for functions in the organization of additional education. As a result of the study of promising conceptual provisions and the analysis of scientific pedagogical literature in the format of studying the features of the process of professional and personal development of additional education teachers, the author clarified the content of the concept of “professional and personal development of additional education teachers”, in particular: this is a process of step-by-step solving cognitive, communicative, moral and ethical problems during self-education and reflection. Possibilities of professional and personal development of additional education teachers are considered. The article considers methodological approaches justifying the peculiarities of the process of professional and personal development of the additional education teacher. As a result of studying domestic psychological and pedagogical, scientific approaches to the “professional and personal development of additional education teachers” concept, the author identifies the essential characteristics of the phenomenon under consideration: focus on achieving the goal, possession of substantive knowledge, ways of self-development, self-diagnostics, self-esteem, information-communicative competence, reflection, knowledge of educational technologies of development and self-development of the person, creativity, social activity and responsibility. Two main areas of professional training are defined in the context of personnel management, personnel management of the educational organization: psychological and pedagogical direction, due to professional requirements for a teacher of additional education; social-subject direction providing the necessary level of mastery of knowledge, skills in profiles (directions) of additional education programs. Priority activities affecting the effectiveness of professional and personal development of additional education teachers are described; self-formation and reflection mechanisms are defined.

Keywords: additional education system, subjects of educational system, professional-personal development, personnel management, self-education, teacher reflection

For citation: Frishman I. I. Features of the process of professional and personal development of additional education teachers. *Social and political researches*. 2021;4(13):121-132. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-121-132>

Введение

Анализ результатов исследований учёными процесса профессионально-личностного развития свидетельствует о наличии отече-

ственных научных разработок в области личностного развития педагога дополнительного образования с учетом специфики сферы его педагогической деятельности [Асмо-

лов, 1997; Асафова, 2021; Голованов, 2006; Гущина, 2013; Золотарёва, 2004; Фришман, 2004].

В связи с этим, можно выделить два основных направления профессиональной подготовки в контексте управления персоналом, кадрового менеджмента образовательной организации:

- психолого-педагогическое, обусловленное профессиональными требованиями к педагогу дополнительного образования;

- социально-предметное, обеспечивающее необходимый уровень овладения знаниями, умениями и навыками по направлениям (профилям) программ дополнительного образования.

В работах, посвященных управлению персоналом, раскрываются сущностные характеристики понятия «профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования» как нормы деятельности и компетентности, личностной характеристики в рамках полученного педагогического образования до вхождения в профессиональную деятельность педагога дополнительного образования. [Бурлакова, 2010; Гущина, 2009; Интеграция общего и дополнительного... , 2006; Фришман, 2020].

В результате изучения отечественных психолого-педагогических научных подходов к понятию «профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования» можно выделить следующее сущностные характеристики: ориен-

тированность на достижение цели, владение предметными знаниями, способами саморазвития, самодиагностики, самооценки, информационно-коммуникативная компетентность, рефлексия, владение образовательными технологиями развития и саморазвития личности, креативность, социальная активность и ответственность.

Профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования можно рассматривать, в том числе, как процесс совершенствования способов включения в педагогическую деятельность, которая осуществляется личностью в ходе решения морально-нравственных, познавательных, коммуникативных целевых установок при овладении необходимым комплексом профессионально важных качеств [Бруднов, 2000; Дополнительное образование детей ... , 2010; Евладова, 2002; Логинова, 2002; Методика преподавания по программам, 2020].

Особенности профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования обусловлены спецификой системы и содержания дополнительного образования детей [Закон об образовании... , 2021; Распоряжение Правительства РФ... , 2014].

Педагог дополнительного образования, как правило, владеет базовой предметной подготовкой на теоретическом и практическом уровнях. Данная подготовка по направлениям дополнительного образования ориентирована на ка-

чественные изменения в профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования с учетом применения ими способов саморазвития, самоорганизации, самообразования.

Специфика деятельности профессионально-личностного развития педагогов

Для качественного изменения уровня профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования раскроем содержание аспектов их деятельности.

Изучение новинок литературы, статей, публикаций по проблематике профессиональной деятельности, личностному развитию.

Знакомство с профессиональной литературой позволяет педагогам дополнительного образования отслеживать новые тенденции в программном обеспечении детского объединения.

Чтение литературы в смежных областях позволяет педагогу получать информацию, связанную с расширением представлений и знаний в междисциплинарных сферах, например, информационных технологий, культурологии и истории, экономики и менеджмента.

Обновления профессиональных контактов.

Для педагога дополнительного образования необходимо постоянно обновлять профессиональные контакты. В системе дополнительного образования организуются различные региональные, федеральные и

международные мероприятия, позволяющие решить эту задачу. Широкая география событий предоставляет возможность педагогам за короткий срок узнать много нового, ознакомиться с разнообразием идей программ дополнительного образования, профессионально-личностного развития, стать участником дискуссий.

- Использование возможностей социальных сетей, медиотехнологий.

Кроме государственных институтов повышения квалификации, институтов развития образования, многие высшие учебные заведения имеют факультеты или отделения дополнительного образования педагогов. Семинары и тренинги, вебинары, обмен опытом представителей сообществ педагогов дополнительного образования проводят негосударственные учебные центры (в онлайн и офлайн форматах).

- Получение дополнительной квалификации в области менеджмента в образовании.

Возможности профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования сегодня охватывают широкий спектр получения дополнительной квалификации в области менеджмента в образовании. Организациям дополнительного образования в настоящее время помимо педагогической деятельности необходимо привлекать дополнительные источники финансирования и специалистов непедагогической отрасли. Для

управления финансовыми потоками, подбора персонала, проведения маркетинговых и рекламных исследований требуются администраторы, владеющие одновременно управленческими технологиями и современными образовательными подходами.

- Рефлексия – основной механизм личностного развития.

Как показывают исследования, рефлексия у педагогов дополнительного образования является необходимым аспектом успешной реализации профессиональной деятельности [Анисимов, 2002; Кулуткин, 2006].

Решающий элемент рефлексии – возможность педагогу дополнительного образования сделать осознанный выбор профессиональной позиции, а значит, ощущать в единстве свою свободу и свою ответственность за происходящее.

К особенностям профессионально-личностного развития педагога дополнительного образования относятся мастерство педагога в определенной предметной деятельности, его целеустремленность, коммуникативность, креативность, способность решать проблемы и преодолевать трудности, положительная Я-концепция, приверженность интересам ребенка, стремление к саморазвитию [Асмолов, 1997; Голованов, 2018].

К формальным характеристикам педагога дополнительного образования относятся профессиональное образование, знания и навыки в об-

ласти педагогики, психологии, нормативно-правового обеспечения системы дополнительного образования детей.

Таким образом, определяя сущностные характеристики понятия «Профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования» остановимся на следующих положениях:

- профессионально-личностное развитие педагога дополнительного образования целесообразно осуществлять без отрыва от педагогической деятельности в учреждении, используя способы самообразования и педагогического взаимодействия;

- уровень профессионально-личностного развития педагога определяются практическим опытом реализации программ дополнительного образования, готовностью к использованию механизмов рефлексии и принятия управленческих решений;

- методическое обеспечение профессионально-личностного развития педагога связано с построением индивидуальных траекторий развития, позволяющих влиять на уровень компетентности педагога дополнительного образования в соответствии с меняющимися требованиями.

Понятие «профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования» в контексте процесса управления персоналом организации, кадрового менеджмента может рассматриваться как система процессов, раскрываю-

щая субъектный потенциал личности, который связан с вариантами функций в учреждении дополнительного образования. Профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования понимается как процесс творческой самореализации личности, предполагающий проектирование качественных изменений на различных этапах жизнедеятельности, проявляющиеся в компетенциях, личностных качествах в результате влияния профессии и собственной активности, способствует эффективности выполнения профессиональных функций.

Профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования представляет собой единство саморазвития и самоорганизации личности, результатом которого становятся инновации в профессиональной деятельности.

На основе анализа научных подходов к понятию «профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования», отечественных и зарубежных образовательных теорий развития профессиональной компетентности личности, междисциплинарных связей психологии развития личности, возрастной психологии, психологии труда, акмеологии, научно-педагогической литературы по теме исследования можно утверждать, что учебно-познавательные и метапрофессиональные качества позволяют педагогу продуктивно осуществлять свою профессиональную деятельность на

современном уровне и развиваться на протяжении всех этапов обучения и саморазвития.

Рефлексия как системообразующий элемент и условие профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования, метакомпетентность являются основным механизмом развития профессиональной компетентности педагога. Развитие рефлексивных способностей педагога обеспечивает возможность роста и качественных изменений в его профессиональной деятельности на различных уровнях освоения профессии педагога дополнительного образования, предотвращение профессиональной стагнации, профессиональных деформаций, эмоционального выгорания. В этом случае происходит обогащение и появление источников нового профессионального опыта, создается возможность для разработки и внедрения в деятельность учреждения дополнительного образования авторских программ и проектов.

При наличии профессии «педагог дополнительного образования» недостаточно внедрена система профессиональной подготовки к ней. Для педагога дополнительного образования характерна определенная мобильность в профессиональной деятельности. Полученное профессиональное образование и жизненный опыт, интерес к реализации программ дополнительного образования являются основаниями его педагогической деятельности.

Особенности профессионально-личностного развития педагога дополнительного образования обусловлены спецификой системы, содержания дополнительного образования детей, профессионального образования, жизненного опыта, разноплановой мотивацией к педагогической деятельности, успешностью в предыдущей профессиональной деятельности и ориентацией на успех в педагогической деятельности.

Большинство изученных в ходе исследования научных разработок, посвященных развитию личности педагога дополнительного образования, его профессионализма, педагогического мастерства, содержат описание профессионально-личностного развития на базе полученного в вузе педагогического образования по специальности «Учитель», без учета специфики системы дополнительного образования. Разнообразие подходов к определению содержания профессионально-личностного развития педагога в условиях модернизации инфраструктуры системы дополнительного образования затрудняет определение перечня педагогических компетенций и определение условий их формирования и развития.

В связи с этим в научной литературе и практике по проблеме профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования превалирует традиционный когнитивный подход к повышению квалификации в системе дополнительного профессионального образования с отрывом от пе-

дагогической деятельности. Овладение педагогом дополнительного образования способами саморазвития, самообразования и рефлексии является особенностью изучаемого явления.

Заключение

Несоответствие образовательных потребностей педагогов дополнительного образования предлагаемым и существующим технологиям профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования обусловило необходимость определения современного содержания, эффективных форм и методов, условий саморазвития и самоорганизации педагогов дополнительного образования.

Профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования может рассматриваться как система процессов, раскрывающая субъектный потенциал личности, связанный с вариантами функций в учреждении дополнительного образования.

В результате исследования перспективных концептуальных положений и анализа научной педагогической литературы было уточнено содержание понятия «профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования».

Профессионально-личностное развитие педагогов дополнительного образования рассматривается как процесс поэтапного решения познавательных, коммуникативных,

морально-этических задач в ходе самообразования и рефлексии.

Таким образом, мы рассмотрели возможности профессионально-личностного развития педагогов дополнительного образования. Осознание педагогом своей деятельности, средств и методов ее осуществления составляет основу профессионального педагогического развития. Способность педагога

находить наиболее оптимальные пути разрешения педагогических ситуаций будет свидетельствовать об уровне его педагогического мастерства. Главное – это способность педагога осознать, рефлексировать особенности своего индивидуального стиля деятельности и в соответствии с этим осуществлять выбор средств решения педагогических проблемных ситуаций.

Библиографический список

Асмолов А. Г. Дополнительное образование как зона ближайшего развития образования в России: от традиционной педагогики к педагогике развития // Внешкольник. 1997. №9. С. 6–8.

Анисимов О. С. Онтологии в рефлексивном пространстве. Москва : Вестник АСМБ, 2002. 400 с.

Асафова Т. Ф. Развитие социального творчества в системе дополнительного образования: исследования и анализ результативной практики / Т. Ф. Асафова, Е. В. Девятерикова // Социально-политические исследования. 2021. № 2 (11). С. 100–110.

Бруднов А. К. Проблемы становления и развития системы дополнительного образования детей // От внешкольной работы – к дополнительному образованию. Москва : ВЛАДОС, 2000. С. 2–8.

Бурлакова И. В. Использование новых педагогических технологий при организации педагогического процесса в учреждениях дополнительного образования. URL: <http://festival.1september.ru/articles/584687/>. (Дата обращения: 01.10.2021).

Голованов В. П. Актуальные проблемы воспитания в системе дополнительного образования детей. Дополнительная профессиональная образовательная программа повышения квалификации руководящих и педагогических работников образовательных организаций // Дополнительное профессиональное образование педагогов в области воспитания и социализации. Сборник вариативных дополнительных профессиональных образовательных программ повышения квалификации педагогов. Москва : ФГБНУ «ИИД СВ РАО», 2018. С. 212–242.

Голованов В. П. Развитие полисферности дополнительного образования детей. Йошкар-Ола : Марийский гос. пед. ин-т, 2006. 339 с.

Гущина Т. Н. Дополнительное образование детей как фактор развития региональной системы образования : коллективная монография / под ред. А. В. Золотарёвой, С. Л. Паладьева. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. 300 с.

Гущина Т. Н. Дополнительное образование детей как фактор развития образовательных учреждений разных типов // Региональные проблемы развития

образования : коллективная монография / под ред. М. И. Рожкова, А. В. Золотарёвой. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. 304 с.

Гущина Т. Н. О формировании тьюторской позиции педагога дополнительного образования в процессе повышения квалификации: возможности и ограничения // Чтения Ушинского. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. С. 31–35.

Евладова Е. Б. Дополнительное образование детей : учеб. пособие для студентов учреждений сред. проф. образования / Е. Б. Евладова, Л. Г. Логинова, Н. Н. Михайлова. Москва : Владос, 2002. 348 с.

Золотарева А. В. Дополнительное образование детей: теория и методика социально-педагогической деятельности: Федеральная целевая программа «Культура России» (подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»). Ярославль : Акад. развития, 2004. 303 с.

Интеграция общего и дополнительного образования : практическое пособие / под ред. Е. Б. Евладовой. А. В. Золотарёвой. С. Л. Паладьева. Москва : АРКТИ, 2006. 296 с.

Кулюткин Ю. Н. Изменяющийся мир и образование взрослых // Человек и образование, 2006. № 8–9. С. 50–51.

Логинова Л. Г. Технология аттестации и аккредитации учреждений дополнительного образования детей : сб. науч.-метод. и инструктив. материалов. Москва : АРКТИ, 2002. 174 с.

Методика преподавания по программам дополнительного образования в избранной области деятельности : учебное пособие / под. ред. Л. В. Байбородовой. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 241 с.

Закон об образовании в Российской Федерации (ФЗ № 85 от 5 апреля 2021 г.)

Распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 722-р.

Фришман И. И. Сетевые модели социального партнёрства в дополнительном образовании детей как инновационные практики // Социально-политические исследования. 2020. № 2 (7). С. 92–101.

Фришман И. И. Методика работы педагога дополнительного образования : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., стер. Москва : ACADEMIA, 2004. 158 с.

Reference list

Asmolov A. G. Dopolnitel'noe obrazovanie kak zona blizhajshego razvitiya obrazovanija v Rossii: ot tradicionnoj pedagogiki k pedagogike razvitiya = Additional education as a zone of the closest development of education in Russia: from traditional pedagogy to pedagogy of development // Vneshkol'nik. 1997. №9. S. 6–8.

Anisimov O. S. Ontologii v reflektivnom prostranstve. Ontology in reflexive space Moskva : Vestnik ASMB, 2002. 400 s.

Asafova T. F. Razvitie social'nogo tvorchestva v sisteme dopolnitel'nogo obrazovanija: issledovanija i analiz rezul'tativnoj praktiki = Development of social creativity in the system of additional education: research and analysis of effective practices / T. F. Asafova, E. V. Devjaterikova // Social'no-politicheskie issledovanija. 2021. № 2 (11). S. 100–110.

Brudnov A. K. Problemy stanovlenija i razvitija sistemy dopolnitel'nogo obrazovanija detej = Problems in the formation and development of children's supplementary education // Ot vneshkol'noj raboty – k dopolnitel'nomu obrazovaniju. Moskva : VLADOS, 2000. S. 2-8.

Burlakova I. V. Ispol'zovanie novyh pedagogicheskikh tehnologij pri organizacii pedagogicheskogo processa v uchrezhdenijah dopolnitel'nogo obrazovanija = Use of new pedagogical technologies in the organization of the pedagogical process in additional education institutions. URL: <http://festival.1september.ru/articles/584687/>. (Data obrashhenija: 01.10.2021).

Golovanov V. P. Aktual'nye problemy vospitanija v sisteme dopolnitel'nogo obrazovanija detej. Dopolnitel'naja professional'naja obrazovatel'naja programma povyshenija kvalifikacii rukovodjashhih i pedagogicheskikh rabotnikov obrazovatel'nyh organizacij = Topical problems of raising children in the system of additional education. Additional professional training programme for management and teaching staff of educational organizations // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie pedagogov v oblasti vospitanija i socializacii. Sbornik variativnyh dopolnitel'nyh professional'nyh obrazovatel'nyh programm povyshenija kvalifikacii pedagogov. Moskva : FGBNU «IIDS V RAO», 2018. S. 212–242.

Golovanov V. P. Razvitie polisfernosti dopolnitel'nogo obrazovanija detej = Development of polysecurity in supplementary education for children Joshkar-Ola : Mapijskij gos. ped. in-t, 2006. 339 s.

Gushhina T. N. Dopolnitel'noe obrazovanie detej kak faktor razvitija regional'noj sistemy obrazovanija = Complementary education of children as a factor in the development of the regional education system: kollektivnaja monografija / pod red. A. V. Zolotarjovoj, S. L. Palad'eva. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2009. 300 s.

Gushhina T. N. Dopolnitel'noe obrazovanie detej kak faktor razvitija obrazovatel'nyh uchrezhdenij raznyh tipov = Additional education of children as a factor in the development of educational institutions of various types // Regional'nye problemy razvitija obrazovanija : kollektivnaja monografija / pod red. M. I. Rozhkova, A. V. Zolotarjovoj. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. 304 s.

Gushhina T. N. O formirovanii t'jutorskoj pozicii pedagoga dopolnitel'nogo obrazovanija v processe povyshenija kvalifikacii: vozmozhnosti i ogranichenija = On the formation of the tutor position of the additional education teacher in the process of advanced training: opportunities and restrictions // Chtenija Ushinskogo. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. S. 31–35.

Evladova E. B. Dopolnitel'noe obrazovanie detej = Additional education of children: ucheb. posobie dlja studentov uchrezhdenij sred. prof. obrazovanija / E. B. Evladova, L. G. Loginova, N. N. Mihajlova. Moskva : Vlados, 2002. 348 s.

Zolotareva A. V. Dopolnitel'noe obrazovanie detej: teorija i metodika social'no-pedagogicheskoi dejatel'nosti: Federal'naja celevaja programma «Kul'tura Rossii» (podprogramma «Podderzhka poligrafii i knigoizdanija Rossii») = Additional education of children: theory and methodology of socio-pedagogical activity: federal target program “Culture of Russia” (subprogramme “Support of graphic arts and book publishing of Russia”). Jaroslavl' : Akad. razvitija, 2004. 303 s.

Integracija obshhego i dopolnitel'nogo obrazovanija = Integration of general and supplementary education : prakticheskoe posobie / pod red. E. B. Evladovoj. A. V. Zolotarjovoj. S. L. Palad'eva. Moskva : ARKTI, 2006. 296 s.

Kuljutkin Ju. N. Izmenjajushhij mir i obrazovanie vzroslyh = The changing world and adult education // Chelovek i obrazovanie, 2006. № 8–9. S. 50-51.

Loginova L. G. Tehnologija attestacii i akkreditacii uchrezhdenij dopolnitel'nogo obrazovanija detej = Technology of certification and accreditation of institutions for additional education of children : sb. nauch.-metod. i instruktiv. materialov. Moskva : ARKTI, 2002. 174 s.

Metodika prepodavanija po programmam dopolnitel'nogo obrazovanija v izbrannoju oblasti dejatel'nosti = Methods of teaching additional education programmes in chosen areas of activity : uchebnoe posobie / pod. red. L. V. Bajborodovoj. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt, 2020. 241 s.

Zakon ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii (FZ № 85 ot 5 aprelja 2021g.) = Law on Education in the Russian Federation (Federal Law No. 85 dated from April 5, 2021).

Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 30 aprelja 2014 g. № 722-r = Decree of the Government of the Russian Federation dated April 30, 2014 No. 722-p.

Frishman I. I. Setevye modeli social'nogo partnjorstva v dopolnitel'nom obrazovanii detej kak innovacionnye praktiki = Network models of social partnership in children's complementary education as innovative practices // Social'no-politicheskie issledovanija. 2020. № 2 (7). S. 92–101.

Frishman I. I. Metodika raboty pedagoga dopolnitel'nogo obrazovanija = Methods of work of the additional education teacher : ucheb. posobie dlja studentov vyssh. ped. ucheb. zavedenij. 2-e izd., ster. Moskva : ACADEMIA, 2004. 158 s.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 22.10.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication on 30.11.2021

Научная статья

УДК 331.5

doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-133-147

Ретроспективный анализ проблемы приобщения осужденных к ценностям искусства

Эльвира Викторовна Зауторова

Доктор педагогических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики»; ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», г. Вологда.

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Аннотация. Проблема социализации личности в противоречивых условиях страны – одна из самых актуальных для современной России. Социокультурный кризис поразил все основные сферы нашего бытия, привел к утрате многих ценностей, отразился на духовно-нравственной области. В этих условиях важно знать, какие глубинные регуляторы, то есть мотивы человеческих деяний – цели, традиции, эмоции, потребности и ценности движут поведением личности.

Нам представляется, что активное приобщение осужденных к различным видам искусства в исправительно-воспитательном процессе поможет формированию позитивных ценностных ориентаций правонарушителей, будет способствовать более успешному их нравственному исправлению. Между тем, анализ пенитенциарной практики выявляет противоречия между духовно-нравственным потенциалом искусства и его невостребованностью в исправительном процессе пенитенциарных учреждений, наличием богатого опыта в нравственно-эстетическом воспитании личности и неразработанностью технологий по его внедрению в местах лишения свободы, недостаточностью современной профессиональной подготовки специалистов уголовно-исполнительной системы. Поэтому актуальными для науки и практики являются проблемы, связанные с изучением, выявлением, описанием и осмыслением общих и конкретных путей, адекватных методических приемов, способствующих формированию нравственных ценностных ориентаций осужденных средствами искусства.

Произведения искусства не механически трансформируются в поступки человека, а проходят переосмысление и отбор в его нравственном опыте, наполняя его социально ценным содержанием, способствуют

© Зауторова Э. В., 2021

разностороннему развитию личности, вырабатывают эстетическое отношение к действительности. Ретроспективный анализ приобщения осужденных к ценностям искусства будет способствовать поиску новых путей в исправлении личности, основанных на принципах гуманизма и демократизма.

Ключевые слова: исправительные учреждения, лишение свободы, осужденные, воспитательный потенциал искусства, приобщение к ценностям искусства, воспитательная работа

Для цитирования: Зауторова Э. В. Ретроспективный анализ проблемы приобщения осужденных к ценностям искусства // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 133-147. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-133-147>

Original article

Retrospective analysis of the problem of introducing convicts to the values of art

Elvira V. Zautorova

Doctor of pedagogical sciences, professor, department of legal psychology and pedagogy, FSEI HE “Vologda Institute of Law and Economics”; leading researcher at the FSI “Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia”, Vologda. elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract. The problem of socialization of the individual in the contradictory conditions of the country is one of the most urgent for modern Russia. The socio-cultural crisis has affected all the main spheres of our existence, led to the loss of many values, and affected the spiritual and moral sphere. In these conditions, it is important to know which deep regulators, that is, the motives of human actions – goals, traditions, emotions, needs and values drive the behavior of the individual.

It seems to us that the active introduction of convicts to various types of art in the correctional and educational process will help to form positive value orientations of offenders, will contribute to their more successful moral correction. Meanwhile, the analysis of penitentiary practice reveals contradictions between the spiritual and moral potential of art and its lack of demand in the correctional process of penitentiary institutions, the presence of rich experience in moral and aesthetic education of the individual and the lack of technology for its implementation in places of deprivation of liberty, the insufficiency of modern professional training of specialists for the penal system. Therefore, problems related to the study, identification, description and understanding of general and specific ways, adequate methodological

techniques that contribute to the formation of moral value orientations of convicts by means of art are relevant for science and practice.

Works of art are not mechanically transformed into human actions, but undergo rethinking and selection in his moral experience, filling it with socially valuable content, contribute to the versatile development of personality, develop an aesthetic attitude to reality. A retrospective analysis of the introduction of convicts to the values of art will contribute to search new ways to correct the personality based on the principles of humanism and democracy.

Keywords: correctional institutions, imprisonment, convicts, educational potential of art, familiarization with the values of art, educational work

For citation: Zautorova E. V. Retrospective analysis of the problem of introducing convicts to the values of art. *Social and political researches*. 2021;4(13):133-147. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-133-147>

Введение

Проблема социализации личности в противоречивых условиях страны – одна из самых актуальных для современности [Рожков, 2016; Рожков, 2021; Мудрик, 2016; Формирование компетентности личности, 2021]. Социокультурный кризис поразил все основные сферы нашего бытия, привел к утрате многих ценностей, отразился на духовно-нравственной области [Галицких, 2003]. В этих условиях важно знать, какие глубинные регуляторы, то есть мотивы человеческих деяний – цели, традиции, эмоции, потребности и ценности движут поведением личности.

В сложившейся ситуации особую роль приобретает процесс формирования ценностных ориентаций личности – устремлений, желаний, потребностей, важнейших личных ценностей и целей жизни. Ценностные ориентации взаимо-

связаны между собой и составляют некую систему, где важное место занимают нравственные ценностные ориентации, так как именно от них зависит характер отношений человека с окружающей действительностью и именно ими в определенной мере детерминируется его поведение.

Особенно низкий уровень развития социально значимых ценностных ориентаций, нравственно-эстетического отношения к действительности, социальной активности, гражданской позиции, гуманизма, коллективизма, являющихся важнейшими показателями нравственности личности, имеют осужденные, переступившие черту закона и отбывающие наказание в местах лишения свободы. Так, со всей очевидностью встает вопрос о ценностно-целевых ориентирах процесса исправления правонарушителей, способах формирования и раз-

вития нравственных качеств осужденных [Зауторова, 2007].

Пенитенциарная практика нуждается в переменах, которые выполняли бы гуманистические, спасительные, действительно реабилитационные функции в процессе исправления осужденных. Назрела потребность поиска новых подходов и способов воспитательной работы с осужденными, потребность в более энергичном «лечении» человека красотой искусства, диалоговой интонацией, практической реализацией программно-целевых установок в духовно-развивающих условиях воспитательных отношений.

Активизация процесса формирования нравственных ценностных ориентаций осужденных средствами искусства значительно повысит уровень воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях, будет способствовать формированию и развитию ценностных ориентаций, личностно значимого отношения к идеологическим, нравственным и эстетическим явлениям, поможет минимизировать риск криминализации осужденных и их духовной индоктринации. Произведения искусства не механически трансформируются в поступки человека, а проходят переосмысление и отбор в его нравственном опыте, наполняя личность социально ценным содержанием, способствуют разностороннему развитию личности, вырабатывают эстетическое отношение к действительности.

Искусство является одним из важных факторов нравственного воспитания личности. Связанное с ним эмоционально-образное мышление вводит искусство в число активных средств формирования нравственного отношения осужденного к обществу, друг к другу, к себе. Искусство способно оставить глубокий след в личностном становлении правонарушителя, помочь ему реализовать свои возможности, приобщиться к накопленному человечеством опыту, общечеловеческим интересам, ценностям, устремлениям, идеалам. Искусство также может стать способом профилактики и коррекции поведения осужденных, помочь им компенсировать негативные психические состояния, отрегулировать эмоциональные проявления в коллективе, дать ценный опыт позитивных изменений.

Объективным условием развития ведомственной юридической науки и совершенствования служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе является опора на предшествующий опыт, изучение которого имеет не только познавательное значение, но и позволяет выявлять в нем идеи, наиболее адекватные сегодняшнему дню. Это необходимо для того, чтобы использовать плодотворные наработки прошлого и избежать повторения ошибок, которые имели место ранее.

Тенденции использования возможностей воспитания осужден-

ных в российской уголовно-исполнительной практике отмечаются на протяжении достаточно долгого периода. Наиболее выраженное проявление они находили во времена, характеризующиеся радикальными изменениями в правоохранительной политике государства.

Целью нашего исследования является ретроспективный анализ накопленного опыта, изучение особенностей процесса приобщения осужденных к ценностям искусства с целью поиска эффективных средств, методов и форм в исправлении лиц, находящихся в изоляции от общества.

Система государственной политики по отношению к осужденным во второй половине XVIII века

Еще в екатерининскую эпоху отмечено усиление предупредительного начала в государственной социальной политике. Следуя за западной мыслью, Екатерина II поднимает вопрос об ответственности общества за совершенное человеком преступление. В изданном в 1767 году «Наказе» она говорит о необходимости сострадания к заключенным, призывая «принести в темницы жалость и человеколюбие» [Полное собрание законов ..., 1830, с. 218]. Тем самым впервые светская власть обратила внимание на вопросы нравственного исправления преступников. Осужденных, особенно это касалось малолетних

преступников, стали не только пытаться спасать от нужды и порока, но и целенаправленно воспитывать, создавать из них совершенно «новую породу людей», свободных граждан, готовых служить Отечеству «делами рук своих в различных искусствах и ремеслах» [Яблочков, 1901, с. 24]. По сути, речь шла о грандиозном социально-педагогическом эксперименте, в процессе которого путем целенаправленного воспитания следовало подготовить так называемое «третье сословие» – отсутствующее звено в тогдашней российской социальной стратификации.

С 1762 года в России вводится институт официальных увещателей, которые назначались и к осужденным. По определению тогдашнего Святейшего Правительствующего Синода, увещание необходимо было рассматривать как средство воспитания всех граждан России. В качестве рекомендации Синодом было предложено «ежедневно собирать арестантов в церковь для слушания божественной литургии...и раздавать для чтения книги, изданные Библейским обществом»; чтение религиозной литературы немислимо было без наставления. Рекомендовалось также при тюрьмах организовывать библиотеки. К числу исправительных мер, применявшихся к преступникам в местах заключения, относилось и совершение молитвы. Особый акцент делался на понимании искусства как «небесного восхождения» души

человека. Приближая к Богу, разные виды искусства тем самым облагораживали и морально воздействовали на личность («греху узда, похотей уставление, ума возвышение»)» [Терентьева, 1997, с. 1.].

Научное осмысление механизма воздействия искусства на человека в XIX веке

Начиная с 1860-х годов эстетическое воспитание рассматривалось передовыми педагогами (К. Д. Ушинский, В. П. Острогорский, П. Ф. Каптерев и др.) как действенное средство привития человеку гуманных качеств, развития у него интереса к жизни в ее многообразных проявлениях, формирования творческих способностей личности. Широкое распространение получили идеи духовного развития подрастающего поколения средствами искусства. Так, К. Д. Ушинский указывал на «важность положительных эмоций, компенсировать недостаток которых можно путем включения человека в разнообразные виды деятельности, при этом особо выделяя их художественное воплощение» [Ушинский, 1950, с. 35–36]. Педагог-гуманист одним из первых в отечественной педагогике предложил включать воспитанника в организованную, разумную, нравственно насыщенную деятельность.

Эти гуманистические и демократические настроения в педагогике оказали значительное влияние на воспитательную систему испра-

вительных заведений. В качестве средств исправления в них стали применяться религиозно-нравственные чтения и церковное пение. Посещение церкви рассматривалось как неременная обязанность арестантов. В качестве средства организации полезного досуга осужденных в пенитенциарной практике начали использоваться элементы общекультурной эстетической деятельности (хоровое пение, чтение, клубная работа и др.) [Юридическая педагогика, 2004, с. 783]. Почти во всех заведениях воспитанники осваивали народные промыслы.

В 70–90-е годы XIX века целой плеядой отечественных педагогов, психологов, физиологов, психиатров были заложены основы научной отрасли – педагогической патологии (И. А. Сикорский), предметом которой становится трудновоспитуемый ребенок. В научной разработке юридических аспектов поведения несовершеннолетних в этот период ведущая роль принадлежит Д. А. Дрилю – выдающемуся отечественному ученому, который внес много позитивного в психолого-педагогическую работу с правонарушителями. Например, он не устал доказывать, что отклонения в поведении могут не закрепиться при условии рационального воспитания и оздоровления внешней обстановки. Это положение можно отнести и к эстетическому окружению, и к организации полезной де-

тельности, в том числе художественной [Дриль, 1888].

В начале XX века в отечественной педагогике был выдвинут ряд педагогических концепций, ориентированных на поиски новых путей образования и воспитания человека. В основе концепции свободного воспитания лежал принцип уважения к личности, заключающийся в признании приоритета достоинства человека над любыми иными духовными или материальными ценностями.

Упорядочение системы уголовных наказаний на основе принципов демократизма и гуманизма после Февральской революции 1917 года

Буржуазное Временное правительство после Февральской революции 1917 года приступило к упорядочению системы уголовных наказаний на основе принципов демократизма и гуманизма. В связи с этим руководство тогдашнего Главного управления местами заключения уделяло большое внимание тюремному персоналу и считало, что решать новые задачи «способны ... лишь новые кадры», а не те, которые воспитаны «в атмосфере беспорядка и неуважения к человеческой личности» и усвоившие «навыки прежнего строя» [Уголовно-исполнительная система, 2004, с. 54–56]. Постановлением Временного правительства от 7 апреля 1917 года были учреждены пениitenciарные курсы по подготовке работников мест заключения, которые получали рекомендации и по

воспитательной работе с правонарушителями. Новый этап воспитательной работы с осужденными наступил со становлением советской уголовно-исполнительной системы.

Основным содержанием реформы системы исполнения уголовных наказаний в 20-е годы XX века Главное управление местами заключения РСФСР считало максимальное приближение условий быта заключенных к условиям жизни на свободе и требовало от местных подведомственных органов, чтобы они предоставляли возможность заключенным повышать уровень общеобразовательных и профессиональных знаний, развивать индивидуальные способности в интересующих их сферах деятельности.

Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 30 июня 1920 года общее руководство постановкой дела образования в местах лишения свободы было возложено на Народный Комиссариат просвещения. Декрет носил противоречивый характер, потому что его содержание не согласовывалось с общими принципами организации культурно-просветительской работы в местах заключения. К тому же вскоре Положением об общих местах заключения РСФСР, утвержденным постановлением Народного комиссариата юстиции от 15 ноября 1920 года, было введено понятие нового средства воспитательного воздействия – «учебно-воспитательного дела», составной

частью которого объявлялась культурно-просветительная работа, а реализация его целиком возлагалась на администрацию мест лишения свободы [Детков, 1999].

Культурно-просветительной работе в те годы стремились придать содержательный, планомерный характер. Шло всемерное развитие самодеятельности заключенных. Придав правовой статус культурно-просветительной комиссии, кодекс предоставил ей право издания журналов, газет, тематических сборников для заключенных [Детков, 2001].

Формированию гуманистической тенденции периода 20–30-х годов способствовали труды ученых-пенитенциаристов Ю. Ю. Бехтерева, М. Н. Гернета, С. В. Познышева. Особое значение для пенитенциарной теории сыграла монография С. В. Познышева «Основы пенитенциарной науки» (М., 1923 г.), в которой целый раздел был посвящен проблемам культурно-просветительской работы [История педагогики и образования, 2001].

*Вклад А. С. Макаренко
в пенитенциарную практику*

Ценный вклад в изучение проблем эстетического воспитания внес основоположник пенитенциарной педагогики А. С. Макаренко. Опыт работы ученого-практика в исправительном учреждении с несовершеннолетними в истории нашей пенитенциарной системы известен как яркий пример многомерного использования социокуль-

турного фактора в условиях изоляции. Впервые в мире он предпринял попытку сбалансированного применения двух регуляторов: ему удалось найти золотую середину в использовании поощрения и наказания в процессе исправления.

А. С. Макаренко был убежден в небывалых возможностях воспитательного воздействия искусства на воспитанников. Важнейшей задачей он считал формирование «чувства красоты», вкладывая в это понятие «красоту и эстетику поступков» [Макаренко, 1958, с. 73]. Педагог придавал огромное значение культуре персонала и эстетике окружающей колонистов среды. Эта генеральная идея нравственного воспитания человека через эстетическое отношение к действительности остается и по сей день чрезвычайно актуальной.

Одну из первейших задач воспитания педагог видел в том, чтобы научить воспитанников хорошо отдыхать в интересной и веселой обстановке; чтобы отдых действительно помогал лучше трудиться, учиться, по-настоящему жить. Воспитатель тщательно учитывал возрастные и индивидуальные особенности подопечных, старался возвысить личные мотивы до общественных. В руководимой им колонии примитивные типы «приятного» времяпрепровождения постепенно вытеснялись организацией самодельных творческих кружков, общением воспитанников к радостной встрече с большим искусством,

работами по благоустройству быта и т. п. При организации досуга А. С. Макаренко советовал учитывать очевидные факты: добровольность участия, интересные и увлекательные занятия, удовлетворяющие запросы и вкусы ребят, сочетающие одновременно отдых, развлечение, учебу, труд и самые различные виды деятельности [Терский, 1976]. Организацию и проведение повседневных занятий по воспитанию хорошего вкуса к отдыху А. С. Макаренко считал одной из главных задач внеклассной работы.

Культурно-воспитательная работа с осужденными во время и после Великой Отечественной войны

Война крайне обострила проблемы организации культурно-воспитательной работы. В последующих нормативных актах отмечается недооценка этой работы со стороны ряда начальников лагерей, начальников политотделов; обращается внимание на проявляющуюся тенденцию отказа от ее проведения, преобладание в работе с заключенными исключительно мер административного воздействия. Новые подходы к организации исправительно-трудового процесса в условиях мирного времени нашли отражение во Временных указаниях о работе культурно-воспитательных отделов и отделений, и частей, которые определили формы участия заключенных в культурно-воспитательной работе. В качестве нового организующего органа са-

модеятельности заключенных выступает культсовет, членами которого назначаются руководители общественных секций, функционирующих при совете. Культсовет возглавлял начальник или инспектор культурно-воспитательной части.

Таким образом, культурно(политико)-воспитательная работа постоянно игнорировалась руководством лагерей. В то же время в условиях явных противоречий лагерной жизни данный период являлся периодом активной и содержательной разработки основных принципиальных положений организации воспитательной работы в местах лишения свободы, в центре которой стали находиться личность воспитателя и личность осужденного как главного объекта и непосредственного субъекта процесса исполнения и отбывания наказания.

Происходит пересмотр установившихся взглядов на эстетическое воспитание. Исследователи акцентируют внимание на взаимосвязи нравственного воспитания с эстетическим, осуществлении комплексного подхода к воспитанию личности. В Постановлении ЦК КПСС от 12 марта 1945 года «Об основных задачах Министерства внутренних дел СССР» дана неудовлетворительная оценка выполнению важной задачи по перевоспитанию осужденных. Обращается внимание на усиление организаторской работы в сфере исправления и перевоспитания заключенных. После амнистии 1953 года вновь под-

нимаются вопросы восстановления демократических начал, гуманных принципов в деятельности лагерей и колоний.

Послевоенный и перестроечный периоды в деятельности исправительных учреждений

Министерство внутренних дел СССР принимает ряд конкретных мер по устранению указанных недостатков. В лагерях и колониях организуется книжная торговля, разрешается издание бюллетеней для заключенных, а также выпуск многотиражных газет, активизируется самодеятельность заключенных, обобщается положительный опыт воспитательной работы с осужденными.

В конце 50-х годов ликвидируются исправительно-трудовые лагеря, формируется новая система уголовных наказаний и их исполнения. В 60-е годы наиболее подходящими организационными формами среды осужденных признавались отряды, комплектование которых осуществлялось по производственному принципу. Впервые на ведомственном уровне закрепляется принцип: «отряд – центр воспитательной работы с заключенными», а начальник отряда объявляется воспитателем и их непосредственным начальником, на которого возлагалась ответственность за их исправление [Уголовно-исполнительная система, 2004, с. 194]. Политико-воспитательная работа среди заключенных в этот пе-

риод определялась задачами социалистического строительства и была направлена также на повышение сознательности и культурного уровня. Были определены пути осуществления данной работы: лекции, доклады и беседы на различные темы; издание многотиражных и стенных газет; организация радиовещания; развитие творческой самодеятельности, полезной инициативы заключенных и их участие в общественных мероприятиях; проведение культурно-массовых мероприятий и развитие художественной самодеятельности, организацию библиотек, читален, клубов и др.

В 1960–1980-е гг. проблематика творчества осужденных в основном рассматривалась в аспекте достижения многоплановости досуга осужденных (А. Г. Ковалев, А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков). В 70-е годы разрабатывается программа по обеспечению занятости осужденных полезными делами: обращено внимание на отсутствие системы работы с осужденными в их свободное время, когда они предоставлены сами себе, особенно в выходные и праздничные дни. Предлагается шире привлекать к этой работе представителей культурно-просветительных учреждений. В перечне форм работы по обеспечению полезной занятости названа работа кружков и проведение выставок творчества осужденных; смотры, концерты художе-

ственной самодеятельности; клубная работа и т. д.

В теории и практике организации исправительно-трудового процесса признавался приоритет КПСС, поэтому в политико-воспитательной работе с осужденными отражается идеологическая деятельность партии.

В период перестройки нашего общества особую важность и значимость приобретают формирование мировоззрения личности в зависимости от эстетических идеалов, эстетического воспитания посредством искусства (литературы, музыки и изобразительной деятельности). В 80-е годы в России отмечается усиление внимания к вопросам влияния учебно-воспитательной деятельности педагога на личность воспитанника.

В 1990-е годы, когда в местах лишения свободы стало затруднительно обеспечивать трудозанятость всех осужденных, проблема творчества получила новую востребованность. Всё более утверждается позиция, что творчество, влияя на нравственно-эстетическое восприятие осужденными действительности, помогает им осознать свою вину за совершенное преступление и исправить свое поведение. Осужденные, увлеченные творчеством, быстрее осознают, что их истинное призвание состоит не в нарушении закона и режима содержания в исправительном учреждении, а в раскрытии собственного творческого потенциала: создании

картин, скульптур, литературно-художественных – стихотворных и прозаических, а также музыкальных произведений. Участие в творческой деятельности позволяет осужденному выразить все то, что психологически накопилось у него и в определенной форме проявить свою неординарность. Изменяя себя изнутри, осужденный исправляет и свое поведение [Энциклопедия юридической психологии, 2003].

*Использование искусства
в воспитательной работе
с осужденными на современном
этапе развития
уголовно-исполнительной системы
России*

Всё более активные попытки осмысления возможностей использования искусства в воспитательных целях предпринимаются в последние годы представителями отечественной школы. Выводы ученых подтвердили, что общение с искусством способствует развитию нравственно-эстетических качеств личности, позволяет человеку испытывать положительные эмоции, обуславливающие творчество человека в искусстве, науке и всей его жизни (И. П. Башкатов, А. В. Буданов, В. Г. Деев, М. Г. Дебольский, А. И. Зубков, В. М. Литвишков, А. В. Пищелко, В. М. Поздняков, А. М. Столяренко, М. П. Стурова, Н. А. Тюгаева, А. И. Ушатиков и др.).

В настоящее время в пенитенциарных учреждениях основной фор-

мой организации отдыха правонарушителей являются культурно-массовые мероприятия, «укрепляется взаимодействие с творческими союзами и театральными деятелями, проводятся смотры-конкурсы среди осужденных и сотрудников, в ряде подразделений функционируют самодеятельные театры» [Хомлюк, 2001, с. 8]. Как показывает российская практика, современные руководители исправительных учреждений используют искусство (музыка, театр, живопись, прикладные виды искусств и др.) для «выправления душ» осужденных. В учреждениях существуют кружки и клубы по интересам – декоративно-прикладного творчества, художественной самодеятельности и т. д.

В то же время отмечено, что сотрудниками при организации воспитательной работы в недостаточной степени учитывается и разви-

вается субъективный опыт осужденного, редко проектируются и имеют место ситуации выбора и успеха, не уделяется должного внимания созданию атмосферы, способствующей самопроявлению и самовыражению воспитуемых [Зауторова, 2021]. В связи с этим обращает на себя внимание дефицит квалифицированных кадров, недостаточно высокий уровень профессиональной готовности сотрудников осуществлять работу по приобщению осужденных к ценностям искусства с целью их исправления и нравственного изменения. Вместе с тем данный подход – есть уникальная возможность оживить, одухотворить педагогическое взаимодействие, что будет способствовать демократизации и гуманизации воспитательного процесса в местах лишения свободы.

Библиографический список

- Галицких Е. О. От сердца к сердцу. Мастерские ценностных ориентаций: методическое пособие. Санкт-Петербург : Паритет, 2003. 157 с.
- Детков М. Г. Исторические аспекты развития элементов самоуправления в среде осужденных к лишению свободы // Состояние и перспективы научного обеспечения организации воспитательной работы с осужденными : матер. научн.-практич. конфер. Вологда : ВИРО, 2001. С. 102-115.
- Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. Москва : «Вердикт-ИМ», 1999. 448 с.
- Дриль Д. А. Малолетние преступники. Вып. 2. Ч. 1. Психология преступности. Москва : Тип. Мамонтова, 1888. 255 с.
- Зауторова Э. В. Проблемы воспитательной службы исправительных учреждений / Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. №2(14). С. 18-23.
- Зауторова Э. В. Формирование нравственных ценностных ориентаций осужденных средствами искусства : монография. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2007. 343 с.

История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца века : учебное пособие для педагогических заведений / под ред. академика РАО А. И. Пискунова. 2-е изд., испр. и дополн. Москва : Т.Ц. Сфера, 2001. 512 с.

Макаренко А. С. Сочинения: В 7 т. Москва : АПН РСФСР, 1958, Т. V. 515 с.

Мудрик А. В. Социализация в контексте социокультурных расколов // Педагогическое образование и наука. 2016. № 4. С. 9-13.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Санкт-Петербург, 1830. Т.18. № 12949.

Рожков М. И. Преодоление как фактор саморазвития // Журнал педагогических исследований. 2021. Т. 6. № 1. С. 10-16.

Рожков М. И. Социальное закаливание молодёжи в преодолении жизненных трудностей //Актуальные проблемы образования и науки: традиции и перспективы. Москва : ФГНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2016. С. 187-192.

Терентьева Н. А. Музыкальная педагогика и образование. История и теория развития от истоков до современности. Санкт-Петербург : Образование, 1997. 148 с.

Терский В. Н. Об организации досуга в практике А. С. Макаренко. URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st139.shtml>. (Дата обращения: 11.10.2021).

Уголовно-исполнительная система, 125 лет / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. Москва : ОАО Тип. Новости, 2004. 288 с.

Формирование компетентности личности в коллаборативной среде: коллективная монография / под ред. Т. В. Макеевой. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2021. 175 с.

Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Сб. соч.: В 11 т. Москва : АПН, 1950. Т. 8. 777 с.

Энциклопедия юридической психологии / под общей ред. А. М. Столяренко. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 607 с.

Юридическая педагогика: Учебник для студ. вузов, обучающихся по специальности 021100 – «Юриспруденция» / С. А. Беличева, Л. И. Беляева, А. В. Буданов [и др.] / под. ред. В. Я. Кютя, А. М. Столяренко. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. 895 с.

Яблоков Н. В. Призрение детей в воспитательных домах. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1901. 71 с.

Reference list

Galickih E. O. Ot serdca k serdcu. Masterskie cennostnyh orientacij = From heart to heart. Workshops of value orientations: metodicheskoe posobie. Sankt-Peterburg : Paritet, 2003. 157 s.

Detkov M. G. Istoricheskie aspekty razvitija jelementov samoupravlenija v srede osuzhdennyh k lisheniju svobody = Historical aspects of the development of self-government among prisoners // Sostojanie i perspektivy nauchnogo obespechenija organizacii vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi : mater. nauchn.-praktich. konfer. Vologda : VIRO, 2001. S. 102-115.

Detkov M. G. Tjur'my, lagerja i kolonii Rossii = Prisons, camps and colonies of Russia Moskva : «Verdikt-IM», 1999. 448 s.

Dril' D. A. Maloletnie prestupniki = Juvenile delinquents Vyp. 2. Ch. 1. Psihologija prestupnosti. Moskva : Tip. Mamontova, 1888. 255 s.

Zautorova Je. V. Problemy vospitatel'noj sluzhby ispravitel'nyh uchrezhdenij = Problems of the correctional education service / Je. V. Zautorova, F. I. Kevlja // Teorija i praktika sociogumanitarnyh nauk. 2021. №2(14). S. 18-23.

Zautorova Je. V. Formirovanie нравственных ценностей ориентаций осужденных средствами искусства = Formation of moral value orientations of convicts by means of art: monografija. Vologda : VIPJe FSIN Rossii, 2007. 343 s.

Istorija pedagogiki i obrazovanija. Ot zarozhdenija vospitanija v pervobytnom obshhestve do konca veka = History of pedagogy and education. From the birth of education in primitive society to the end of the century: uchebnoe posobie dlja pedagogicheskikh zavedenij / pod red. akademika RAO A. I. Piskunova. 2-e izd., ispr. i dopoln. Moskva : T.C. Sfera, 2001. 512 s.

Makarenko A. S. Sochinenija = Compositions V 7 t. Moskva : APN RSFSR, 1958, T. V. 515 s.

Mudrik A. V. Socializacija v kontekste sociokul'turnyh raskolov = Socialization in the context of sociocultural divisions // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2016. № 4. S. 9-13.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI) = Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Sankt-Peterburg, 1830. T.18. № 12949.

Rozhkov M. I. Preodolenie kak faktor samorazvitija = Overcoming as a factor of self-development // Zhurnal pedagogicheskikh issledovanij, 2021. T. 6. № 1. S. 10-16.

Rozhkov M. I. Social'noe zakalivanie molodjozhi v preodolenii zhiznennyh trudnostej = Social hardening of youth in overcoming life difficulties //Aktual'nye problemy obrazovanija i nauki: tradicii i perspektivy. Moskva : FGNU «Institut izuchenija detstva, sem'i i vospitanija Rossijskoj akademii obrazovanija», 2016. S. 187-192.

Terent'eva N. A. Muzykal'naja pedagogika i obrazovanie. Istorija i teorija razvitija ot istokov do sovremennosti = Music pedagogy and education. History and theory of development from the origins to the present. Sankt-Peterburg : Obrazovanie, 1997. 148 s.

Terskij V. N. Ob organizacii dosuga v praktike A. S. Makarenko = On the organization of leisure in practice A. S. Makarenko.URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z00000008/st139.shtml>. (Data obrashhenija: 11.10.2021).

Ugolovno-ispolnitel'naja sistema, 125 let = Penal enforcement system, 125 years old/ pod obshh. red. Ju. Ja. Chajki. Moskva : OAO Tip. Novosti, 2004. 288 s.

Formirovanie kompetentnosti lichnosti v kollaborativnoj srede = Building personality competence in collaborative environment : kollektivnaja monografija / pod red. T. V. Makeevoj. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU im. K.D. Ushinskogo, 2021. 175 s.

Ushinskij K. D. Chelovek kak predmet vospitanija = A person as a subject of education Sb. soch.: V 11 t. Moskva : APN, 1950. T. 8. 777 s.

Jenciklopedija juridicheskoi psihologii = Encyclopedia of legal psychology / pod obshhej red. A. M. Stoljarenko. Moskva : JuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003. 607 s.

Juridicheskaja pedagogika = Legal pedagogy : uchebnik dlja stud. vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti 021100 – «Jurisprudencija» / S. A. Belicheva, L. I. Beljaeva, A. V. Budanov [i dr.] / pod. red. V. Ja. Kiotja, A. M. Stoljarenko. Moskva: JuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2004. 895 s.

Jablokov N. V. Prizrenie detej v vospitatel'nyh domah = Aloofness to children in foster homes Sankt-Peterburg : Gos. tip., 1901. 71 s.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 03.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 28.10.2021; approved after reviewing 03.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2021 – № 4 (13)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 18,5 п. л., 8,5 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 240. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.12.2021

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44